№ 250.

НЕ КОПИРОВАТЬ

А. С. Алексѣевъ.
Засл. Профессоръ Университета.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ КОНСТИТУЦІЙ

ВЪ

МОНАРХИЧЕСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ

КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

XIX ст.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОНСТИТУЦІОННАЯ ХАРТІЯ

1814 г.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1914.

10К

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
627
50

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выходящее нынѣ отдѣльнымъ изданіемъ цѣнное изслѣдованіе покойнаго профессора Московскаго университета Александра Семеновича Алексѣева было напечатано впервые въ видѣ трехъ отдѣльныхъ очерковъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ». Эти очерки, какъ легко убѣдиться даже изъ самаго бѣглаго ознакомленія съ ними и какъ указано самимъ авторомъ въ предпосланномъ первому очерку вступленіи, при внѣшней раздѣльности, внутренно объединены самой тѣсной связью. Въ своей совокупности они представляютъ первую и — въ извѣстномъ отношеніи — важнѣйшую часть обширной работы, задуманной А. С. Алексѣевымъ въ послѣдніе годы его жизни и имѣвшей задачей изобразить въ основныхъ чертахъ процессъ возникновенія конституціоннаго строя въ монархическихъ государствахъ континентальной Европы XIX столѣтія.

Тяжелая предсмертная болѣзнь и послѣдовавшая за нею кончина автора помѣшали полному осуществленію предначертаннаго имъ плана. Но связь съ этимъ планомъ издаваемаго нынѣ труда отнюдь не придаетъ этому послѣднему фрагментарнаго характера. Напротивъ, обнимая собой важнѣйшіе моменты въ исторіи возникновенія и истолкованія французской конституціонной хартіи 1814 г., отъ возвращенія Бурбоновъ до конца царствованія Людовика XVIII, онъ представляетъ собой законченное цѣлое и имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе. Цѣльности его не вредитъ и то обстоятельство, что намѣченный авторомъ четвертый очеркъ, который долженъ былъ быть посвященъ конституціонной исторіи царствованія Карла X, остался не написаннымъ. Политическій кризисъ, пережитый Франціей во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія и приведшій къ замѣнѣ хартіи 1814 г. хартіей 1830 года, представляетъ собой особый эпизодъ въ развитіи европейской конституціонной монархіи, во многихъ отношеніяхъ рѣзко отграниченный отъ предшествующаго его фазиса.

Исторія западно-европейскихъ монархическихъ конституцій первой половины XIX вѣка и, въ частности, хартіи 1814 г. не слу-

чайно привлекли къ себѣ усиленное вниманіе А. С. Алексѣева въ послѣдній періодъ его научной дѣятельности. Интересъ его къ этому моменту развитія западно-европейскаго конституціонализма былъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ тѣми задачами, которыя встали предъ русской наукой государственнаго права послѣ введенія въ Россіи представительнаго образа правленія. На русскихъ юристовъ - государствовѣдовъ легла обязанность конструировать тотъ новый, во многихъ отношеніяхъ своеобразный и неоднородный во всѣхъ своихъ частяхъ государственный порядокъ, который былъ установленъ Основными Законами 23 апрѣля 1906 г. Одна изъ главныхъ опасностей, угрожавшихъ русской юриспруденціи на этомъ пути, была обусловлена традиціонной зависимостью ея отъ нѣмецкой науки и заключалась въ соблазнѣ воспользоваться для объясненія новаго государственнаго строя, господствующей до сихъ поръ въ Германіи доктриной «монархическаго принципа», которую можно также назвать доктриной «октроированныхъ хартій». И опасность эта не осталась только въ возможности. Попытки пересадки на русскую почву вышеупомянутой теоріи были, дѣйствительно, сдѣланы.

А. С. Алексѣевъ выступилъ во всеоружіи своихъ знаній и своего научнаго авторитета противъ этой своеобразной рецепціи, бывшей, въ его глазахъ, «однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ того плѣненія, въ которомъ нѣмецкая наука держала до послѣдняго времени русскую политическую мысль». Критика доктрины «монархическаго принципа» въ ея основѣ и въ ея отдѣльныхъ проявленіяхъ была главнымъ мотивомъ его научной дѣятельности послѣднихъ лѣтъ и является крупной заслугой его предъ русской наукой государственнаго права.

Такъ называемая доктрина «монархическаго принципа» придумана въ эпоху умѣренной европейской реакціи первой половины XIX вѣка съ цѣлью примиренія двухъ по существу совершенно непримиримыхъ вещей: конституціоннаго ограниченія монарха, съ одной стороны, и традиціоннаго воззрѣнія на него какъ на обладателя всей государственной власти, съ другой. Въ своемъ содержаніи она сводится какъ, извѣстно, къ нижеслѣдующимъ основнымъ положеніямъ. Съ точки зрѣнія ея сторонниковъ, способъ перехода отъ абсолютнаго строя къ конституціонному всегда оказываетъ рѣшающее вліяніе на юридическую природу этого послѣдняго. Монархическія конституціи рѣзко различаются другъ отъ друга, смотря по тому, являются ли онѣ плодомъ революціи, соглашенія между короной и народными представителями или односторонняго «пожалованія» монархомъ. При конституціяхъ «жалованнаго» или

«дарованнаго» типа монархъ остается, въ принципѣ, обладателемъ всей полноты государственной власти. Всѣ другіе государственные органы осуществляютъ власть лишь по делегаціи отъ него. Народное представительство въ такихъ конституціонныхъ монархіяхъ не раздѣляетъ власти съ монархомъ, а только ограничиваетъ своимъ соучастіемъ осуществленіе нѣкоторыхъ функцій власти, въ существѣ своемъ «безраздѣльно» принадлежащихъ монарху.

Изъ приведенныхъ общихъ положеній дѣлается рядъ частныхъ юридическихъ и политическихъ выводовъ, которые въ различные моменты развитія теоріи и у разныхъ ея сторонниковъ не вполнѣ одинаковы. Въ устахъ нѣкоторыхъ своихъ приверженцевъ теорія «монархическаго принципа» пріобрѣтаетъ совершенно абсолютистическую окраску, ставя все существованіе представительныхъ учрежденій въ зависимость отъ доброй воли монарха; другіе смягчаютъ остроту проповѣдуемаго ими «принципа», довольствуясь подчеркиваніемъ преобладанія монарха надъ народнымъ представительствомъ. Въ современной нѣмецкой наукѣ она распространена большей частью въ этой послѣдней смягченной формѣ, при чемъ господство ея настолько широко, что явственные слѣды ея вліянія можно отмѣтить даже въ ученіяхъ писателей, принципіально высказывающихся противъ нея, какъ, напримѣръ, у Еллинека.

Устойчивое господство въ Германіи доктрины «монархическаго принципа» тѣмъ болѣе характерно, что теоретическая несостоятельность этой доктрины едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Между прочимъ при сколько-нибудь внимательномъ анализѣ нетрудно раскрыть непримиримое противорѣчіе между нею и общепринятымъ въ той же Германіи ученіемъ о юридической личности государства. Это противорѣчіе, въ свою очередь, является частнымъ догматическимъ отраженіемъ болѣе общаго факта, а именно несовмѣстимости теоріи «монархическаго принципа» съ основами современнаго правового государства. Близкая родственная связь теоріи «жалованныхъ хартій» съ ученіемъ, утверждающимъ первенство государственной власти предъ правомъ и отрицающимъ возможность правовой связанности государства, была весьма опредѣленно подчеркнута А. С. Алексѣевымъ еще въ 1908—1909 г.г. въ статьяхъ по этому вопросу, помѣщенныхъ въ «Юридическихъ Запискахъ» Демидовскаго Лицея и позднѣе вошедшихъ въ книгу «Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ».

Но А. С. Алексѣевъ не считалъ возможнымъ ограничиться догматической и принципіальной критикой доктрины «монархическаго принципа». Ему представлялось необходимымъ для полнаго уясне-

нія ея значенія вскрыть ея историческіе корни и прослѣдить ея постепенное развитіе. И это неизбѣжно приводило его къ французскому конституціонализму эпохи реставраціи. Ибо первоисточникъ теоріи октроированныхъ хартій, какъ и цѣлаго рода другихъ, какъ прогрессивныхъ, такъ и реакціонныхъ, политическихъ теорій лежитъ въ той странѣ, которая въ теченіе цѣлаго вѣка являлась какъ бы конституціонной лабораторіей Европы. Правда, въ пропитанной феодально - вотчинными пережитками Германіи занимающая насъ теорія нашла себѣ несравненно болѣе благодарную почву, чѣмъ на своей первоначальной родинѣ, и распустилась тамъ пышнымъ цвѣтомъ въ то время, когда во Франціи она уже была не болѣе, какъ отбросомъ политической мысли. Но все же первый побѣгъ растенія, столь широко разросшагося въ Германіи, взошелъ во Франціи, въ средѣ роялистовъ, которые окружали вернувшихся изъ долгаго изгнанія Бурбоновъ, и именно съ этого первоначальнаго ростка необходимо долженъ начаться историко-юридическій разборъ доктрины «монархическаго принципа».

Тѣсная преемственная связь нѣмецкой теоріи «монархическаго принципа» съ политическими идеями французскихъ роялистовъ эпохи реставраціи представляетъ собой въ настоящее время хорошо извѣстный фактъ, признанный и наиболѣе авторитетными представителями нѣмецкой науки. Но этотъ фактъ до самаго послѣдняго времени въ извѣстномъ отношеніи получалъ неправильное освѣщеніе. До сихъ поръ въ широкихъ научныхъ кругахъ господствуетъ мнѣніе, которое, опираясь на извѣстное «предисловіе» (préambule) къ хартіи 1814 г., изображаетъ и самую хартію и установленный ею государственный порядокъ всецѣло основанными на теоріи «монархическаго принципа». Вліяніе этого мнѣнія сказалось, между прочимъ, и въ упомянутыхъ выше первыхъ работахъ А. С. Алексѣева, посвященныхъ этой темѣ. Впослѣдствіи, подвергнувъ тотъ же вопросъ новому углубленному изслѣдованію на основаніи первоисточниковъ, онъ пришелъ къ новымъ въ высокой степени интереснымъ и поучительнымъ выводамъ, которые и изложены на слѣдующихъ ниже страницахъ. Исторія хартіи 1814 г. представляется теперь въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ ранѣе. Пресловутое «предисловіе» утрачиваетъ приписывавшееся ему прежде значеніе основоположнаго акта эпохи реставраціи и превращается въ случайный эпизодъ второстепеннаго значенія. Тщательный анализъ хода событій, произведенный А. С. Алексѣевымъ, не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что хартія 1814 г. ни съ какой точки зрѣнія не можетъ считаться свободнымъ «даромъ» Людовика XVIII его народу: принятіе «братомъ послѣдняго короля» основныхъ началъ этого документа

было, по существу дѣла, условіемъ его вступленія на тронъ предковъ. Безъ сомнѣнія, теорія «монархическаго принципа» уже слагалась тогда въ средѣ окружавшихъ короля роялистовъ, но она не отразилась на самомъ текстѣ хартіи, благоразумно избѣгавшемъ всякаго теоретическаго опредѣленія власти и положенія монарха. Что касается «предисловія», то разсказанная ниже исторія его служитъ внушительнымъ и наглядным предостереженіемъ противъ ошибки, нерѣдко встрѣчающейся въ юридической литературѣ и заключающейся въ смѣшеніи отвлеченной и условной «воли законодателя» съ представленіями и желаніями физическихъ лицъ, дѣйствующихъ въ качествѣ высшихъ органовъ государства. Документъ, которому придавалось такое огромное значеніе, какъ непререкаемому свидѣтельству о взглядахъ короля на сущность его власти и на значеніе ея конституціонныхъ ограниченій, какъ оказывается, въ дѣйствительности, даже не былъ прочтенъ до его оглашенія Людовикомъ XVIII и представлялъ собой, по существу, не что иное, какъ наскоро набросанное произведеніе одного изъ королевскихъ совѣтниковъ. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что «предисловіе» не имѣло бы приписываемаго ему рѣшающаго значенія для истолкованія хартіи даже и въ томъ случаѣ, если бы оно дѣйствительно выражало убѣжденія короля и по всѣмъ обстоятельствамъ его составленія и опубликованія носило бы характеръ вполнѣ равноправнаго съ хартіей законодательнаго документа. Ибо формулируемыя законодателемъ теоретическія положенія отнюдь не обязательны для юриста-догматика при конструкціи мотивируемыхъ этими положеніями нормъ: законодатель весьма часто нелогично и невѣрно конструируетъ установляемое имъ самимъ право. Но въ данномъ случаѣ замѣчательно то, что самый ходъ историческихъ событій наглядно выявляетъ и подчеркиваетъ существенное различіе между нормами положительнаго права и политическими теоріями лицъ, участвовавшихъ въ выработкѣ этихъ нормъ.

Въ общемъ, изслѣдованіе А. С. Алексѣева приводитъ къ заключенію, что доктрина «монархическаго принципа» не играла въ царствованіе Людовика XVIII эпохи реставраціи той крупной роли, которая ей приписывалась ранѣе. Лишь позднѣе, при Карлѣ X, сдѣлана была попытка воспользоваться ею, какъ политическимъ оружіемъ, но попытка эта закончилась катастрофой 1830 г.

Изображенію этого послѣдняго въ исторіи Франціи столкновенія между теоріей «пожалованій» и конституціоннымъ началомъ должна была быть посвящена слѣдующая часть труда А. С. Алексѣева. Далѣе должно было слѣдовать изображеніе судьбы той же теоріи въ Германіи.

Все это обширное изслѣдованіе въ области западно-европейской конституціонной исторіи было въ свою очередь предназначено, по замыслу автора, служить подготовленіемъ къ окончательному разрѣшенію вопроса о юридической природѣ нашего обновленнаго строя. И нельзя не отмѣтить, что и та часть задуманной работы, которую онъ успѣлъ произвести, уже даетъ много для намѣченной цѣли. Внимательный читатель послѣдняго труда А. С. Алексѣева не можетъ не остановиться на тѣхъ любопытныхъ аналогіяхъ, которыя нетрудно подмѣтить между исторіей хартіи 1814 г., съ одной стороны, и нашихъ Основныхъ Законовъ, — съ другой. На ряду съ этими аналогіями существуютъ, конечно, и весьма важныя различія, но эти различія не ослабляютъ, а, напротивъ, подкрѣпляютъ основную идею автора. Въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ паденіе абсолютизма въ Россіи, доктрина «монархическаго принципа» находитъ еще менѣе точекъ опоры, нежели въ условіяхъ реставраціи во Франціи. Памятный всѣмъ хорошо ходъ событій, приведшій къ изданію манифеста 17 октября, самое содержаніе этого манифеста и явившагося какъ бы офиціальнымъ къ нему комментаріемъ Высочайше одобреннаго доклада гр. Витте, сопровождавшій изданіе Основныхъ Законовъ указъ 23 апрѣля 1906 г., въ которомъ принадлежащей нераздѣльно монарху признается не вся государственная власть, а только власть верховнаго управленія, — все это наглядно обнаруживаетъ непримѣнимость названной доктрины къ объясненію существующаго у насъ государственнаго строя. И если А. С. Алексѣеву не суждено было, какъ онъ мечталъ, развить и обосновать эту мысль въ обширномъ изслѣдованіи, завершающемъ рядъ работъ по исторіи монархическихъ конституцій Европы, то онъ все же успѣлъ съ большой ясностью и силой высказать ее въ небольшой, но замѣчательной статьѣ по вопросу о юридической природѣ Основныхъ Законовъ, появившейся за нѣсколько лѣтъ до его смерти въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» [1]).

Въ заключеніе остается пожелать, чтобы важному и нужному дѣлу, начатому А. С. Алексѣевымъ, не пришлось слишкомъ долго ожидать продолжателей. Тщательное историко-сравнительное изученіе нашихъ Основныхъ Законовъ въ направленіи, намѣченномъ покойнымъ, представляетъ настоятельную и благодарную задачу для русской науки государственнаго права. Будемъ надѣяться, что задача эта не замедлитъ привлечь къ себѣ вниманіе нашихъ юристовъ-государствовѣдовъ.

Ѳ. Кокошкинъ.

---

[1]) «Р. В.» отъ 5 мая 1912 года.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Переживаемая нашей страной борьба стараго порядка съ новымъ не могла не отразиться на направленіи нашей политической мысли: эта мысль, силою вещей, должна была сосредоточить свое вниманіе прежде всѣго на тѣхъ проблемахъ, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ переходомъ абсолютнаго режима къ представительному строю, и которыхъ и западная наука выдвигала на первый планъ въ соотвѣтствующій періодъ своего развитія, а именно на вопросахъ о томъ, въ чемъ выражается перемѣна, которую претерпѣваетъ власть монарха при переходѣ самодержавнаго строя къ конституціонному порядку, и какъ опредѣлить юридическую природу тѣхъ государственныхъ актовъ, которые кладутъ начало этому новому порядку?

Ставъ лицомъ къ лицу съ этимъ вопросами, представители нашей государственной науки, воспитанные на истолкованіи самодержавнаго строя и не имѣвшіе за собою прошлаго въ дѣлѣ самостоятельнаго изученія догмы конституціоннаго права, естественно обратились за разрѣшеніемъ поставленныхъ себѣ проблемъ къ западной наукѣ. Не находя на нихъ отвѣта въ политической литературѣ Англіи и Франціи, гдѣ интересующіе ихъ вопросы давно утратили всякое теоретическое значеніе и всякій практическій смыслъ, наши государствовѣды обратились къ нѣмецкой наукѣ. Сдѣлали они это тѣмъ охотнѣе, что издавна привыкли почитать въ ней свою руководительницу и свою наставницу.

И тутъ они встрѣтились съ доктриной, которая дала имъ вполнѣ опредѣленные отвѣты на стоявшія у нихъ на очереди проблемы, тѣмъ болѣе для нихъ пріемлемыя, что они покоились на принципахъ, очень близкихъ началамъ только что пережитаго нами абсолютнаго строя.

Эта доктрина — доктрина монархическаго принципа — и вооружила большинство нашихъ государствовѣдовъ тѣми понятіями и представленіями, въ которыхъ они усматриваютъ «юридическія предпосылки» нашихъ основныхъ законовъ и которыми они орудуютъ при объясненіи особенностей нашего государственнаго строя. Она снабдила ихъ тѣмъ воззрѣніемъ, по которому русскій монархъ и послѣ 17 октября 1905 года остался самодержавнымъ въ томъ смыслѣ, что сохранилъ за собою высшую учредительную власть

и право во всѣхъ внутренно государственныхъ конфликтахъ говорить послѣднее рѣшающее слово; она же надѣлила ихъ воззрѣніемъ, согласно которому ограниченіе монарха въ конституціонномъ государствѣ является не ограниченіемъ, наложеннымъ на него независимымъ отъ него авторитетомъ закона, а представляетъ собою «самоограниченіе»[1]). Ей же они обязаны тѣмъ различіемъ, которое они дѣлаютъ между принадлежностью всей верховной власти монарха въ силу самостоятельнаго права и осуществленіемъ нѣкоторыхъ изъ ея функцій народнымъ представительствомъ въ силу делегаціи и т. д.[2]).

Исходя при разрѣшеніи основныхъ проблемъ русскаго конституціоннаго права изъ воззрѣній нѣмецкихъ ученыхъ, которыя внушены политической тенденціей, давно уже пережитой культурными государствами, большинство нашихъ государствовѣдовъ приходятъ естественно и къ соотвѣтствующимъ выводамъ, т.-е. къ выводамъ тенденціознымъ и одностороннимъ.

Попытаемся вкратцѣ и по возможности словами самихъ авторовъ передать эти выводы.

Порядокъ и форма изданія государственныхъ актовъ, въ данной странѣ упраздняющихъ самодержавный строй и вводящихъ въ нее представительный образъ правленія, разсуждаютъ они, имѣетъ самое рѣшительное вліяніе на характеръ этого новаго образа правленія: они предопредѣляютъ правовое положеніе и политическій вѣсъ въ немъ народнаго представительства и отношеніе къ нему власти монарха. Различные порядки и формы изданія конституціи могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ типамъ. Однѣ конституціи являются результатомъ общественнаго движенія и издаются при содѣйствіи народныхъ представителей обыкновенно въ формѣ акта учредительнаго собранія, другія являются добровольной и свободной уступкой народу со стороны до того времени неограниченной власти и издаются въ формѣ односторонняго акта самодержавнаго монарха. Конституціи, отвоеванныя народомъ, даютъ начало государственному порядку, обезпечивающему парламенту первенствующее значеніе; конституціи же, дарованныя монархомъ и построенныя на началѣ октроированія, отводятъ, наоборотъ, монарху господствующее въ государствѣ положеніе и подчиняютъ ему отправленіе всѣхъ существенныхъ государственныхъ функцій. Этимъ двумъ различнымъ видамъ происхожденія конституціи, изъ которыхъ одинъ обусловливается началомъ народоправства, а другой принципомъ октроированнаго порядка,

[1]) С. А. Котляревскій, Юридическія предпосылки русскихъ основныхъ законовъ, Москва, 1912 г., с. 155, 156.

[2]) Н. И. Паліенко, Основные законы и форма правленія въ Россіи, Ярославль, 1910 г., с. 74.

наши государствовѣды придаютъ первостепенное значеніе[1]). «Для хода политической жизни государства, — говоритъ, напр., С. А. Котляревскій[2]), — не такъ существенны республиканская или монархическая формы правленія, какъ господство принципа народоправства или принципа октроированнаго порядка. Эти принципы суть какъ бы два полюса, между которыми размѣщаются различныя политическія соединенія». Принципъ октроированнаго порядка всего сильнѣе проведенъ въ германскихъ государствахъ, гдѣ монархическая власть остается наиболѣе активной и жизненной, и въ Россіи[3]), гдѣ послѣ 17 октября власть Государя, переставъ быть неограниченной, не перестала, однако, быть самодержавной. «Самодержавной же, — разсуждаетъ С. А. Котляревскій, — въ современномъ русскомъ государственномъ правѣ называется власть, которая служитъ источникомъ для всякой другой власти въ государствѣ. Осуществляться она можетъ въ извѣстныхъ установленныхъ предѣлахъ, но это ограниченіе, временное или постоянное, есть всегда самоограниченіе. Монарху принадлежитъ высшій учредительный авторитетъ. Новый порядокъ цѣликомъ вытекаетъ изъ этого авторитета, а не изъ какого-нибудь договорнаго отношенія: онъ зиждется на вполнѣ односторонніхъ актахъ, что, конечно, нисколько не умаляетъ его юридической силы и обязательности. Законодательныя учрежденія, ограничивающія, въ строго опредѣленныхъ предѣлахъ власть монарха, не должны пониматься какъ нѣчто ей противопоставляемое. Народное представительство не есть сила, уравновѣшивающая, такъ сказать, эту власть, которая одна признается не только самодержавной, но и верховной»[4]).

Тѣхъ же воззрѣній на происхожденіе нашей «конституціи» и на обусловливаемый этимъ происхожденіемъ характеръ отношеній между властью монарха и властью народнаго представительства придерживается и Н. И. Паліенко. По его опредѣленію[5]) наши «Основные Государственные Законы 23 апрѣля явились своеобразной конституціонной хартіей, октроированной неограниченнымъ монархомъ» и это октроированіе предрѣшило ихъ принадлежность къ тому разряду конституцій, которыя построены на доктринѣ монархическаго принципа. Этотъ принципъ находитъ

[1]) Впрочемъ, не всѣ, см. Н. И. Лазаревскій, Русское Государственное Право, т. I (изд. 3-е, 1913 г.), с. 192.

[2]) С. А. Котляревскій, Конституціонное право, С.-Пб. 1907 г., с. 26.

[3]) С. А. Котляревскій, Тамъ же, с. 27.

[4]) С. А. Котляревскій, Юридическія предпосылки русскихъ основныхъ законовъ, стран. 155.

Эти положенія С. А. Котляревскаго мы подвергли оцѣнкѣ въ статьѣ «Основные Законы 23 апрѣля 1906 года въ истолкованіи проф. С. А. Котляревскаго» «Русскія Вѣдомости» 1912 г., № 102.

[5]) Паліенко Н. И., Основные законы и форма правленія въ Россіи, с. 47.

свое выраженіе въ томъ, что монархъ, несмотря на то, что теперь ограниченъ въ осуществленіи законодательной власти, все же признается самодержцемъ. Самодержавіе же означаетъ «верховенство и полноту непроизводной власти монарха, въ силу чего монархъ является по собственному праву носителемъ всѣхъ верховныхъ полномочій государственной власти»[1]).

Наконецъ и В. В. Ивановскій признаетъ, что политическій переворотъ, пережитый Россіей въ 1905 году, далъ намъ октроированную конституцію, которая, будучи дарована самодержавнымъ монархомъ, этимъ самымъ обезпечила за нимъ преобладающее значеніе среди остальныхъ верховныхъ органовъ. «Конституція (Основные Законы 23 апрѣля 1906 г.), опредѣляющая форму государственнаго устройства въ Россіи, — говоритъ В. В. Ивановскій, — является всецѣло конституціей октроированной независимо отъ причинъ, вызвавшихъ ея появленіе. Она выработана и дана монархической властью безъ всякаго участія представителей народа, хотя бы и подъ вліяніемъ протекшихъ событій. Благодаря такому характеру возникновенія конституціоннаго строя, центръ тяжести государственной власти сосредоточивается въ особѣ монарха, что и дало поводъ назвать русскую конституцію самодержавной конституціей»[2]).

Сводя приведенныя утвержденія къ общимъ положеніямъ, мы можемъ выразить ихъ въ слѣдующемъ тезисѣ:

Способъ и форма установленія въ данной странѣ конституціоннаго порядка правленія предрѣшаетъ тѣ начала, на которыхъ построяется и развивается этотъ порядокъ. Россія получила свою конституцію изъ рукъ монарха, и этотъ фактъ предопредѣлилъ ея политическую судьбу. Если народы, отвоевавшіе себѣ конституцію, живутъ при государственномъ строѣ, покоющемся на широкой демократической основѣ, то удѣлъ нашего отечества — октроированный порядокъ, въ которомъ самодержавный монархъ является единственнымъ источникомъ всѣхъ политическихъ полномочій, а народное представительство — учрежденіемъ, допущеннымъ лишь къ осуществленію нѣкоторыхъ, хотя и существенныхъ государственныхъ функцій [3]).

---

[1]) С. 74. — См. также рецензію Н. И. Паліенко на книгу Котляревскаго, «О предпосылкахъ русскихъ основныхъ законовъ» «Право» 1912 г., № 16, с. 927. Здѣсь мы, между прочимъ, читаемъ: «И правовое положеніе монарха, которое формулируется въ Основныхъ Законахъ, даетъ намъ полное основаніе утверждать не только сходство, какъ думаетъ г. Котляревскій, концепціи верховной самодержавной власти въ этихъ законахъ съ такъ называемымъ монархическимъ принципомъ въ конституціонномъ государствѣ, но и тождественность съ этимъ началомъ».

[2]) В. В. Ивановскій, Учебникъ государственнаго права, Казань, 1908 г., с. 337.

[3]) Иного воззрѣнія на происхожденіе и природу нашего современнаго

Эти положенія врядъ ли можно признать правильными. Они противорѣчатъ существу и смыслу того внутренняго перелома, который происходитъ въ каждый странѣ при переходѣ отъ самодержавнаго строя къ конституціонному порядку. Въ какія бы формы этотъ переходъ ни облекался и какими бы событіями онъ ни сопровождался, онъ всегда и повсюду знаменуетъ собою коренную перемѣну въ реальномъ соотношеніи политическихъ общественныхъ силъ. Изданіе конституціи (состоялось оно въ видѣ акта учредительнаго собранія или осуществилось въ формѣ октроированной хартіи) всегда является юридическимъ актомъ, закрѣпляющимъ фактическій переворотъ, — переворотъ, заключающійся въ сдвигѣ прежнихъ держателей власти съ ихъ господствующихъ позицій и занятія этихъ позицій новыми общественными силами. Этотъ сдвигъ въ различныхъ странахъ можетъ имѣть различныя степени: въ однѣхъ странахъ онъ ведетъ къ полному устраненію самодержавной власти, въ другихъ — къ вынужденной уступкѣ носителями стараго порядка лишь извѣстной доли своего авторитета. Но во всякомъ случаѣ изданіе конституціи въ монархическомъ государствѣ всегда связано для монарха съ существеннымъ ущербомъ въ его власти: оно поэтому никогда не можетъ быть съ его стороны добровольной уступкой, свободнымъ выраженіемъ его самодержавной и неограниченной воли. Оно всегда представляетъ собою результатъ борьбы между монархомъ, отстаивающимъ свои прерогативы съ одной стороны и обществомъ, стремящимся расчистить себѣ путь къ рѣшающему воздѣйствію на политическія дѣла съ другой, и обозначаетъ собою признаніе монархомъ того факта, что общественныя силы одержали верхъ надъ старымъ порядкомъ, обезпечивавшимъ за монархомъ и за солидарными съ нимъ силами господствующее въ государствѣ положеніе. Конституція, которой у насъ являются не Основные Законы 23-го апрѣля, представляющіе собой плодъ бюрократической мысли, а манифестъ 17 октября, отвоеванный обществомъ и установившій, по словамъ Высочайше утвержденнаго доклада графа Витте, равновѣсіе между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни», конституція, — говоримъ мы, — всегда является тѣмъ трофеемъ, который

конституціоннаго строя придерживается Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. Онъ думаетъ, что конституціонный порядокъ въ Россіи былъ вызванъ общественнымъ движеніемъ и признанъ и закрѣпленъ манифестомъ 17 октября 1905 года. Въ этомъ манифестѣ, а не въ Основныхъ Законахъ 23 апрѣля 1906 года, нужно видѣть тотъ актъ, который проводитъ грани между старой и новой Россіей.

выноситъ общество изъ своей борьбы съ старымъ порядкомъ, тѣмъ трофеемъ, который долженъ гарантировать народу пріобрѣтенное и обезпечить ему безспорное пользованіе благами гражданской и политической свободы.

Это положеніе нуждается въ подробномъ объясненіи и обоснованіи и наиболѣе вѣрный къ тому путь—на нашъ взглядъ—это изученіе возникновенія конституціоннаго строя въ монархическихъ государствахъ континентальной Европы XIX столѣтія.

Съ главнѣйшими эпизодами этой исторіи мы и хотимъ познакомить читателя.

И на послѣдующихъ страницахъ мы намѣреваемся раскрыть прежде всего тотъ процессъ, путемъ котораго былъ введенъ во Франціи представительный строй, и показать, при какихъ условіяхъ и подъ вліяніемъ какихъ факторовъ онъ сложился и упрочился.

Исторія пережитаго Франціей въ началѣ 1814 года конституціоннаго кризиса покажетъ намъ, что, вопреки господствующему въ литературѣ воззрѣнію, хартія 4-го іюня ни формально, ни по существу не октроирована самодержавнымъ монархомъ, а является государственнымъ актомъ, въ которомъ нашли себѣ юридическое выраженіе общественныя требованія, заявленныя отъ имени народа Сенатомъ въ его конституціи 6-го апрѣля и принятыя королемъ въ Сентъ-Уанской декларації 2-го мая. Реставрація Бурбоновъ не возстановила «законной» монархіи, а лишь временно оживила притязанія приверженцевъ стараго порядка. Эти притязанія не проникли глубже въ конституцію 1814 г., а остались на ея поверхности: формулированные послушной рукой чиновника, они нашли себѣ выраженіе лишь на ея обложкѣ, въ томъ пресловутомъ предисловіи, которымъ сопровождалось изданіе конституціи 4-го іюня. Не имѣя подъ собою почвы, они оказались безсильными побороть тѣ либеральныя начала, которыя опредѣляли политическое настроеніе французскаго общества при переходѣ отъ Наполеоновскаго режима къ конституціонному строю. Выдвинутые роялистической партіей принципы октроированнаго порядка послѣ упорной борьбы, длившейся за все то время, которое именуется епохой реставраціи, были вынуждены смириться передъ единодушными требованіями французскаго общества и уступить мѣсто государственно-правовымъ началамъ, впервые провозглашеннымъ учредительнымъ собраніемъ 1789 года, затѣмъ вновь подтвержденнымъ сенатской конституціей 1814 года и наконецъ окончательно и безповоротно признанныхъ хартіей 1830 года.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

РЕСТАВРАЦІЯ БУРБОНОВЪ

и

КОНСТИТУЦІОННЫЕ АКТЫ, ПРЕДШЕСТВОВАВШІЕ ХАРТІИ 1814 Г.

I.

Реставрація Бурбоновъ.

До пораженія Наполеона никто серьезно не помышлялъ о возстановленіи бурбонской династіи. И только послѣ паденія Бонапарта призваніе Людовика XVIII выступило какъ одна изъ возможныхъ политическихъ комбинацій, вызванныхъ необходимостью замѣстить опустѣвшій престолъ. Этой комбинаціи, которая была съ особенной энергіей выдвинута Таллейраномъ и поддержана Англіей, долгое время противился русскій императоръ[1]).

Еще 17-го марта онъ въ разговорѣ съ Витролемъ очень опредѣленно и рѣшительно высказалъ свои сомнѣнія относительно возможности и желательности возвращенія старой династіи. «Бурбоны,—говорилъ онъ,—вернутся во Францію озлобленными пережитыми несчастіями, и если великодушіе и разсчетъ и могли бы, можетъ быть, научить ихъ подавить въ себѣ эти чувства, то имъ врядъ ли удастся совладать съ настроеніемъ тѣхъ, которые страдали за нихъ и черезъ нихъ... Духъ арміи, этой столь могущественной во Франціи силы, враждебенъ имъ; идеи, которыми увлекаются новыя поколѣнія, станутъ имъ поперекъ дороги; протестантской части населенія ихъ возвращеніе внушитъ страхъ и недовѣріе; духъ времени, на-

---

[1]) Les puissances alliées n'avaient guère prémédité une restauration de la maison Bourbon sur le trône de France et n'étaient rien moins que favorables à cette éventualité... Quant à l'empereur Alexandre, c'était encore plus contre son penchant et son pronostic que la maison de Bourbon remontait sur le trône de France. Il avait souvent entendu parler des Bourbons sans nulle considération pendant qu'ils étaient réfugiés dans ses Etats. (Souvenirs du Baron de Barante 1782—1866, publiés par son petit-fils Claude de Barante. 1893, t. II, p. 31, 32). L'empereur Alexandre répéta à peu près les mêmes choses que les ministres, mais il ajouta, sur la question du choix du souverain pour la France, qu'il avait pensé d'abord à établir Bernadotte, ensuite Eugène de Beauharnais, mais que différents motifs s'y opposaient; qu'au reste l'intention était surtout de consulter les voeux des Français eux-même, et que, même si ceux-ci voulaient se constituer en république, on ne s'y opposerait pas. L'empereur s'étendit encore plus que les ministres sur l'impossibilité de songer aux Bourbons. Mémoires du Prince de Talleyrand, publiés avec une préface et des notes par le duc de Broglie. Paris, 1891, t. II, p. 152.

конецъ, не на ихъ сторонѣ... Да, знаете ли Вы членовъ королевской семьи?... Если бы Вы были съ ними ближе знакомы, то Вы не сомнѣвались бы въ томъ, что бремя короны имъ не по силамъ [1]).

Такія же сомнѣнія высказалъ императоръ Александръ и Таллейрану въ своемъ первомъ по прибытіи въ Парижъ разговорѣ съ нимъ: «Думаете ли Вы, — спросилъ онъ его, — что мы могли бы здѣсь сдѣлать Бурбоновъ пріемлемыми. Все, что я на своемъ пути видѣлъ и слышалъ, не даетъ мнѣ въ этомъ отношеніи никакой надежды. Никто ими не занимается, ихъ имя нигдѣ не произносится; какъ же могутъ принцы, столь мало теперь извѣстные, удовлетворить желаніямъ французовъ» [2]).

И въ этомъ отношеніи Александръ былъ несомнѣнно правъ: болѣе чѣмъ двадцатилѣтнее пребываніе Бурбоновъ за предѣлами Франціи, въ теченіе котораго они ничѣмъ о себѣ не напоминали, совершенно изгладили во французскомъ народѣ память о нихъ [3]). Шатобріанъ въ началѣ 1814 года издаетъ брошюру [4]) со спеціальной цѣлью напомнить о нихъ французамъ и познакомить своихъ соотечественниковъ съ представителями забытой династіи. Въ своихъ мемуарахъ онъ объясняетъ появленіе этой брошюры тѣмъ, что въ то время Бурбоны во Франціи были не болѣе извѣстны, чѣмъ дѣти Китайскаго императора [5]).

Сомнѣнія русскаго императора раздѣлялъ и представитель Австріи. По словамъ Дальберга, присутствовавшаго на совѣщаніи 31 марта у Таллейрана, на которомъ обсуждали вопросъ о замѣщеніи

---

[1]) Baron de Vitrolles, Mémoires et relations politiques, Paris, 1884, t. I, p. 118—119.

[2]) Beugnot, Mémoires, p. 438.

[3]) Simon, L'Elaboration de Charte constitutionnelle de 1814. Paris, 1906, стран. 30, примѣч. 3 отмѣчаетъ, что нѣсколько дней послѣ того, какъ состоялась реставрація, журналы были вынуждены, чтобы освѣдомить своихъ читателей, опубликовать біографическія свѣдѣнія о королѣ и окружавшихъ его лицъ. Характеристны и слова Таллейрана (Mémoires, t. II, p. 158): «Son roi, depuis vingt-cinq ans dans l'exil, oublié, presque inconnu». Интересно и свидѣтельство Беньо, въ мемуарахъ котораго мы читаемъ: «Ce ne fut que quatre jours après, et lorsque le Sénat, par sa constitution, eut rappelé au trône Louis-Xavier de France, que les princes de cette maison furent reconnus là où ils se trouvaient: auparavant, et quoi que la France fût couverte de deux cent mille étrangers, ils n'avaient qu'une existence méconnue et hasardeuse (Mémoires du Comte Beugnot publiés par le comte Albert Beugnot son petit-fils. Troisième édition, 1889, p. 446).

[4]) De Buonaparté et des Bourbons et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et de l'Europe. Брошюра эта появилась 31 марта 1814 года, въ знаменательный день вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ объявленія, приложенныя къ первымъ экземплярамъ брошюры, сохранившимся въ Національной Библіотекѣ.

[5]) Duvergierde Hauranne, Histoire de Gouvernement parlamentaire en France. Deuxième édition, 1870, t. II, p. 81—82.

французскаго престола, Шварценбергъ заявилъ, что, судя по тому пріему, который былъ сдѣланъ во Франціи союзнымъ войскамъ, трудно допустить, чтобы возстановленіе Бурбоновъ на престолѣ предковъ было бы желаніемъ французскаго народа [1]). По свидѣтельству Беньо, это мнѣніе Шварценберга раздѣлялось и большинствомъ представителей союзныхъ державъ. «Я стоялъ тогда близко къ совѣтникамъ иностранныхъ государей,— разсказываетъ Беньо,—я во время моего пребыванія въ Германіи имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми изъ главныхъ министровъ, я лучше кого-либо другого могъ основательно ознакомиться съ настроеніемъ дворовъ и я убѣжденъ, что если бы Сенатъ призвалъ на престолъ не Бурбоновъ, а другую династію, то эта династія была бы принята Европой безъ затрудненія, скажу болѣе, съ извѣстнымъ доброжелательствомъ: до такой степени былъ распространенъ предразсудокъ или предвзятое мнѣніе императора Александра, по которому водвореніе Бурбоновъ во Франціи встрѣтитъ самыя серьезныя препятствія» [2]).

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что въ началѣ 1814 года Бурбоны имѣли еще мало шансовъ на возвращеніе своей династіи и что наканунѣ вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ вопросъ о лицѣ, которымъ долженъ быть замѣщенъ французскій престолъ, былъ еще вопросомъ открытымъ. И если 31-го марта этотъ вопросъ получилъ разрѣшеніе благопріятное для старой династіи, то этимъ неожиданнымъ оборотомъ она была прежде всего обязана Таллейрану; въ этотъ день онъ имѣлъ разговоръ о необходимости возстановить Бурбоновъ на французскомъ престолѣ съ русскимъ императоромъ, съ прусскимъ королемъ и съ представителемъ Австріи и представилъ имъ рядъ доводовъ въ пользу своего плана. Онъ объяснилъ имъ, что всѣ комбинаціи, которыя до сего предполагались (регентство Маріи-Луизы, кандидатуры Бернадотта, Евгенія Богарне, герцога Орлеанскаго) могли быть проведены лишь при помощи очень сложныхъ политическихъ интригъ, между тѣмъ какъ призваніе законнаго наслѣдника престола осуществимо прямымъ и открытымъ путемъ. «Ни Вы, Государь,—говорилъ Таллейранъ императору Александру, ни союзныя державы, ни я, которому Вы приписываете извѣстную долю вліянія, никто изъ насъ не можетъ дать Франціи короля. Франція покорена, и притомъ покорена Вашими войсками, и тѣмъ не менѣе Вы этого и сегодня сдѣлать не можете. Навязанный народу король былъ бы обязанъ своимъ положеніемъ интригѣ или силѣ:

---

[1]) Vitrolles, Mémoires, t. I, p. 313.
[2]) Beugnot, Mémoires, p. 446.

между тѣмъ и то и другое недостаточно. Для того, чтобы создать прочный порядокъ, признанный безъ протеста, нужно дѣйствовать въ силу принципа. Вооруженные принципомъ, мы будемъ сильны; мы не встрѣтимъ никакого сопротивленія; если будутъ протесты, то они скоро замолкнутъ. Принципъ же только одинъ: Людовикъ XVIII — принципъ это — законный монархъ Франціи». Возстановленіе Бурбоновъ, — разсуждалъ далѣе Таллейранъ, — идетъ навстрѣчу съ одной стороны желаніямъ Франціи, съ другой — интересамъ державъ. Ихъ возстановленіе обезпечиваетъ Франціи устойчивый порядокъ, покоющійся на началѣ законности и на свободныхъ учрежденіяхъ, союзнымъ же державамъ онъ обѣщаетъ умиренную Францію, отказавшуюся отъ завоевательныхъ плановъ, разоружившуюся и возстановленную въ своихъ прежнихъ границахъ [1]).

Какъ бы внушительны эти доводы ни были, они не могли, однако, разсѣять всѣхъ сомнѣній и опасеній союзниковъ и въ особенности императора Александра. Онъ продолжалъ опасаться, съ одной стороны, что Бурбоны, къ которымъ французское общество относится или равнодушно, или съ недовѣріемъ, не встрѣтятъ во Франціи доброжелательнаго пріема, а съ другой, что они не сумѣютъ пойти навстрѣчу желаніямъ общества и требованіямъ времени, и что имъ будетъ не подъ силу обезпечить странѣ свободныя учрежденія; между тѣмъ только такія учрежденія, по мнѣнію Александра, обѣщаютъ дать Франціи прочный порядокъ и обезпечить ей внутренній миръ и спокойствіе.

Императоръ Александръ уступилъ поэтому доводамъ Таллейрана лишь послѣ того, какъ послѣдній увѣрилъ его, что во власти союзниковъ и его обставить возвращеніе Бурбоновъ такими условіями, чтобы это возвращеніе носило характеръ свободнаго призванія старой династіи, и чтобы она гарантировала Франціи введеніе конституціоннаго строя. Для этого, по увѣренію Таллейрана, стоило только созвать Сенатъ, побудить его сдѣлать постановленіе о призваніи Бурбоновъ на престолъ и одновременно поручить ему составленіе конституціи [2]).

Результатомъ этихъ переговоровъ явилась прокламація союзниковъ, обращенная къ населенію Парижа, въ этотъ же самый день, т.-е. 31 мая, опубликованная. Она была составлена въ квартирѣ Таллейрана, при его непосредственномъ содѣйствіи и подписана Александромъ [3]). Въ этой прокламаціи говорилось, между

---

[1]) Talleyrand, Mémoires, p. 155, 156, 157. Beugnot, Mémoires, p. 438.
[2]) Talleyrand, Mémoires, t. II, p. 162—165.
[3]) Тамъ же, с. 165.

прочимъ, что союзные государи не вступятъ ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ, что они признаютъ и гарантируютъ лишь ту конституцію, которую французскій народъ самъ себѣ дастъ, и что они поэтому приглашаютъ Сенатъ назначить временное правительство, которое могло бы удовлетворять текущимъ потребностямъ администраціи и изготовить конституцію, которая соотвѣтствовала бы желаніямъ французскаго народа [1]).

Начерченный въ этой прокламаціи планъ дѣйствій, условленный между союзными государями и Таллейраномъ, благодаря рѣшительнымъ настояніямъ первыхъ и энергичнымъ мѣрамъ послѣдняго, нашелъ себѣ точное осуществленіе въ ближайшіе за симъ дни. Уже 31-го марта вечеромъ сенаторы получили созывныя грамоты. 1-го апрѣля состоялось первое засѣданіе Сената, на немъ было избрано временное правительство, и были установлены основные принципы, которыми должно было руководствоваться правительство при составленіи проекта конституціи [2]). На слѣдующій день 2-го апрѣля Сенатъ былъ снова созванъ. На этомъ засѣданіи было принято рѣшеніе первостепенной важности. Наполеонъ былъ объявленъ лишеннымъ престола, и законъ о наслѣдованіи въ его семьѣ отмѣненъ. Актъ, который содержитъ это рѣшеніе, представляетъ большой интересъ не только той мѣрой, которую

---

[1]) Вотъ подлинный текстъ этого интереснаго документа: «Les armées des puissances alliées ont occupé la capitale de France. Les souverains alliés accueillent le voeu de la nation française. Ils déclarent, que si les conditions de la paix devaient renfermer de plus fortes garanties lorsqu'il s'agissait d'enchaîner l'ambition de Bonaparte, elles doivent être plus favorables lorsque par un retour vers un gouvernement sage, la France elle-même offrira l'assurance de ce repos. Les souverains alliés proclament en conséquence: qu'ils ne traiteront plus avec Napoléon Bonaparte, ni avec aucun membre de sa famille; qu'ils respectent l'integrité de l'ancienne France, telle qu'elle a existé sous les rois légitimes; ils peuvent même faire plus, parce qu'ils professent toujours le principe que, pour le bonheur de l'Europe, il faut que la France soit grande et forte; qu'ils reconnaîtront et garantirons la constitution que la nation se donnera. Il invite par conséquent le Sénat à désigner un gouvernement provisoire, qui puisse pourvoir aux besoins de l'administration et préparer la constitution qui conviendra au peuple français. Les intentions que je viens d'exprimer me sont communes avec toutes les puissances alliées. Подписано: Alexandre. Le Moniteur Universel du 2 Avril 1814, p. 363, col. 1.

[2]) Эти основныя начала были формулированы слѣдующимъ образомъ: Le Sénat et le Corps législatif seront déclarés partie intégrante de la constitution projetée, sauf les modifications qui seront jugées nécessaires pour assurer la liberté des suffrages et des opinions. — L'armée ainsi que les officiers et soldats en retraite, les veuves et officiers pensionnés conserveront les grades, donneurs et pensions dont ils jouissent. — Il ne sera porté aucune atteinte à la dette publique. — Les ventes de domaines nationaux seront irrévocablement maintenues. — Aucun Français ne sera recherché pour les opinions politiques qu'il aurait pu émettre. — La liberté des cultes et des conseiences sera maintenue et proclamée, ainsi que la liberté de la presse, sauf la repression légale des délits qui pourraient naître de l'abus de cette liberté. Archives parlamentaires Deuxième Serie, T. XII, p. 7.

онъ декретировалъ, но тѣми мотивами, которыми онъ ее оправдывалъ. Въ этомъ характерномъ документѣ говорится, что Наполеонъ своимъ антиконституціоннымъ поведеніемъ разорвалъ тотъ договоръ, который его связывалъ съ народомъ; что, нарушивъ права народа, закрѣпленныя этимъ договоромъ, онъ лишилъ себя того права на престолъ, который за нимъ этотъ договоръ признавалъ. Сенатъ видитъ нарушеніе Наполеономъ договора, на которомъ основывалась его власть, главнымъ образомъ въ томъ, что онъ взималъ налоги и устанавливалъ подати односторонними распоряженіями, что онъ объявлялъ войну декретами, а не въ формѣ предписаній закономъ, что онъ упразднилъ отвѣтственность министровъ, смѣшивалъ всѣ власти (confondu tous les pouvoirs), уничтожилъ независимость суда, подвергалъ печать полицейской цензурѣ и т. д. и т. д. [1]).

Императоръ Александръ вполнѣ одобрилъ этотъ актъ и высказалъ полную солидарность съ выраженными въ немъ идеями и принципами. Въ тотъ же день, когда этотъ актъ былъ составленъ, онъ принималъ у себя членовъ Сената и привѣтствовалъ ихъ словами: «На васъ возложена одна изъ почетнѣйшихъ миссій, которая только можетъ выпасть на долю великодушныхъ людей, а именно — обезпечить счастье великаго народа, даруя Франціи сильныя и либеральныя учрежденія, въ которыхъ она нуждается при современномъ состояніи ея просвѣщенія и ея цивилизаціи» [2]).

Познакомившись съ постановленіями Сената, Бэнжаменъ Констанъ пишетъ Таллейрану восторженное письмо: «У меня непреодолимая потребность поздравить васъ: вы въ одно и то же время и разрушили тиранію и положили основанія свободѣ... Я пишу вамъ эти строки по прочтеніи основныхъ началъ декретированной конституціи. Вы меня извините, если я не величаю васъ ни однимъ изъ вашихъ титуловъ. Европа и исторія богато васъ ими одарятъ. Но лучшимъ изъ нихъ всегда останется титулъ предсѣдателя Сената» [3]). А Мунье извѣщаетъ Баранта о резолюціяхъ Сената въ слѣдующихъ характерныхъ выраженіяхъ: «У насъ будетъ свободная конституція съ королемъ изъ дома Бурбоновъ: новая хартія и старая династія, два рѣдко встрѣчающихся вмѣстѣ преимущества» [4]).

[1]) Collection complète des Lois, Décrets, ordonnances, règlements et Avis du Conseil-d'Etat, publiée par I. B. Duvergier Paris, 1827, t. XIX, p. 4.

[2]) Vous-êtes chargés d'une des plus honorables missions, que des hommes genereux ayent a remplir, c'est d'assurer le bonheur d'un grand peuple en donnant à la France les institutions fortes et liberales dont elle ne peut se passer dans l'état actuel de ses lumière et de sa civilisation. Archives nationales C. C. 986. Extrait des requestres du Sénat Conservateur. Le 2 Avril 1814. Procès verbal relatif au transport et à la réception du Sénat chez S. M. l'Empereur de Russie.

[3]) Talleyrand, Mémoires, t. II, p. 261.

[4]) Barante, Souvenirs, t. II, p. 25.

II.

Конституція Сената 6 апрѣля 1814 г. и отношеніе къ ней французскаго общества.

Конституція Сената 6 апрѣля 1814 г. была составлена съ необычайной поспѣшностью.

3-го апрѣля состоялось у Таллейрана первое совѣщаніе для ея обсужденія[1]), а 6-го апрѣля ея текстъ былъ уже окончательно выработанъ и принятъ Сенатомъ.

Какъ бы быстро, однако, конституція 6-го апрѣля составлена ни была, ея выработка имѣетъ тѣмъ не менѣе свою исторію, съ которой небезынтересно познакомиться.

Совѣщаніе 3-го апрѣля, которое разсчитывало найти уже готовый проектъ и приступить къ его детальному обсужденію, было обмануто въ своихъ ожиданіяхъ: Лебренъ [2]), которому Таллейранъ поручилъ составленіе такого проекта, явился на совѣщаніе съ пустыми руками. Вмѣсто новаго проекта, котораго ожидало отъ него совѣщаніе, онъ предложилъ на обсужденіе конституцію 1791 года, мотивируя свое предложеніе тѣмъ, что лучшаго образца конституціонной хартіи найти нельзя [3]).

Съ этимъ мнѣніемъ, однако, совѣщаніе согласиться не могло. Конституція 1791 г. была непріемлема прежде всего потому, что она предусматриваетъ лишь одну палату. «Мы имѣемъ, — замѣтилъ Таллейранъ, — Сенатъ, безъ котораго обойтись не можемъ. Уже это одно влечетъ за собою совершенно другую комбинацію въ соотношеніи властей. И намъ предстоитъ прежде всего изготовить декларацію принциповъ, т.-е. установить тѣ основныя начала новаго государственнаго строя, изъ которыхъ потомъ вытекутъ,

---

[1]) Совѣщаніе это состояло изъ 20 до 25 лицъ, а именно: изъ членовъ временнаго правительства, генерала графа Дессола, назначеннаго командующимъ національной гвардіей Arch. parl., t. XII, ст. 9), барона Луи, аббата де Прадтъ, префекта полиціи Паскье, сенаторовъ: Мирбуа, Ланжюне, Абріаля, Пасторе, Фонтана, Фабра, Кирне Эльмери, Малевилля, Ламбрехта, Вимара. Pasquier, Mémoires, t. II, p. 316. На этомъ совѣщаніи присутствовали также въ качествѣ представителей союзныхъ державъ Поццо де Барго и Нессельроде.

[2]) Лебренъ, извѣстный своими литературными талантами и пользовавшійся репутаціей человѣка, хорошо освѣдомленнаго въ вопросахъ конституціоннаго права, имѣлъ за собою прошлое виднаго государственнаго дѣятеля и опытнаго администратора: онъ былъ членомъ учредительнаго собранія и со времени бытности своей членомъ совѣта старшинъ не переставалъ занимать отвѣтственныя мѣста въ правительствѣ. На него и палъ выборъ Таллейрана, когда дѣло зашло объ отысканіи лица, которому можно было бы поручить составленіе первоначальнаго проекта конституціи. Pasquier, Mémoires, t. II, p. 316.

[3]) Тамъ же, стран. 316.

какъ ихъ логическія послѣдствія, остальныя детальныя постановленія[1]). Съ этой точкой зрѣнія согласилось совѣщаніе, и предметомъ обсужденія этого перваго засѣданія сдѣлались исходныя начала новаго государственнаго порядка.

Прежде всего занялись вопросомъ о роли Сената въ предстоящей государственной реформѣ. Этотъ вопросъ далъ поводъ къ обсужденію будущаго положенія Сената и сдѣлался предметомъ особенно внимательнаго разсмотрѣнія, что было вполнѣ естественно со стороны совѣщанія, которое въ своемъ большинствѣ состояло изъ сенаторовъ и которое было заинтересовано въ томъ, чтобы не только сохранить Сенатъ, какъ учрежденіе, но и обезпечить въ будущемъ матеріальное положеніе его настоящихъ членовъ. И уже на этомъ первомъ совѣщаніи былъ заложенъ фундаментъ тому постановленію сенатской конституціи [2]), которое имѣло для него столь роковыя послѣдствія [3]).

На этомъ совѣщаніи Таллейранъ поднялъ и другой вопросъ первостепенной важности. Мы знаемъ, что онъ обѣщалъ императору Александру побудить Сенатъ добровольно и по собственной иниціативѣ призвать Бурбоновъ на французскій престолъ[4]). И вотъ онъ пользуется случаемъ, чтобы вызвать въ Сенатѣ настроеніе, благопріятное реставраціи старой династіи. Онъ даетъ характеристику старшаго Бурбона, рисующую его съ самой выгодной стороны. Онъ напоминаетъ членамъ совѣщанія объ его либеральномъ образѣ мыслей, обнаруженномъ имъ на собраніи нотаблей, и выставляетъ его человѣкомъ богато одареннымъ и глубокопросвѣщеннымъ, вынесшимъ изъ своего долгаго пребыванія въ Англіи всестороннее знакомство съ ея учрежденіями. «Вы должны помнить,— сказалъ Таллейранъ,—что конституція, надъ которой вамъ предстоитъ теперь работать, будетъ представлена на судъ человѣка выдающагося ума. Принцъ, который долженъ ее принять и вдохнуть въ нее жизнь, болѣе чѣмъ кто-либо способенъ высказать о ней свое компетентное сужденіе... Такому принцу нельзя представить слабо продуманнаго труда, который не стоялъ бы на одномъ уровнѣ съ его проницательнымъ и просвѣщеннымъ умомъ»[5]).

---

[1]) Pasquier, Mémoires, p. 317.

[2]) Les sénateurs actuels, à l'exception de ceux qui renonceraient à la qualité de citoyens français, sont maintenus et font partie de ce nombre. La dotation actuelle du Sénat et des sénatoreries leur appartient. Les revenus en sont partagés également entre eux et passent à leurs successeurs. Le cas échéant de la mort d'un sénateur sans postérité masculine directe, sa portion retourne au trésor public. Les sénateurs qui seront nommés à l'avenir, ne peuvent avoir part à cette dotation. (§ 6.)

[3]) Pasquier, Mémoires, p. 317.

[4]) См. выше, стран. 6.

[5]) Pasquier, Mémoires, t. II, p. 318.

Изъ того, что происходило на этомъ первомъ совѣщаніи у Таллейрана, мы можемъ заключить, что 4-го апрѣля еще ничего не было сдѣлано для выработки конституціи: на немъ не былъ заготовленъ проектъ конституціи, а предприняты лишь первые шаги для установленія ея главныхъ основаній, а между тѣмъ уже 5-го апрѣля Сенату былъ представленъ готовый проектъ конституціи. Этотъ проектъ былъ, такимъ образомъ, составленъ въ одинъ день, а именно 4-го апрѣля.

Для разсмотрѣнія этого проекта Сенатъ составилъ комиссію, образованную изъ семи членовъ, а именно изъ Вимара, Гарата, Ланжюне, Фабра, Корне, Грегуара и Абріала. Это были все лица, принадлежавшія къ либеральной оппозиціи въ Сенатѣ. Между ними были республиканцы Грегуаръ и Гаратъ. Первый хотя и не присутствовалъ въ Конвентѣ въ то время, когда былъ произнесенъ приговоръ надъ Людовикомъ XVI, тѣмъ не менѣе прислалъ свое письменное на него согласіе, Гаратъ же отправлялъ въ то время функціи министра юстиціи и въ качествѣ такого прочелъ въ Тамплѣ Людовику XVI произнесенный надъ нимъ смертный приговоръ. Такой составъ комиссіи предрѣшалъ характеръ конституціи: онъ ручался за то, что она будетъ построена на началахъ, исповѣдуемыхъ обновленной Франціей, и что въ ней не найдутъ себѣ мѣста принципы, которые были связаны съ традиціями призываемой на престолъ династіи.

Этотъ проектъ конституціи, который по иниціативѣ Таллейрана получилъ названіе конституціонной хартіи, былъ принятъ Сенатомъ единогласно. На слѣдующій день также единогласно присоединился къ нему законодательный корпусъ. Между членами Сената, подписавшими его, былъ, замѣчаетъ Паскье, и пресловутый аббатъ Сіейсъ, согласіе котораго на этотъ актъ было, можетъ быть, еще знаменательнѣе, чѣмъ присоединеніе къ нему аббата Грегуара [1]).

Способъ происхожденія сенатской конституціи очень невыгодно отразился на ея содержаніи. Той исключительной поспѣшностью, съ которой она была составлена, объясняется ея недоговоренность и неполнота: тѣ опредѣленія, напр., которыя касаются индивидуальныхъ правъ гражданъ, въ ней разработаны крайне поверхностно; эти права въ ней не только опредѣленно и ясно не формулируются, но даже исчерпывающимъ образомъ не перечисляются: въ ней, напр., совершенно не упоминается право личной неприкосновенности, выражающейся въ обезпеченіи гражданъ отъ произ-

[1]) Pasquier, Mémoires, t. II, p. 319.

вольныхъ арестовъ[1]). Другой важный изъянъ въ выработкѣ хартіи заключается въ одностороннемъ составѣ ея редакторовъ: первое совѣщаніе, выработавшее основныя начала конституціи, обнимало по преимуществу сенаторовъ, а комиссія окончательно опредѣлившая ея содержаніе, состояла исключительно изъ членовъ верхней палаты. Этимъ и объясняется то исключительное мѣсто, которое въ проектѣ отводится Сенату, и то особенное, прямо недопустимое въ актѣ общегосударственнаго значенія вниманіе, которое удѣляется въ немъ матеріальнымъ интересамъ сенаторовъ.

Эти недостатки сенатской конституціи, какъ бы они существенны ни были и какъ бы вредно они ни повліяли на ея дальнѣйшую судьбу, не умаляютъ, однако, ея важнаго значенія въ исторіи конституціоннаго развитія послѣнаполеоновской Франціи.

Сенатская хартія знаменуетъ собою поворотъ къ принципамъ конституціи 1791 года, которые она однако воспроизводитъ лишь въ умѣренной, крайне смягченной формѣ. Она очень опредѣленно отражаетъ тѣ требованія, которыя французское общество того времени представляло грядущему государственному строю, долженствовавшему смѣнить наполеоновскій режимъ и установить основы либеральной конституціонной монархіи, той государственной формы, которая лишь съ временными уклоненіями продержалась во Франціи въ теченіе всей первой половины XIX столѣтія. Въ этомъ смыслѣ ея главнѣйшія постановленія представляютъ большой интересъ, и мы должны напомнить ихъ читателю. Они сводятся съ слѣдующему:

Конституція обезпечиваетъ свободу печати (ст. 23), свободу вѣроисповѣданія (ст. 22), равенство французовъ въ дѣлѣ занятія должностей, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ (ст. 27), право петиціи (ст. 26). Конституція далѣе сохраняетъ судъ присяжныхъ, обезпечиваетъ гласность суда, опредѣляетъ несмѣняемость судей (ст. 17). Старая династія возстановляется: но вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно отвергаются принципы стараго режима. Король призывается на престолъ народомъ и его дѣятельность обставляется цѣлымъ рядомъ гарантій. Его власть вводится въ опредѣленныя границы. Ему вручается исполнительная власть (ст. 4), которую онъ отправляетъ не иначе какъ при помощи отвѣтственныхъ министровъ. Всѣ правительственные акты контрасигнуются ими. Они отвѣтственны за всѣ тѣ распоряженія, которыя не согласны съ законами или нарушаютъ индивидуальныя права гражданъ, ихъ политическую и гражданскую свободу (ст. 21).

---

[1]) В. А. Бутенко, Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи, t. I, стран. 107.

Законодательная и верховно-финансовая власть распредѣляется между королемъ и двумя палатами [1]).

Проекты законовъ вносятся одинаково какъ въ Сенатъ, такъ и въ законодательный корпусъ; лишь тѣ изъ нихъ, которые касаются налоговъ, поступаютъ предварительно въ нижнюю палату (ст. 5). Право иниціативы принадлежитъ палатамъ, но король имѣетъ право приглашать ихъ обсудить законодательные проекты, которые онъ признаетъ желательными. Право законодательной санкціи принадлежитъ королю и ни одинъ законъ не можетъ получить своего совершенія безъ его согласія (ст. 5). Независимость палатъ и ихъ самостоятельность гарантируются цѣлымъ рядомъ существенныхъ постановленій. Законодательный корпусъ собирается ежегодно въ силу закона 1-го октября, король можетъ отсрочить его засѣданія и созвать на чрезвычайную сессію, онъ имѣетъ право распустить его, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ быть снова созванъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (ст. 10). Ни одинъ членъ Сената и законодательнаго корпуса не можетъ быть арестованъ безъ предварительнаго разрѣшенія той палаты, къ которой онъ принадлежитъ. Право суда надъ членами обѣихъ палатъ принадлежитъ исключительно Сенату (ст. 13), Сенатъ и законодательный корпусъ избираютъ своихъ предсѣдателей изъ своей среды.

Если эта конституція шла несомнѣнно навстрѣчу требованіямъ большинства французскаго общества и ея основныя положенія были встрѣчены этимъ большинствомъ сочувственно, то совершенно другое отношеніе она должна была встрѣтить со стороны сторонниковъ стараго порядка. Изъ ихъ среды и поднялись голоса, рѣзко нападавшіе на Сенатскую конституцію и требовавшіе возстановленія Бурбоновъ безъ всякихъ условій.

Эти голоса нашли себѣ выраженіе въ брошюрахъ, появившихся въ это время въ большомъ количествѣ. Съ наиболѣе характерными изъ нихъ мы и должны теперь познакомиться.

Нечего намъ сочинять новой конституціи,—говоритъ авторъ одной изъ нихъ [2])—опытъ послѣднихъ 25 лѣтъ доказываетъ, что эти конституціи, на самые различные лады и вкусы сочиненныя, навлекаютъ на страну одни только бѣдствія. У насъ есть уже конституція, лучше которой

---

[1]) Верхняя палата Сената состоитъ изъ 150—200 сенаторовъ; они назначаются королемъ и ихъ званіе переходитъ по наслѣдству по началу первородства (ст. 6). Палата депутатовъ состоитъ изъ членовъ, избираемыхъ непосредственно избирательными коллегіями департамента прежнимъ порядкомъ, который, въ случаѣ необходимости, будетъ видоизмѣненъ закономъ (9).

[2]) Она озаглавлена «Le cri de la Raison et de l'expérience».

не придумаешь, конституція, вѣками сложившаяся на національной почвѣ, конституція, подъ сѣнью которой жилъ и процвѣталъ французскій народъ въ теченіе вѣковъ. Ни въ какихъ гарантіяхъ народъ по отношенію къ королю не нуждается. Единственно возможная гарантія, связывающая суверена и подданныхъ это — тотъ интересъ, который имѣетъ суверенъ быть добрымъ и справедливымъ по отношенію къ своему народу, а подданные — быть послушными по отношенію къ монарху [1]). Никогда наши властители не злоупотребляли своимъ высокимъ положеніемъ, а злоупотреблялъ своею властью народъ. Въ этой горькой истинѣ тяжело сознаться; но это такъ. И мы, согрѣшившіе передъ нашимъ королемъ, не имѣемъ права ставить ему условія. Мы должны быть счастливы той милостью, которую возвращающійся къ намъ монархъ намъ оказываетъ [2]).

Нельзя себѣ представить,— говоритъ авторъ другой брошюры [3]) — конституцію, которую далъ бы себѣ самъ французскій народъ. Строителями государственнаго порядка во Франціи были искони ея законные короли. Французская нація не можетъ пещись о своихъ важнѣйшихъ интересахъ безъ вѣдома короля, отдѣленная отъ него, она лишь часть цѣлаго. Короли слились съ ней въ силу безпрерывнаго существованія монархіи въ теченіе четырнадцати вѣковъ, въ силу того, что монархическая власть болѣе восьмисотъ лѣтъ находилась съ соизволенія Бога въ рукахъ одной и той же династіи. Конституція, которая была бы не дана монархомъ Франціи, а лишь подписана имъ, такая конституція никогда не могла бы стать основнымъ закономъ страны.

Другіе сторонники Бурбоновъ не стояли на такой непримиримой точкѣ зрѣнія. Они не отрицали пользы конституціи и признавали желательнымъ участіе представителей общества въ ея разработкѣ, но они не хотѣли допустить, чтобы король, имѣющій самостоятельное право на престолъ, былъ бы призванъ въ силу конституціи, исходящей отъ Сената. Къ нимъ принадлежитъ Бергасъ, авторъ брошюры Reflexions de M. Bergasse, ancien député à l'assemblée constituante sur l'acte constitutionnel.

По какому праву, спрашиваетъ Бергасъ, взялъ на себя Сенатъ миссію составить для Франціи конституцію? Сенатъ обязанъ своимъ существованіемъ императорской конституціи, которая была только что разрушена. Онъ этимъ самымъ пересталъ существовать какъ учрежденіе и представляетъ собою простую ассоціацію людей безъ всякаго политическаго

---

[1]) La garantie, la seule garantie possible entre le souverain et les sujets c'est l'intérêt qu'a le souverain d'être bon et juste et celui qu'ont les sujets d'être obéissant.

[2]) Ni lui (notre légitime souverain) ni ses prédécesseurs, n'ont abusé de la puissance, la nation seule a abusé de la sienne. Cette vérité est triste, mais il faut avoir le courage de l'avouer et c'est dans cette étrange position, que nous français nous oserions mettre un frein à son autorité, quand nous sommes heureux par sa clémence. (Faut-il une nouvelle constitution?)

[3]) Lettre à Sa Majesté l'Empereur de Russie sur le projet d'une constitution nouvelle.

авторитета и безъ всякихъ правъ [1]). Менѣе всего имѣетъ онъ право говорить именемъ народа. Чтобы быть представителемъ народа, нужно быть избраннымъ имъ, а чтобы дать ему конституцію и этого недостаточно, а нужно кромѣ того имѣть спеціальный мандатъ. Сенатъ же не избранъ народомъ и никакого спеціальнаго мандата отъ него не получалъ [2]). Онъ не имѣлъ потому права давать конституцію и призывать на престолъ Людовика подъ условіемъ принятія имъ этой конституціи. Не нужно также забывать, что Людовикъ XVIII не можетъ принять конституціи, прежде чѣмъ она будетъ принята народомъ [3]).

---

[1]) Le Sénat ne doit son existence qu'à la constitution même, qui vient d'être détruite. Il est donc dissous par le fait; il n'est donc plus qu'une association d'individus sans caractère politique et sans droits.

[2]) Et alors d'où emprunte-t-il la mission qu'il se donne?... Dira-t-il qu'il représente la nation? Quoi! Le Sénat représente la Nation! Mais a-t-il oublié que par son institution même, il n'était pas appelé à délibérer sur ses intérêts, qu'il n'était chargé que de garantir de toute atteinte la Charte constitutionnelle, dont quelques uns de ses membres avaient redigé les articles, que pour être représentant d'une nation il faut être immédiatement délegué par elle, et que l'orsqu'il s'agit surtout de la constituer, une délégation ordinaire ne suffit pas, qu'il faut de plus pour une œuvre pareille, un mandat spécial, qu'aucun autre acte ne peut remplacer.

[3]) Je me suis demandé ensuite comment le Sénat avait pu décreter que Louis XVIII ne serait proclamé Roi qu'autant qu'il aurait accepté l'acte constitutionnel. Est-ce que Louis XVIII a besoin du Sénat pour être Roi! Louis XVIII d'ailleurs peut-il accepter l'acte constitutionnel avant que la Nation elle-même ait émis son vœu?

По аналогичнымъ мотивамъ отвергаетъ сенатскую конституцію и авторъ брошюры: Le Sénat et encore une constitution. Сенатская конституція, разсуждаетъ онъ, должна быть отвергнута, ибо ея авторы не были облечены правомъ издавать ее. Учрежденіе Сената не вооружаетъ его никакими учредительными полномочіями. Оно постановляетъ въ своемъ § 90, что лишь тѣ его постановленія имѣютъ силу, которыя приняты большинствомъ $^2/_3$ голосовъ: конституція же 6-го апрѣля была принята 66 голосами изъ 163, что составляетъ меньше половины общаго числа членовъ.

Богатую пищу для нападокъ представляла сенатская конституція и тѣми своими постановленіями, въ которыхъ такъ ярко и откровенно выступали своекорыстные мотивы сенаторовъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько наиболѣе рѣзкихъ образцовъ этихъ нападокъ: Et de quel droit, Sénat de Buonaparte, en vous réservant les gages de votre ancien maître, prétendez-vous obtenir des Français des honneurs et des dédomagements de fortune, comme si, à l'exemple de vos anciennes lois, les biens de vos victimes devaient encore rester le patrimoine de leur bourreau. (Le Sénat de Buonaparte). Votre constitution est sans doute un bel ouvrage, mais vendez la un peu moins cher (Un mot au Sénat). Et quelle impudeur d'oser déclarer que la dotation actuelle du Sénat et des sénatories aux Sénateurs actuels, que les revenus en seront partagés également entre eux et passeront à leurs enfants comme droit héréditaire! Et c'est au moment où le fléau de la guerre a ruiné une partie de la France, au moment où par la politique machiavelique du Tyran, et le malheur des circonstances, il est dû à toute l'armée 15 ou 18 mois de solde, que les Sénateurs, avec un égoisme digne du siècle où nous vivons, songent à assurer leur existence politique et financière, et s'approprient sans pudeur le fruit des rapines de celui à qui ils ont constamment fourni les moyens de continuer la guerre en dépeuplant la France et en portant dans toutes les familles le désespoir et la mort (Quelques observations sur la constitution faite par le Sénat).

Недостойное поведеніе Сената при Наполеонѣ служило также однимъ изъ главныхъ доводовъ въ арсеналѣ тѣхъ аргументовъ, которые выдвигались противъ Сената и противъ декретированной имъ конституціи. Авторъ брошюры De la conduite du Sénat sous Bonaparte, обращаясь къ сенаторамъ,

Шумъ, поднятый этими брошюрами, врядъ ли правильно передавалъ настроеніе французскаго общества того времени. Среди этого шума особенно рѣзко раздавались голоса такъ называемыхъ чистыхъ роялистовъ, которые надѣялись, что вмѣстѣ съ возстановленіемъ старой династіи будетъ возстановленъ и старый порядокъ, и которые видѣли себя жестоко обманутыми въ этихъ своихъ ожиданіяхъ. Они открыли ожесточенный походъ противъ введенія въ Франціи конституціоннаго строя. Этимъ походомъ руководилъ, по свидѣтельству тогдашняго профекта полиціи Паскье, только что вернувшійся въ Парижъ братъ короля, графъ д'Артуа, который, какъ мы увидимъ, въ своихъ оффиціальныхъ рѣчахъ заявлялъ

восклицаетъ: «Наполеонъ, несомнѣнно, виновенъ въ очень многомъ, но вы виноватѣе его. Ваше жалкое низкопоклонство одобряло всѣ его слабости, оправдывало всѣ его ошибки, освящало всѣ его преступленія; вы, pourvoyeurs salariés, не убоялись отдавать ему ежегодно въ жертву свѣжее мясо двухъ милліоновъ французовъ».

Раздаются голоса противъ сенатской конституціи и изъ противоположнаго лагеря, изъ лагеря либераловъ. Авторъ брошюры Pair ou Non? обвиняетъ сенатскую конституцію въ томъ, что она возстановляетъ палату перовъ, между тѣмъ страна такъ ярко и такъ недвусмысленно высказалась противъ дворянства. «Конституція Сената, вводя такую палату перовъ въ систему нашихъ учрежденій, хотѣла подражать Англіи. Но политическій строй этой страны — готическое сооруженіе, на нашихъ глазахъ распадающееся. Мы живемъ въ XIX столѣтіи и не хотимъ быть жалкими подражателями отжившихъ конституцій». «Образцомъ намъ должна служить конституція 1791 года,— заявляетъ авторъ другой брошюры De la meilleur constitution à donner aux Français ou la constitution de 1791), — конституція, которая объединила громадное большинство французовъ: къ этому прекрасному общественному договору мы и должны вернуться, внеся въ него лишь нѣкоторыя поправки, предуказанныя намъ пережитымъ опытомъ. Она построена на началѣ народнаго суверенитета, который долженъ быть признанъ единственно правильной основой современнаго государственнаго порядка. Съ точки зрѣнія того же принципа оцѣниваетъ сенатскую конституцію и аббатъ Грегуаръ. Хотя, въ качествѣ члена Сената, онъ голосовалъ за нее, онъ, тѣмъ не менѣе, — счелъ теперь, въ качествѣ публициста, нужнымъ высказать о ней свое мнѣніе. Онъ находитъ, что въ ней начало народнаго суверенитета получаетъ неправильное освѣщеніе и примѣненіе. Выраженіе «суверенъ, — говоритъ онъ, — плохо опредѣленное въ дикціонерахъ, можетъ быть употреблено лишь въ примѣненіи къ народу, ибо народъ можетъ принадлежать только самому себѣ. Суверенитетъ есть для народа существенное свойство, свойство неотчуждаемое, которое никогда не можетъ быть принадлежностью отдѣльнаго лица или семейства. Изъ того же принципа вытекаетъ и та несомнѣнная истина, что всѣ публичныя функціи, начиная съ низшей и кончая высшей, будучи установлены въ общихъ интересахъ, никогда не могутъ быть собственностью того, кто ими облеченъ. Такимъ образомъ монархи, магистраты всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ, сенаторы и судьи суть делегаты народа; всѣ они отвѣтственны предъ нимъ, а слѣдовательно, въ случаѣ необходимости, и могутъ быть смѣнены имъ. Вотъ почему наслѣдственность должностей, исключающая ихъ смѣняемость, а слѣдовательно, и ихъ отвѣтственность, противорѣчитъ началу народнаго суверенитета и не должна имѣть мѣста въ государствѣ, на немъ построенномъ. И сенатская конституція поступила неправильно, установивъ наслѣдственность должности сенатора. Грегуаръ предлагаетъ сдѣлать Сенатъ избираемымъ и притомъ такъ, чтобы $^1/_3$ избиралась королемъ, другая треть законодательнымъ собраніемъ, а третья — самимъ сенатомъ.

БИБЛІОТЕКА КОММЕРЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

о своей солидарности съ конституціонными стремленіями французскаго общества, втихомолку же велъ агитацію, направленную противъ установленія представительнаго строя. «Въ своихъ бюллетеняхъ, — разсказываетъ Паскье, — я указывалъ на ту опасность, которой грозитъ такая агитація. Я въ устной бесѣдѣ дополнялъ и комментировалъ мои письменныя донесенія... Меня хорошо принимали, меня слушали и дѣлали видъ, что со мною соглашаются; нѣкоторыя изъ предложенныхъ мною мѣръ были приняты и къ исполненію; но тайное руководство оставалось въ силѣ, что сказывалось въ все возрастающей смѣлости роялистической партіи... Наиболѣе яркимъ выраженіемъ рѣзкаго тона печати было то ожесточеніе, съ которымъ нападали на Сенатъ [1]).

Противъ этой агитаціи, искусственно поддержанной графомъ д'Артуа, подняли свой голосъ умѣренные публицисты. Между ними обратилъ на себя особенное вниманіе нѣкій Дюрбакъ, изъподъ пера котораго вышелъ цѣлый рядъ брошюръ[2]), получившихъ широкое распространеніе и очень сочувственно принятыхъ. По словамъ Паскье, они «отвѣчали желаніямъ многихъ» и какъ такое выраженіе господствующаго мнѣнія, заслуживаютъ особеннаго съ нашей стороны вниманія.

Сторонники старой монархіи, говоритъ Дюрбакъ, требовавшіе возвращенія Бурбоновъ безъ всякихъ условій и предлагавшіе «отдаться въ отеческія руки короля, довѣряясь исключительно его добротѣ и его мудрости», — эти сторонники стараго порядка за послѣднее время измѣнили свою тактику. Понявъ всю безнадежность своихъ начинаній, они примирились съ необходимостью даровать французскому народу хартію, которая обезпечивала бы ему свободу, но они требуютъ, чтобы эта хартія не исходила отъ народа или его представителей, а была результатомъ добровольной уступки монарха, другими словами была дѣломъ односторонней декларація короля. И къ этой новой доктринѣ прислушиваются не только крайніе реакціонеры, но и умѣренные политики, не понимая, очевидно, всей той опасности, которую она въ себѣ кроетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если монархъ имѣетъ право одностороннимъ актомъ своей воли даровать конституцію, то онъ и имѣетъ право такъ же

---

[1]) «Je signalais dans mes bulletins les dangers, les désordres que pouvaient amener de pareilles excitations; je les commentais de vive voix devant Monsieur toutes les fois que j'avais l'honneur de l'approcher, ce qui avait lieu à peu près tous les deux jours. On me recevait bien, on m'écoutait, on avait l'air de trouver que j'avais raison; plusieurs fois les mesures que je conseillais furent adoptées, mais la direction secrète restait la même; cela était sensible surtout par l'audace toujours croissante des écrivains du parti... Une des choses les plus frappantes dans les violences de la presse était l'acharnement contre le Sénat. C'est sur ce point que les attaques se concentraient trahissant ainsi des intentions inquiétantes. Pasquier, Mémoires, t. II, c. 376, 377.

[2]) Des véritables intérêtes de la maison des Bourbons; Nécessité d'une constitution; Encore un mot sur la Constitution de 98.

односторонне взять ее обратно. При чемъ же останется тогда народъ и всѣ принесенныя имъ жертвы? И какую силу будетъ имѣть такая конституція? Она, прежде всего, не будетъ въ состояніи парализовать притязаній семейства Бонапарта. Наполеонъ былъ, если хотите, тираномъ, но онъ никогда не былъ узурпаторомъ. Онъ былъ законнымъ монархомъ, единодушно признаннымъ французскимъ народомъ и таковымъ же неоднократно до 15 марта признавали его и европейскія державы. Если его притязаніямъ король будетъ противупоставлять лишь свои права, основанныя на давности владѣнія, то права эти будутъ покоиться на очень зыбкой почвѣ. Только конституція, которая свободно призываетъ Бурбоновъ на престолъ, можетъ обезпечить имъ сильную и безспорную власть. Какъ бы почтенна ни была давность владѣнія, однако, основанныя на ней одной права не въ силахъ перевѣсить тѣхъ правъ положительныхъ, хотя и новыхъ, которыми облечетъ Бурбоновъ единодушное избраніе народа и признаніе всей Европы [1]).

Дюрбакъ доказывалъ, такимъ образомъ, въ своихъ брошюрахъ, что возвращеніе Бурбоновъ можетъ стать благодѣтельнымъ для Франціи и обезпечить ей прочный общественный порядокъ лишь подъ условіемъ одновременнаго изданія либеральной конституціи, которая обезпечила бы народу пріобрѣтенныя революціей права. Въ этомъ смыслѣ онъ оправдывалъ конституцію, выработанную Сенатомъ. Но онъ оставлялъ безъ отвѣта тѣ нападки на актъ 6-го апрѣля, которые заключались въ отрицаніи за Сенатомъ права издать такую конституцію. На эти нападки взялись отвѣтить цѣлый рядъ другихъ брошюръ. Онѣ доказывали, что если Сенатъ съ строго формальной точки зрѣнія и не имѣлъ учредительныхъ полномочій, то онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ, хотя бы временно и условно, взять на себя ихъ отправленіе, въ виду того исключительнаго положенія, въ которомъ очутилась Франція послѣ паденія Наполеона.

Между этими брошюрами выдавались: Beaulieu — Reflexions sur les reflexions de M. Bergasse и двѣ брошюры неизвѣстныхъ авторовъ, носившія одно и то же заглавіе: Lettres à M. Bergasse au sujet de ses Reflexions.

Разсужденія авторовъ этихъ брошюръ сводятся приблизительно къ слѣдующему. Совершенно не основательно обвинять Сенатъ въ злонамѣренномъ превышеніи своей власти и утверждать, что онъ присвоилъ себѣ учредительную власть, которая по праву принадлежитъ одному

---

[1]) Qualque respectable que puisse être l'antique et longue possession de cette auguste Maison, elle ne saurait balancer les droits positifs quoi que nouveaux, droits donnés par les suffrages du peuple français et reconnus par l'Europe entière. Des véritables intérêts de la maison Bourbon.

народу. Въ началѣ апрѣля, когда рушилась власть Наполеона и союзныя войска заняли Парижъ, Сенатъ былъ единственнымъ уцѣлѣвшимъ отъ всеобщаго крушенія учрежденіемъ, къ которому и обратились союзныя державы съ предложеніемъ образовать временное правительство и составить проектъ конституціи. Сенатъ не исполнилъ бы своего патріотическаго долга, если бы отказался отъ этого порученія. При нормальныхъ условіяхъ право издавать конституцію принадлежитъ несомнѣнно народу. Но въ это время, когда державы обратились къ Сенату, двѣ трети Франціи были заняты непріятелемъ, а остальная территорія находилась въ рукахъ только что смѣщеннаго съ престола Наполеона. Нельзя было думать при такихъ условіяхъ о созваніи представителей народа на учредительное собраніе. Сенатъ не узурпировалъ власть народа, котораго нельзя было тогда заставить говорить, а выступилъ его замѣстителемъ и представителемъ, какъ единственное учрежденіе, уцѣлѣвшее отъ всеобщаго крушенія. Не нужно также забывать, что выработанный имъ актъ, не заявлялъ притязаніе стать основнымъ закономъ страны помимо народа: онъ хотѣлъ быть только проектомъ, который долженъ былъ быть представленъ на утвержденіе народа и который могъ получить силу конституціоннаго закона лишь по принятіи его народомъ

Сторонники Бурбоновъ съ своей стороны,—продолжаютъ свои разсужденія авторы упомянутыхъ брошюръ,— обвиняли Сенатъ въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ право составить конституцію помимо короля. Но они не хотятъ принять во вниманіе, что призваніе короля безъ предварительнаго составленія конституціи было невозможно: Бурбоны и ихъ намѣренія были совершенно неизвѣстны новому поколѣнію. Чтобы обезпечить ихъ признаніе, нужно было дать народу увѣренность въ томъ, что возвращеніе Бурбоновъ не означаетъ возстановленіе стараго порядка и что смѣна Бонапарте Бурбономъ не есть смѣна императорскаго деспотизма королевскимъ. А для этого нужно было составить конституцію на началахъ, которыя могли бы вселить въ народѣ увѣренность въ обезпеченіи неприкосновенности тѣхъ правъ и вольностей, которыя были отвоеваны революціей. А разъ составленіе конституціи было политической необходимостью, нельзя было останавливаться изъ-за формальныхъ соображеній. Тяжеловѣсныя и длительныя формы, требуемыя закономъ, въ моментъ такихъ острыхъ кризисовъ, какой тогда переживала Франція, совершенно не приложимы. Путь, по которому силою вещей пошелъ тогда Сенатъ, съ строго легальной точки зрѣнія, конечно, не безупреченъ, но онъ былъ единственный возможный и поэтому съ политической точки зрѣнія вполнѣ правильный [1]).

---

[1]) Le Sénat pouvait seul rappeler les Bourbons quel qu'irrégulier qu'on veuille supposer son droit à cet égard, lui seul pouvait faire entendre une voix qu'on put croire celle de la Nation et la faire entendre à propos et sur le champ: ceux, dont les droits pouvaient être plus réguliers n'avaient pas la faculté de parler... Je tiens qu'au défaut d'autres pouvoirs présents et en état d'agir, la nécessité, la première de toutes les lois, l'a suffisamment autorisé et réclamait son intervention et pour prononcer la déchéance et pour exprimer le vœu national pour le retour de la famille Bourbon et pour poser les premières bases d'une constitution qui assurait les droits du peuple français et les prérogatives de son Souverain. Beaulieu, Reflexions sur les Reflexions de M. Bergasse.

Разбираясь въ тѣхъ различныхъ отзывахъ, которые вызвала конституція Сената въ печати и которые отражали различныя политическія теченія того времени, и стараясь уяснить себѣ ихъ основныя тенденціи и ихъ общій смыслъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Безусловно отрицательно относилась къ Сенатской конституціи лишь та часть роялистовъ, которые стояли за возстановленіе стараго порядка и ни о какой конституціи слышать не хотѣли.

Умѣренные же сторонники Бурбоновъ сознавали необходимость считаться съ новыми условіями времени и не отрицали желательности изданія конституціонной хартіи, но они находили, что ея изданіе отнюдь не входитъ въ компетенцію Сената. Они держались того воззрѣнія, что новая конституція должна исходить отъ тѣхъ новыхъ факторовъ, которые послѣ паденія Наполеона заняли господствующую въ странѣ позицію, а именно отъ короля и отъ народа.

Либеральная, наконецъ, часть французскаго общества, которая примирилась съ призваніемъ Бурбоновъ, какъ съ политической необходимостью, привѣтствовала въ Сенатской конституціи государственный актъ, который оберегалъ Францію отъ возвращенія вмѣстѣ со старой династіей и стараго режима и обезпечивалъ ей главныя пріобрѣтенія французской революціи. Она видѣла въ ней актъ, формулировавшій тѣ требованія, которыя французское общество предъявляло старой династіи и принятіе которыхъ Людовикомъ XVIII было необходимымъ условіемъ его возстановленія на престолѣ его предковъ. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ понимала, что этотъ актъ можетъ стать конституціей страны лишь послѣ принятія его Людовикомъ XVIII. Только признаніе королемъ конституціонныхъ началъ, изложенныхъ въ актѣ 6-го апрѣля, могло, по воззрѣнію либераловъ, обезпечить странѣ прочный представительный строй, основанный на соглашеніи между старой династіей и молодой, революціей обновленной Франціей.

И это признаніе не заставило себя долго ждать.

Уже 3-го мая, передъ самымъ своимъ въѣздомъ въ Парижъ, Людовикъ XVIII издаетъ свою знаменитую Сентъ-Уанскую декларацію. Въ ней онъ торжественно объявляетъ, что принимаетъ основы Сенатской конституціи и обязывается издать либеральную конституцію, построенную на этихъ основахъ, которыя онъ тутъ же и перечисляетъ.

Исторія и условія возникновенія этого знаменательнаго акта и составятъ предметъ нашего ближайшаго изложенія.

III.

Конституціонныя заявленія Бурбоновъ. Рѣчь графа д'Артуа 14-го апрѣля и Сентъ-Уанская декларація 2-го мая.

Возвращеніе Бурбоновъ во Францію не знаменуетъ собою возстановленія старой монархіи и возрожденіе государственно-правовыхъ принциповъ, на которыхъ она была построена. Бурбоны были обязаны своимъ возвращеніемъ не своему, основанному на давности владѣнія, праву на престолъ, которое большинство націи за ними не признавало; не традиціямъ своего дома, давно погасшимъ въ французскомъ обществѣ; не своему личному престижу, которымъ они никогда не пользовались, не матеріальному могуществу, которымъ они не располагали, а исключительно политическимъ соображеніямъ и расчетамъ тѣхъ факторовъ, которые въ то время располагали судьбами Франціи — политическимъ соображеніямъ и расчетамъ, лишеннымъ всякой идеальной подкладки и всякаго принципіальнаго значенія.

И всѣ тѣ офиціальные акты, которые служатъ формальнымъ обоснованіемъ реставраціи старой династіи и, которые проводятъ грань между имперіей Наполеона и монархіей Бурбоновъ, не включаютъ въ себя ни малѣйшихъ намековъ на возрожденіе принциповъ стараго порядка: всѣ они, наоборотъ, построены на началѣ народнаго суверенитета и очень опредѣленно и рѣшительно его провозглашаютъ. Декретъ Сената 3-го апрѣля, постановившій низложеніе Наполеона, установляетъ принципъ, по которому монархъ существуетъ лишь въ силу конституціи или общественнаго договора[1]). Хартія 6-го апрѣля въ своемъ второмъ параграфѣ опредѣляетъ, что французскій народъ свободно призываетъ на престолъ Франціи Людовика Станислава, Ксаверія, брата послѣдняго короля[2]), а въ 29 статьѣ постановляетъ, что настоящая конституція будетъ представлена на утвержденіе народа и что Людовикъ будетъ провозглашенъ королемъ французовъ лишь послѣ того, какъ удостовѣритъ присягою и своею подписью актъ, гласящій: Я принимаю конституцію и клянусь ее соблюдать и охранять ея соблюденіе[3]).

[1]) Dans une monarchie constitutionnelle le monarque n'existe qu'en vertu de la Constitution, ou du pacte constitutionnel (Duvergier, Collection complète des Lois, décrets, ordonnances, règlements et avis du Conseil d'Etat, т. XIX, p. 4).

[2]) Le peuple français appelle librement au trône de France Louis-Stanislas-Xavier de France, frère du dernier Roi, et après lui les autres membres de la maison de Bourbon dans l'ordre ancien. (Тамъ же, с. 7.)

[3]) La présente constitution sera soumise à l'acceptation du peuple français dans la forme qui sera règlée: Louis-Stanislas-Xavier sera proclamé Roi des Français aussitôt qu'il aura juré et signé par un acte portant: J'accepte la Constitution; je jure de l'observer et de la faire observer. (Тамъ же, с. 8.)

Эти государственно-правовые принципы, провозглашенные Сенатомъ въ его конститутивныхъ актахъ, проводятся имъ послѣдовательно и въ его отдѣльныхъ постановленіяхъ. Въ протоколѣ засѣданія Сената отъ 8-го апрѣля мы читаемъ: «Одинъ изъ членовъ обращаетъ вниманіе на то, что въ Moniteur'ѣ этого дня напечатано постановленіе временнаго правительства, въ которомъ принцъ, призванный управлять Франціей, именуется Людовикомъ XVIII. Онъ требуетъ, чтобы временное правительство исправило это ошибочное наименованіе, формально противорѣчащее конституціонному акту, который именуетъ принца, о которомъ идетъ рѣчь, братомъ послѣдняго короля французовъ. Это предложеніе поддерживается нѣсколькими членами. Требуютъ мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ, гласящаго, что принцъ, призванный на престолъ конституціоннымъ актомъ, до принятія этого акта есть не что иное, какъ частное лицо, и что, занявъ престолъ, онъ можетъ себѣ избрать любое наименованіе. Порядокъ дня, такъ мотивированный, ставится на голоса и принимается Сенатомъ[1]).

Воцареніе Людовика XVIII, занявшаго престолъ не въ силу прирожденнаго ему права, а въ силу призванія народа, было для роялистовъ не побѣдой, а скорѣй пораженіемъ. Съ этимъ пораженіемъ они, однако, не хотѣли и не могли примириться. Неудивительно поэтому, что ревнители стараго порядка, какъ мы видѣли, открыли ожесточенную борьбу противъ сенатской конституціи и остріе своихъ нападокъ направили прежде всего и болѣе всего противъ тѣхъ ея постановленій, которыя отрицаютъ за монархомъ учредительную власть и приписываютъ ее народу.

Какъ бы, однако, энергично роялисты ни протестовали противъ Сената и декретированной имъ конституціи, они тѣмъ не менѣе не могли не считаться съ тѣмъ учрежденіемъ, которое предписало низложеніе Наполеона и которое призвало на престолъ Людовика XVIII.

---

[1]) Un membre observe qu'un acte de gouvernement provisoire, inséré au Moniteur de ce jour, désigne sous le nom de Louis XVIII du Prince appelé à régner sur la France. Il demande que le Gouvernement soit invité à rectifier cette désignation, formellement contraire à l'acte constitutionnel, qui désigne le Prince, dont il s'agit, comme frère du dernier Roi des Français. Cette proposition est appuyée par divers membres. On demande l'ordre du jour motivé sur ce que le Prince, appelé au trône par l'acte constitutionnel, n'est jusqu'à l'acceptation de cet acte qu'un simple particulier et sur ce que parvenu au trône, il pourra prendre tout autre nom que celui de Louis. L'ordre du jour ainsi motivé est mis au vote et adopté par le Sénat. Archives Nationales C.C. 986. Extrait des régistres du Sénat Conservateur, Séance de Vendredi 8 avril 1814.

И силу авторитета Сената и провозглашенныхъ конституціей 6-го апрѣля принциповъ пришлось прежде всего испытать на себѣ брату короля — графу д'Артуа.

Когда онъ стараніями роялистовъ и соизволеніемъ союзныхъ державъ и временнаго правительства прибылъ въ Парижъ въ расчетѣ занять соотвѣтствующее его происхожденію положеніе, то возникъ вопросъ о томъ, въ какой формѣ и на какихъ условіяхъ ему предстояло быть назначеннымъ намѣстникомъ королевства. Такъ какъ графъ д'Артуа въ этой должности долженъ былъ временно замѣнить короля, то онъ, разсуждали роялисты, и долженъ получить свою власть изъ рукъ короля. Это мнѣніе встрѣтило, однако, рѣшительный отпоръ со стороны Таллейрана и сенаторовъ, которые доказывали, что король, пока онъ не присягнулъ конституціи, есть не что иное, какъ частное лицо, и не можетъ поэтому совершать никакого государственнаго акта, а слѣдовательно, и не властенъ назначить своего брата намѣстникомъ королевства. Это мнѣніе и одержало верхъ, и было рѣшено, что графъ д'Артуа будетъ возведенъ въ санъ намѣстника декретомъ Сената [1]). Этотъ декретъ состоялся 14-го апрѣля. Онъ гласилъ: «Сенатъ, обсуждая предложеніе временнаго правительства, выслушавъ спеціальной комиссіи изъ семи членовъ, декретируетъ слѣдующее: Сенатъ передаетъ временное правительство Франціи его королевскому высочеству графу д'Артуа и даруетъ ему титулъ намѣстника королевства до того времени, пока Людовикъ-Станиславъ-Ксаверій, призванный на престолъ Франціи, не приметъ конституціонной хартіи. Сенатъ постановляетъ, что этотъ декретъ... будетъ сегодня вечеромъ врученъ графу д'Артуа Сенатомъ, который явится къ нему въ полномъ составѣ» [2]).

На этомъ пріемѣ произошелъ обмѣнъ рѣчами между Таллейраномъ, выступившимъ отъ имени Сената, и графомъ д'Артуа, говорившимъ въ качествѣ представителя старой династіи. Этими рѣчами было какъ бы закрѣплено соглашеніе, состоявшееся между домомъ Бурбоновъ и новой Франціей,—соглашеніе, выразившееся со стороны Сената во врученіи графу д'Артуа правительственныхъ полномочій, а со стороны послѣдняго—въ признаніи имъ началъ конституціоннаго строя, формулированныхъ палатами въ актѣ 6-го апрѣля.

---

[1]) Подробности переговоровъ по этому вопросу между сторонниками Бурбоновъ и представителями Сената см. Vitrolles, Mémoires, т. II, pp. 1—21.
[2]) Duvergier, Collection complète des Lois. T. XIX, c. 15 и 16.

Не воспроизводя цѣликомъ рѣчи Таллейрана, приведемъ здѣсь лишь его вступительныя слова, очень характерныя и знаменательныя: «Ваше королевское высочество, Сенатъ выражаетъ вамъ чувства своей почтительнѣйшей преданности. Онъ взялъ на себя иниціативу возвращенія вашего августѣйшаго дома на престолъ Франціи. Наученный настоящимъ и прошлымъ, онъ вмѣстѣ съ народомъ желаетъ закрѣпить непоколебимо авторитетъ короля на принципѣ правильнаго раздѣленія властей и на началѣ политической свободы, единственныхъ гарантіяхъ счастья и интересовъ всѣхъ»[1]).

Въ отвѣтъ на эту рѣчь графъ д'Артуа сказалъ слѣдующее: «Гг., я познакомился съ актомъ, который призываетъ на престолъ Франціи короля моего брата. Онъ не уполномочилъ меня принять конституцію, но мнѣ извѣстны его чувства и принципы, и я не боюсь ошибиться, выражая отъ его имени увѣренность, что онъ признаетъ ея основы». Затѣмъ графъ д'Артуа излагаетъ эти основы, воспроизводя главныя положенія сенатской конституціи, касающіяся обезпеченія гражданской и политической свободы, организаціи властей и ихъ взаимоотношенія[2]).

Послѣ заявленія графа д'Артуа не могло быть болѣе сомнѣнія въ томъ, что Людовикъ XVIII вернется во Францію конституціоннымъ королемъ.

Вопросъ заключался лишь въ томъ, въ какой формѣ состоится провозглашеніе имъ конституціоннаго порядка: приметъ ли онъ цѣликомъ выработанную Сенатомъ конституцію или внесетъ въ нее болѣе или менѣе существенныя поправки.

По словамъ Витроля, Людовикъ XVIII, извѣщенный объ обстоятельствахъ, при которыхъ была издана конституція Сената, былъ склоненъ принять ее безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, и его приближеннымъ стоило много труда уговорить его пока повременить рѣшеніемъ, которое, съ точки зрѣнія роялистовъ, могло имѣть такія роковыя для Франціи и для его династіи послѣдствія[3]). Его настроеніе однако значительно измѣнилось, когда онъ прибылъ во Францію и узналъ о томъ неблагопріятномъ впечатлѣніи, которое

---

[1]) Moniteur, отъ 15 апрѣля 1814 г. стран. 413.

[2]) Мы приводимъ ниже эту часть заявленія графа д'Артуа, сопоставляя ее со второй частью сентъ-уанской декларации короля отъ 3-го мая, которая почти буквально воспроизводитъ рѣчь графа д'Артуа.

[3]) Près de toucher au terme de ses vœux il ne prenait pas garde aux dangers du chemin, qui lui était ouvert. Aussi était-il prêt à reconnaitre et à signer la constitution du Sénat. Le comte de Bruges avait eu beaucoup de peine à lui faire comprendre que cet acte n'avait plus de valeur... Il ne s'expliquait pas qu'il en fut ainsi, et revenait toujours à l'obligation qui lui était imposée de signer et de prêter serment. Vitrolles, Mémoires, т. II, p. 106.

произвела сенатская конституція въ широкихъ кругахъ французскаго общества. Пріемъ, который онъ встрѣтилъ во Франціи, съ своей стороны подогрѣлъ въ немъ вѣру въ его высокое призваніе и въ живучесть тѣхъ принциповъ и чувствъ, въ которыхъ онъ видѣлъ источникъ своего авторитета и основаніе своихъ правъ.

Только что онъ успѣлъ вступить на территорію Франціи, какъ со всѣхъ сторонъ стали къ нему стекаться сановники и царедворцы всѣхъ категорій и наименованій, соперничая другъ съ другомъ въ дѣлѣ выраженія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и своей готовности служить «законному монарху», внуку Генриха IV, Людовику «Желанному», какъ его уже успѣли прозвать. Глава Бурбонскаго дома, который еще мѣсяцъ тому назадъ жилъ въ Гартвелѣ всѣми забытымъ изгнанникомъ, окруженнымъ лишь небольшой горстью приближенныхъ, сразу почувствовалъ себя королемъ, передъ которымъ почтительно склонялось все, что было вліятельнаго въ офиціальной Франціи тѣхъ дней.

Среди депутацій, явившихся къ королю въ Компіенъ, была и депутація отъ законодательнаго корпуса, который, памятуя ту приниженную роль, которая была указана ему Сенатомъ, отстранившимъ его фактически отъ разработки конституціоннаго акта 6-го апрѣля, поспѣшилъ его опередить и первымъ явился къ королю съ поклономъ.

Этотъ шагъ, сдѣланный законодательнымъ корпусомъ, оказалъ большое вліяніе на настроеніе императора Александра; онъ долженъ былъ показать ему, что его намѣреніе во что бы то ни стало побудить Людовика XVIII принять конституцію 6-го апрѣля потеряло подъ собою почву. Александръ, если вѣрить Лафайету, въ слѣдующихъ выраженіяхъ отозвался о поведеніи законодательнаго корпуса: «Я хотѣлъ, чтобы конституція не была дарована Бурбонами народу, а хотѣлъ, чтобы Бурбоны получили ее изъ рукъ народа. Съ этой цѣлью я отправился въ Компіенъ въ надеждѣ побудить короля отказаться отъ своего «девятнадцатилѣтняго» царствованія и отъ другихъ притязаній подобнаго рода; но меня опередила депутація законодательнаго корпуса: она признала Людовика XVIII королемъ безъ всякихъ оговорокъ, и этотъ союзъ короля съ законодательнымъ корпусомъ окончательно обезоружилъ меня»[1]).

---

[1]) «Ce n'est pas ma faute; on m'en a fait arriver de tous les côtés; je voulais du moins les arrêter pour que la nation eût le temps de leur imposer une constitution, ils ont gagné sur moi comme une inondation, Vous m'avez vu aller à Compiègne au-devant du roi; je voulais le faire renoncer à ses dix-neuf années de règne et autres prétentions de ce genre. La députation du corps législatif y était aussitôt que moi pour le reconnaitre de tous temps, sans conditions. Que pouvais-je dire quand les députés et le roi étaient d'accord? C'est

Въ Сентъ-Уанѣ 2-го марта предстала передъ Людовикомъ XVIII среди цѣлаго ряда другихъ депутацій и делегація отъ Сената и устами Таллейрана привѣтствовала короля рѣчью [1]), показавшей, что и Сенатъ отказался отъ своихъ исключительныхъ притязаній, не находившихъ поддержки въ обществѣ.

Если Людовику XVIII стало теперь ясно, что принятіе сенатской конституціи безъ оговорокъ при данномъ общественномъ настроеніи и при данныхъ обстоятельствахъ не являлось болѣе для него необходимостью, то получаемыя имъ изъ Парижа донесенія, съ другой стороны, показывали, что отъ него ждутъ декларацiи, которая опредѣлила бы, наконецъ, его отношеніе къ переживаемому Франціей политическому кризису и успокоила бы общество относительно его конституціонныхъ намѣреній.

Въ одной изъ записокъ, представленныхъ въ это время Людовику XVIII и рисующихъ общественное настроеніе страны, мы читаемъ: «Достовѣрно, что Сенатъ утратилъ всякое уваженіе... но вмѣстѣ съ тѣмъ столь же достовѣрно, что онъ сразу выросъ бы въ глазахъ общества, если бы мы упразднили его, не замѣнивъ его другой гарантіей, ибо несомнѣнно, что нація одинаково отрицательно относится какъ къ неограниченной монархіи, такъ и къ монархической демократіи (democratie royale). Необходимо, такимъ образомъ, издать актъ, который, съ одной стороны, объявилъ бы Сенатъ некомпетентнымъ въ дѣлѣ установленія конституціи, съ другой созывалъ бы (не позднѣе какъ къ 1-му іюня) законодательное собраніе и при этомъ объявилъ бы, что король займется при участіи Сената и народныхъ представителей выработкой хартіи, которая обезпечитъ на незыблемыхъ началахъ свободу и благосостояніе всѣхъ» [2]).

---

une affaire manquée, je pars bien affligé». (Lafayette, Mémoires, т. V, 1838, p. 311).

[1]) «Конституціонная хартія, говорилось въ этой знаменательной рѣчи, объединитъ интересы всѣхъ съ интересами престола и укрѣпитъ первичную волю (Volonté première) совмѣстнымъ участіемъ всѣхъ воль. Вы, Ваше Величество, лучше насъ знаете, что такія учрежденія, съ такимъ успѣхомъ испытанныя у сосѣдняго народа, даютъ опору, а не ставятъ преграды монархамъ, друзьямъ законовъ и отцамъ народовъ. Да, Ваше Величество, нація и Сенатъ, полные довѣрія къ Вашей мудрости и къ Вашимъ великодушнымъ намѣреніямъ, вмѣстѣ съ Вами желаютъ, чтобы Франція была свободна, чтобы король сталъ могущественнымъ». Mémoires de Talleyrand, т. II, стран. 170—172.

[2]) Il est constant que le Sénat ne jouit d'aucune estime, surtout depuis qu'il s'est démasqué lui-même, et cependant on lui rendrait un crédit dangereux, si on voulait le détruire sans offrir une autre garantie, car il est certain que la nation ne veut pas plus d'une monarchie illimitée que d'une democratie royale. Il est donc nécessaire que le même acte qui déclarera l'incompétence du Sénat pour voter une constitution, convoque à une époque prochaine et déterminée (au plus tard le 1-er juin) le corps législatif, ajoutant que le roi s'occupera alors, conjointement avec le Sénat et les représentants de la charte

Министръ полиціи Англезъ (Angles) въ одномъ изъ своихъ донесеній[1]) въ слѣдующихъ выраженіяхъ подводитъ итогъ своимъ наблюденіямъ тому, что говорилось и писалось въ эти дни «всеобщаго ожиданія и напряженія» въ различныхъ политическихъ кругахъ Парижа: «Люди,— говорится въ этомъ донесеніи,— которые опасаются новыхъ волненій, желаютъ конституціи, какъ единственнаго средства объединить различныя партіи, примирить самолюбія, обезпечить пріобрѣтенное; они считаютъ тѣмъ болѣе необходимымъ итти по тому конституціонному пути, который предначерталъ графъ д'Артуа въ произнесенной имъ (при пріемѣ Сената) рѣчи, что духъ арміи все еще внушаетъ опасеніе и далеко не тотъ, который можно было бы желать. Это неудовольствіе можетъ быть потушено только соглашеніемъ между народомъ и правительствомъ, обезпечивающимъ ему спокойствіе и ту мудрую свободу которой онъ былъ такъ долго лишенъ».

И вотъ Людовикъ XVIII наканунѣ своего въѣзда въ Парижъ издаетъ знаменитую Сентъ-Уанскую декларацію, въ которой онъ, представитель старой династіи, провозглашаетъ начала новаго государственнаго порядка и рѣшительно вступаетъ на путь конституціоннаго монарха, идущаго навстрѣчу общественнымъ требованіямъ.

«Призванные на престолъ нашихъ предковъ любовью народа,— говорится въ этой декларації,—наученные испытаніями, пережитыми народомъ, которымъ мы предназначены править, нашей первой мыслью было воззвать къ тому взаимному довѣрію, которое столь необходимо и для нашего покоя и для его счастія. Прочтя со вниманіемъ конституцію, предложенную Сенатомъ на засѣданіи 6-го апрѣля, мы нашли, что основы ея хороши, но что въ виду того, что на многихъ статьяхъ лежитъ печать той поспѣшности, съ которой она была составлена, она въ своей настоящей редакціи не можетъ стать основными законами государства. Рѣшивъ принять (d'adopter) либеральную конституцію, мы хотимъ, чтобы она была мудро составлена (sagement combinée) и, не имѣя возможности принять конституцію, которая нуждается въ исправленіи, мы созываемъ на 10-е іюня текущаго года Сенатъ и законодательный корпусъ, обязуясь предложить на ихъ разсмотрѣніе результаты нашихъ работъ, которыя мы предпримемъ при содѣйствіи комиссіи, избранной изъ среды этихъ двухъ учрежденій, и положить въ основа-

constitutionnelle qui assurera sur des bases immuables la liberté et la prospérité de tout le monde. Le Moniteur Universel, Samedi le 15 Avril 1815, № 105, p. 429, col. 1.

[1]) Arch. des Affaires étrangères. France, 336. Bulletin de police du 23 Avril 1814, p. 9 bis. Цитировано у Simon, стран. 54, примѣч. 5.

ніе этой конституціи слѣдующія начала». Затѣмъ перечисляются эти начала, которыя были установлены сенатской конституціей и затѣмъ провозглашены графомъ д'Артуа въ рѣчи, произнесенной имъ на пріемѣ Сената[1]).

Въ виду того важнаго значенія, которое имѣла Сентъ-Уанская декларація въ томъ конституціонномъ кризисѣ, который пережила Франція въ 1814 г., небезынтересно познакомиться съ порядкомъ ея составленія[2]). Намъ объ немъ разсказываетъ Витроль, и мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ достовѣрности его разсказа. «2-го мая поздно вечеромъ, — читаемъ мы въ его мемуарахъ, — когда король, утомленный пріемомъ, длившимся цѣлый день, удалился въ свою опочивальню, Блака пригласилъ меня въ свой кабинетъ, куда черезъ нѣсколько времени пришелъ и маркизъ Ламэзонфоръ. Этотъ послѣдній предложилъ на разсмотрѣніе совѣщанія извлеченіе изъ цѣлаго ряда проектовъ декларації, въ свое время предста-

---

[1]) Помѣщаемъ здѣсь эти начала, при чемъ въ скобкахъ воспроизводимъ ихъ въ той редакціи, въ которой они были формулированы графомъ д'Артуа: 1) Le gouvernement représentatif sera maintenu tel qu'il existe aujourd'hui, divisé en deux corps, savoir — la Sénat et la Chambre composée des députés des départements (le roi en déclarant qu'il maintiendrait la forme actuelle du gouvernement, a reconnu que la monarchie devait être pondérée par un gouvernement représentatif divisé en deux Chambres: le Sénat et la Chambre des députés, des départements. 2) L'impôt sera librement consenti (que l'impôt sera librement consenti par les représentants de la nation). 3) La liberté publique et individuelle assurée (la liberté publique et individuelle assurée). 4) La liberté de la presse respectée sauf les précautions nécessaires à la tranquilité publique (la liberté de la presse respectée sauf les restrictions nécessaires à l'ordre et la tranquilité publique). 5) La liberté des cultes garantie (la liberté des cultes garantie). 6) Les propriétés seront inviolables et sacrées; la vente des biens nationaux restera irrévocable (que les propriétés seront inviolables et sacrées). 7) Les ministres responsables pourront être poursuivis par une des Chambres législatives et jugés par l'autre (les ministres responsables, pouvant être accusés et poursuivis par les représentants de la nation). 8) Les juges seront inamoviables et le pouvoir judiciaire indépendant (que les juges seront inamoviables et le pouvoir judiciaire indépendant, nul ne pouvant être distrait de ses juges naturels). 9) La dette publique sera garantie; les pensions, grades, honneurs militaires seront conservés, ainsi que l'ancienne et la nouvelle noblesse (que la dette publique sera garantie, que les pensions, grades, honneurs militaires seront conservés, ainsi que l'ancienne et nouvelle noblesse). 10) La légion d'honneur dont nous déterminerons la décoration, sera maintenue (la légion d'honneur maintenue [le roi en déterminera la décoration]). 11) Tout Français sera admissible aux emplois civiles et militaires (que tout Français serait admissible aux emplois civiles et militaires). 12) Enfin, nul individu pourra être inquiété pour ses opinions et ses votes (qu'aucun individu ne pourra être inquiété pour ses opinions et ses votes et que la vente des biens nationaux sera inviolable).

[2]) Бутенко находитъ, что мы очень мало знаемъ о томъ, какъ сложился текстъ этой декларації (стран. 116), и въ примѣчаніи добавляетъ, что чрезвычайно важныя для рѣшенія этого вопроса бумаги одного изъ участниковъ этого совѣщанія, вырабатывавшаго текстъ декларації, маркиза Ламэзонфора, которыя въ свое время были извѣстны Дювержье де-Горану, исчезли безслѣдно. Но Бутенко не упоминаетъ о томъ, что сохранился разсказъ другого участника совѣщанія, Витроля, и что этотъ разсказъ, по свидѣтельству Дювержье де-Горана, во всѣхъ существенныхъ своихъ частяхъ совпадаетъ съ разсказомъ Ламэзонфора. (Duvergier de Hauranne, т. II стран. 133.)

вленныхъ королю[1]). Между ними были проекты, исходившіе изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ: съ одной стороны, отъ императора Александра, отъ иностранныхъ дипломатовъ и отъ Сената, а съ другой — отъ ближайшихъ совѣтниковъ короля, отъ Де-Брюга, отъ Ламэзонфора и отъ другихъ»[2]). «Всѣ эти проекты, — продолжаетъ свой разсказъ Витроль, — походили другъ на друга, и то, что между ними было общаго, было принято безъ дальнѣйшихъ разсужденій и, между прочимъ, и тѣ обязательства, которыя взялъ на себя графъ д'Артуа въ своей отвѣтной рѣчи Сенату. Въ извѣстные историческіе моменты, когда оживляется и волнуется общественная мысль, однѣ и тѣ же идеи овладѣваютъ умами и становятся какъ бы эпидемическими. На нашемъ совѣщаніи шла рѣчь поэтому только о редакціи декларації... Въ 2 часа ночи наша работа была окончена. Она была озаглавлена «Декларація Сентъ-Уана». Я бы отнесся къ ней съ гораздо большимъ вниманіемъ, если бы не былъ увѣренъ, что мы были заняты лишь подготовительной работой, которая сдѣлается предметомъ еще другихъ обсужденій и которая подлежитъ санкціи короля. Каково же было мое удивленіе, когда Блака передалъ мнѣ это первое торжественное слово короля и при этомъ сказалъ, что его нужно немедленно же напечатать и предать самой широкой гласности... Въ 2 часа утра я покинулъ Сентъ-Уанъ; въ 7 часовъ декларація была напечатана въ Moniteur'ѣ, а затѣмъ и расклеена по всѣмъ стѣнамъ Парижа»[3]).

Участіе короля въ составленіи этого акта, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, было весьма скромное, и Дювержье де Горанъ правъ, говоря, что двадцать лицъ, начиная съ императора Александра и Таллейрана и кончая Блака, Витролемъ и маркизомъ Ламэзонфоромъ, имѣли большее право приписывать себѣ честь ея составленія, чѣмъ Людовикъ XVIII.

Декларація, которая была выработана при содѣйствіи различныхъ элементовъ и составлена подъ вліяніемъ различныхъ политическихъ теченій, имѣла своимъ главнымъ назначеніемъ успокоить общественное мнѣніе и примирить разнородныя требованія: она избѣгаетъ принципіальныхъ разнорѣчій и формулируетъ лишь тѣ положенія, относительно которыхъ сходилось большинство французскаго общества; она обходитъ молчаніемъ тѣ постановленія сенатской конституціи (§ 6), которыя вызвали общественное неудовольствіе, въ ней не формулируются политическіе принципы, которые давали

---

[1]) Vitrolles, т. II, стран. 170, 171.
[2]) Duvergier du Haurannes, стран. t. II p. 134.
[3]) Vitrolles, т. II, стран. 171, 172.

поводъ къ спорамъ и пререканіямъ, она не утверждаетъ и не отвергаетъ ни начала народнаго суверенитета, ни монархическаго принципа. Попытка роялистовъ внести въ нее легитимистическіе начала не имѣла успѣха. И Ферранъ по этому поводу передаетъ намъ любопытный разсказъ. На своемъ свиданіи съ Людовикомъ XVIII въ Компіенѣ (30-го апрѣля) онъ интересовался узнать какими числами предполагаетъ король помѣтить проектированную имъ декларацію. По его словамъ онъ придавалъ большое значеніе тому, чтобы Людовикъ XVIII датировалъ ее не только 1814 годомъ, но и 19 годомъ своего царствованія, «это двойное число», объясняетъ Ферранъ, «имѣло первостепенное значеніе, ибо оно относило восшествіе на престолъ Людовика XVIII къ 1795 году и этимъ показывало, что король вступилъ на престолъ въ силу своего права наслѣдованія, а не по призванію Сената. Король успокоилъ Феррана и, предъявляя ему текстъ прокламаціи, указалъ на послѣднюю строку, которая кончалась словами... «и нашего царствованія въ годъ 19»[1]). Редакторы окончательнаго текста декларації вычеркнули однако эту знаменательную дату и помѣтили Сентъ-Уанскій манифестъ однимъ только числомъ, а именно: 2 мая 1814 г.[2]). Очевидно, что совѣтники короля въ актѣ, который долженъ былъ расположить населеніе въ пользу возвращенныхъ Бурбоновъ, сочли болѣе благоразумнымъ пока не выступать со своими легитимистическими тенденціями и воздержаться отъ всякихъ заявленій, могущихъ вызвать общественное неудовольствіе.

Сентъ-Уанская декларація произвела на населеніе Парижа самое благопріятное впечатлѣніе. Объ этомъ впечатлѣніи свидѣтельствуетъ донесеніе префекта полиціи Паскье отъ 4 мая, въ которомъ мы между прочимъ читаемъ: «Декларація Его Величества удовлетворила всѣ умы за исключеніемъ немногихъ упрямыхъ головъ, которыя именуютъ себя чистыми роялистами и которыя также плохо понимаютъ интересы суверена, какъ и свои собственные [3]). Впечатлѣніе, произведенное Сентъ-Уанской декларацією, уготовило Людовику XVIII и радушный пріемъ въ Парижѣ[4]). Онъ былъ однако нѣсколько омраченъ тѣмъ парадомъ войскъ, который союзники устроили въ честь въѣзда Людовика XVIII въ Парижъ. Иностранныя войска, продефилировавшія передъ королемъ съ лавровыми вѣтками—знаками ихъ недавнихъ

---

[1]) Mémoires de Ferrand, 65.
[2]) Collection complète des Lois, Decrets etc., т. XIX, p. 27.
[3]) Arch. des Affaires étrangères. France, 336, p. 37. Цитировано у Simon, p. 68. Ср. также Pasquier, Mémoires, т. II, p. 409.
[4]) Тамъ же стран. 411.

побѣдъ,— напомнили населенію о понесенныхъ пораженіяхъ и не могли своимъ вызывающимъ видомъ непроизвести на него тяжелаго впечатлѣнія[1]).

И когда въ свое время роялисты будутъ говорить о священныхъ правахъ Бурбоновъ, любовью народа возвращенныхъ во Францію и добровольно даровавшихъ своимъ подданнымъ права и вольности, то имъ напомнятъ о тѣхъ иноземныхъ силахъ, которыя расчистили Людовику XVIII путь къ власти и которыя бряцаніемъ своего оружія привѣтствовали его вступленіе на престолъ[2]).

Людовикъ XVIII предсталъ, такимъ образомъ, передъ населеніемъ Парижа не самодержавнымъ монархомъ, свободнымъ въ своихъ рѣшеніяхъ, а ограниченнымъ королемъ, связаннымъ цѣлымъ рядомъ обязательствъ, принятыхъ на себя по отношенію къ тѣмъ, которые вернули ему престолъ. Его взяли подъ свое покровительство союзники и его привѣтствовало населеніе не какъ суверена стараго режима, вооруженнаго всей полнотой власти, а какъ конституціоннаго короля, принявшаго основы сенатской конституціи и обязавшагося передъ народомъ и союзными державами издать либеральную конституцію, признающую главныя пріобрѣтенія революціи и устанавливающую прямо и безъ оговорокъ политическіе принципы обновленной Франціи.

---

[1]) Mémoires de Pasquier, т. II, p. 411.

[2]) Въ своей рѣчи отъ 27 мая 1820 года Лафайетъ, объяснивъ, что хартія не могла сдѣлаться національнымъ достояніемъ ни божественнымъ соизволеніемъ, ни волею короля, продолжалъ: «Serait-ce parce que cette Charte est, arrivée à la suite des armées étrangères et a été depuis ramenée par elles? Mais il n'y a là au contraire que du désavantage (Archives parlamentaires, seconde série, Tome XXVIII). — «Qui m'empêchera, — восклицаетъ Мануэль на засѣданіи 30 января 1892 года,— de citer des faits qu'au moment où elle (Déclaration de St.-Ouan) fut signée, il y avait 200.000 étrangers en France et que la France n'était pas accoutumée à cette humiliation?» Тамъ же, томъ XXXIV.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

ИСТОРІЯ РАЗРАБОТКИ

ФРАНЦУЗСКОЙ КОНСТИТУЦІОННОЙ ХАРТІИ 4 ІЮНЯ 1814 Г.

I.

Политическія идеи, опредѣлявшія настроеніе французскаго общества наканунѣ изданія хартіи, и роль Людовика XVIII въ государственной реформѣ 1814 г.

Конституціонная хартія 1814 г. не есть личный творческій актъ короля-законодателя, а представляетъ собою плодъ совмѣстной дѣятельности нѣсколькихъ политическихъ факторовъ, разнородныхъ по своимъ стремленіямъ и различныхъ по своимъ тенденціямъ.

Являясь переработкой сенатской конституціи 6-го апрѣля, хартія пережила въ этой своей переработкѣ нѣсколько фазисовъ.

Первый изъ нихъ отмѣченъ составленіемъ конституціоннаго проекта, который извѣстенъ подъ названіемъ проекта Монтескіу. Въ его разработкѣ принимали участіе ближайшіе сотрудники Людовика XVIII — канцлеръ Дамбре, аббатъ Монтескіу и графъ Ферранъ. Они внесли въ сенатскую конституцію поправки, которыя были проникнуты явнымъ стремленіемъ — усилить власть короля въ ущербъ авторитету парламента.

Второй періодъ характеризуется дѣятельностью парламентской комиссіи, образованной изъ членовъ палатъ. Эта комиссія въ своемъ большинствѣ состояла изъ умѣренныхъ либераловъ и въ значительной степени смягчила монархическія тенденціи поправокъ, внесенныхъ въ сенатскую конституцію редакторами первоначальнаго проекта. Парламентская комиссія выработала окончательный текстъ хартіи, который затѣмъ на торжественномъ засѣданіи 4-го іюня былъ одобренъ обѣими палатами, выразившими это свое одобреніе въ благодарственныхъ адресахъ на имя короля.

Хартія 4-го іюня[1]) является, такимъ образомъ, результатомъ факторовъ, изъ которыхъ каждый былъ воодушевленъ своими

---

[1]) Эту хартію нужно умѣть отличать отъ сопровождавшаго ее манифеста (знаменитаго введенія къ ней — Préambule), который имѣетъ свою исторію и испыталъ и свою судьбу, весьма не похожую на судьбу хартіи.

воззрѣніями и преслѣдовалъ свои цѣли. Если, тѣмъ не менѣе, въ итогѣ получился государственный актъ, который ни съ чьей стороны не встрѣтилъ серьезной оппозиціи и въ общемъ былъ принятъ сочувственно, то объясняется это прежде всего тѣмъ, что эти разнородные факторы сходились на общей почвѣ обновленной революціею Франціи и исповѣдывали общія политическія идеи.

Дѣло въ томъ, что во Франціи, въ изучаемую нами эпоху, несмотря на существованіе въ ней различныхъ политическихъ теченій и не взирая на противоположность боровшихся между собой соціальныхъ и государственно-правовыхъ притязаній, сложился опредѣленный фондъ общепризнанныхъ политическихъ идей: равенство всѣхъ передъ закономъ, неприкосновенность личности, свобода печати, свобода вѣроисповѣданія, участіе народа въ законодательствѣ, система двухъ палатъ, отвѣтственность министровъ, независимость суда. Всѣ эти начала въ принципѣ никѣмъ не оспаривались и должны были лечь въ основаніе всякой конституціи, отъ кого бы она ни исходила и какимъ бы порядкомъ она ни была издана. Эти требованія внушались не только пережитымъ политическимъ опытомъ и началами, вошедшими въ правовое сознаніе общества въ эпоху революціи, но и питались тѣми симпатіями, которыми во Франціи въ то время пользовался англійскій политическій строй. Съ 1789 г., говоритъ Беньо, начала учредительнаго собранія были въ умахъ всѣхъ и служили основой всѣмъ нашимъ учрежденіямъ. Наполеонъ временно усыпилъ эти идеи блескомъ своего царствованія. Послѣ же его паденія и въ связи съ принципами, заимствованными изъ англійской конституціи, образовались тѣ государственно-правовые догматы, изъ которыхъ сложилось политическое міросозерцаніе французскаго общества наканунѣ реставраціи. Редакторамъ государственно-правовыхъ актовъ этой эпохи не приходилось измышлять новыхъ политическихъ проектовъ, а лишь точнѣе формулировать и закрѣплять на бумагѣ то, что сложилось въ общественномъ сознаніи. «Конституція сената, Сентъ-Уанская декларація, хартія», по словамъ Беньо, «это дѣти одной и той же семьи, ибо онѣ воспроизводятъ лишь принципы, относительно которыхъ сходились всѣ»[1]).

---

[1]) Beugnot, Mémoires, 3-ème édition, 1885, p. p. 485—486.
Что во Франціи въ эпоху составленія хартіи существовали политическія идеи, относительно которыхъ сходилось громадное большинство мыслящаго французскаго общества, несмотря на разнородность политическихъ интересовъ и притязаній, и что эти идеи внушались, между прочимъ, уваженіемъ къ англійскому государственному строю, объ этомъ очень опредѣленно свидѣтельствуетъ и Витроль. «Тѣ, говоритъ онъ, которые были проникнуты ненавистью къ наполеоновскому гнету и хотѣли конституціи... имѣли передъ глазами готовый образецъ въ государственномъ строѣ Ан-

Если факторы, участвовавшіе въ разработкѣ хартіи, несмотря на свою разнородность, пришли, тѣмъ не менѣе, къ общему итогу, то обусловливается это не только тѣми политическими идеями, которыя ихъ объединяли, но и общими цѣлями той государственной реформы, которая повелительно была предписана дѣятелямъ этой реформы неотразимыми условіями политической жизни Франціи того времени.

Съ главными двигателями этого преобразованія мы и должны теперь познакомиться. Первое мѣсто между ними принадлежитъ, несомнѣнно, Людовику XVIII.

И нашей ближайшей задачей будетъ объясненіе той роли, которая выпала на долю короля въ конституціонномъ кризисѣ, пережитомъ Франціей въ 1814 г. Характеризуя Людовика XVIII, мы обратимъ особенное вниманіе на тѣ стороны его личности, которыя объяснятъ намъ степень и характеръ его участія въ интересующей насъ государственной реформѣ.

Людовикъ XVIII ни по своему темпераменту, ни по своему характеру, ни по склонностямъ своего ума, не былъ призванъ къ роли вліятельнаго и энергичнаго государственнаго дѣятеля. Это была пассивная натура, которая сторонилась живой дѣятельности среди людей и прежде всего дорожила душевнымъ миромъ и физическимъ покоемъ. Одаренный недюжинными способностями, онъ охотно отдавался лишь тѣмъ умственнымъ упражненіямъ, которыя не затрагивали его личныхъ чувствъ и не грозили ему душевными волненіями. Онъ былъ болѣе склоненъ къ занятіямъ философіей и литературой, которымъ отдавался не безъ успѣха, чѣмъ къ участію въ политической жизни. Онъ очень цѣнилъ внѣшніе аттрибуты королевской власти, но тяготился тѣми обязанностями, которыя она на него возлагала.

Лишенный способности и наклонности активно воздѣйствовать на ходъ политической жизни, относясь къ ней съ спокойнымъ равнодушіемъ, Людовикъ XVIII не имѣлъ своихъ, жизнью провѣренныхъ и опытомъ закаленныхъ, политическихъ убѣжденій и не обладалъ «своей волей» въ вопросахъ государственной политики.

гліи, той единственной конституціи, которая противостояла разрушительному дѣйствію времени и испытаніямъ послѣднихъ эпохъ и которой приписывали процвѣтаніе Англіи. Она всѣми признавалась наилучшей и при томъ настолько единодушно, что никто не хотѣлъ слышать о другой, начиная съ русскаго Императора и кончая послѣднимъ служащимъ въ моемъ вѣдомствѣ... Есть, повидимому, моменты въ исторіи, когда извѣстныя идеи распространяются съ неотразимой силой эпидеміи. Это — своего рода лихорадка, которая овладѣваетъ умами и отъ которой никто не гарантированъ: она носится, такъ сказать, въ томъ воздухѣ, которымъ мы дышимъ». Vitrolles, Mémoires, Edition 1884, p. 238.

Въ 1788 г. Людовикъ XVIII обнаруживаетъ либеральное настроеніе и на собраніи нотаблей голосуетъ вмѣстѣ съ народной партіей[1]). Когда же революція получаетъ роковой для Бурбоновъ оборотъ, его политическіе взгляды входятъ въ другое русло и онъ въ 1795 г. въ декларацiи, въ которой извѣщаетъ о своемъ вступленіи на престолъ, заявляетъ о своемъ твердомъ намѣреніи возстановить старую французскую монархію во всей ея чистотѣ, временемъ искаженную, и во всей ея силѣ, временемъ не ослабленную[2]). Наконецъ, въ 1799 г. онъ, отвѣчая на письма графа С.-При, выразившаго сомнѣніе въ возможности возстановленія стараго порядка, заявляетъ, что для него этотъ порядокъ — святыня, ковчегъ завѣта (l'arche sainte), которой онъ твердо рѣшился никогда не измѣнять, что уклониться отъ нея значитъ для него отказаться отъ унаслѣдованной имъ отъ предковъ полноты власти и удовольствоваться той долей этой власти, которую благоугодно будетъ народу ему предоставить. Измѣнившіяся обстоятельства отклоняютъ его однако отъ этого въ столь опредѣленныхъ выраженіяхъ намѣченнаго пути. Когда соціальный и политическій переворотъ, вызванный французской революціей, былъ окончательно закрѣпленъ цѣлымъ рядомъ законовъ и учрежденій, смывшихъ съ лица земли остатки стараго режима, и стало яснымъ, что онъ безповоротно отошелъ въ прошлое, когда, съ другой стороны, былъ возстановленъ престолъ, который въ теченіе вѣковъ занимали его предки, когда, другими словами, съ одной стороны была утрачена надежда на возстановленіе прежняго строя, но съ другой открылась возможность вернуть себѣ корону, тогда Людовикъ XVIII выражаетъ готовность, въ случаѣ возвращенія его на прародительскій престолъ, признать результаты пережитаго Франціей переворота и взять подъ свою защиту всѣ благопріобрѣтенные права и интересы, сложившіеся при новомъ режимѣ и узаконенные властью, вышедшей изъ революціи. Эту готовность онъ выражаетъ въ декларацiи, опубликованной въ Митавѣ 4 декабря 1804 г. и еще рѣшительнѣе высказываетъ въ манифестѣ, подписанномъ въ Гартвеллѣ 1 января 1814 г. Наконецъ, когда союзныя державы высказались за возвращеніе Бурбоновъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ признанія Людовикомъ XVIII конституціоннаго режима, недавній защитникъ незыблемости устоевъ самодержавія и неприкосновенности началъ неограниченной монархіи изъявляетъ готовность

---

[1]) Pasquier, Mémoires. Deuxième édition, 1893, t. II, p. 318, гдѣ приводятся отзывы Таллейрана о Людовикѣ XVIII.

[2]) Duvergier de Hauranne, Histoire du Gouvernement parlementaire en France. Deuxième édition, 1870, t. II, p. 124.

даровать Франціи конституціонный порядокъ и въ Сентъ-Уанской декларації возвѣщаетъ его главныя основы.

И въ этотъ критическій моментъ своей политической карьеры, отъ котораго зависѣло такъ много, Людовикъ XVIII болѣе чѣмъ когда-либо не имѣлъ никакой опредѣленной политической программы и находился въ полной зависимости отъ людей и обстоятельствъ, которые его окружали.

Шаткость и неясность его политической точки зрѣнія подчеркиваютъ всѣ, кто въ эту эпоху его жизни имѣли случай бесѣдовать съ нимъ. «Я думалъ», говоритъ Витроль, «что король проявитъ свою иниціативу, когда очередь дойдетъ до установленія законовъ политическихъ или конституціонныхъ. Я ждалъ отъ него, какъ и всѣ, плодовъ его размышленій въ изгнаніи, но, къ великому моему удивленію, я не могъ найти и слѣдовъ такихъ размышленій[1]). Я жалѣлъ, что король не проявлялъ въ этой области ни своего ума ни своей воли»[2]). Говоря о тѣхъ различныхъ политическихъ проектахъ, которые въ то время обсуждались въ обществѣ, Витроль замѣчаетъ, что у Людовика XVIII на этотъ счетъ не было никакихъ сложившихся воззрѣній. «Было ясно», замѣчаетъ Витроль, «что если король въ прежнее время и имѣлъ болѣе или менѣе опредѣленныя воззрѣнія на желательный для Франціи образъ правленія, то онъ въ данную минуту отказался отъ нихъ, чтобы подчиниться господствовавшему въ обществѣ мнѣнію». «Въ то время, о которомъ я говорю», продолжаетъ Витроль, «нельзя было раскрыть въ мысляхъ короля ни малѣйшей попытки возродить ихъ, ни даже видимости сожалѣнія о нихъ... Пребываніе въ Англіи въ значительной мѣрѣ пріучило его къ тому, чтобы приноровиться къ конституціонной монархіи и онъ такъ свыкся съ этой идеей, что находилъ, что можно прекрасно править, подчиняясь условіямъ, которыя поставлены англійскимъ монархамъ»[3]).

Людовикъ XVIII наканунѣ изданія хартіи не имѣлъ, такимъ образомъ, своихъ политическихъ убѣжденій и своихъ воззрѣній на желательный для Франціи государственный строй: онъ примкнулъ къ господствовавшему въ странѣ настроенію и къ той политической программѣ, которую поддерживали союзныя державы и которую раздѣляло большинство французскаго общества. И онъ, очевидно, не кривилъ душой, издавая Сентъ-Уанскую декларацію, въ которой призналъ «хорошими» основы сенатской

---

[1]) Vitrolles, Mémoires, t. II, p. 227.
[2]) Vitrolles, t. II, 228.
[3]) Vitrolles, t. II, p. 239.

конституціи, и въ которой обѣщалъ дать Франціи либеральную хартію.

Но конституціонный образъ мыслей Людовика XVIII, усвоенный имъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ вступилъ на престолъ, имѣлъ свои особенности, которыя мы должны здѣсь подчеркнуть.

Людовикъ XVIII думалъ, что дарованіе странѣ конституціи вовсе не означаетъ отказа съ его стороны отъ догмата самородности королевской власти и что онъ, принимая тѣ ограниченія, которыя на него налагаетъ конституція, отнюдь не перестаетъ быть монархомъ Божіей милостью.

Начало народнаго суверенитета онъ отвергалъ безусловно. И если у него не было, какъ мы видѣли, ясныхъ и устойчивыхъ убѣжденій, то онъ былъ проникнутъ очень опредѣленными политическими чувствами и вѣрованіями[1]). Къ нимъ принадлежала прежде всего его вѣра въ божественное происхожденіе королевской власти и ея независимость отъ народной воли. Но это вѣрованіе не мѣшало ему признавать необходимость подчиняться требованіямъ «конституціоннаго порядка». «Если», говоритъ Барантъ, «Людовикъ XVIII не хотѣлъ принять конституціи, предложенной ему Сенатомъ, если онъ желалъ править согласно незыблемому правилу легитимитета, а не въ силу договора, заключеннаго имъ съ народомъ, то онъ, тѣмъ не менѣе, считалъ необходимымъ признать новое публичное право и обезпечить его функціонированіе принятіемъ конституціонныхъ формъ правленія: и Сентъ-Уанской декларацією онъ взялъ на себя обязательство въ этомъ смыслѣ»[2]).

Людовикъ XVIII, въ отличіе отъ чистыхъ роялистовъ, не хотѣлъ возвращенія стараго порядка, онъ не хотѣлъ контръ-революціи. Онъ вѣрилъ въ возможность примирить либеральный конституціонный порядокъ съ принципомъ легитимизма и думалъ, что самодержавіе королевской власти вполнѣ вяжется съ ограниченіемъ этой власти формами и правилами представительнаго строя.

---

[1]) «Sa Majesté n'attachait pas une grande importance à la rédaction des formules constitutionnelles, à moins qu'une discussion contradictoire, rapportée par ses ministres, ne lui eût fait prendre parti: alors il s'y attachait avec acharnement comme un joueur qui veut gagner la partie. Si on arrivait à toucher les cordes délicates de son âme royale, il se relevait de toute la hauteur de sa dignité. Il ne démentait pas le sang de Louis XIV et ne séparait pas l'honneur de la France de celui de sa couronne». Barante, Souvenirs, 1893, t. II, p. 242.

[2]) «Si Louis XVIII n'avait pas voulu de la constitution présentée par le Sénat; s'il souhaitait régner selon un principe immuable de légitimité, et non pas en vertu d'un contrat passé avec la nation, il reconnaissait toutefois la nécessité d'affirmer le nouveau droit public et d'en assurer le fonctionnement par les formes constitutives de son gouvernement, la déclaration de Saint-Ouen en comportait l'engagement». Barante, Souvenirs, t. II, p. 38.

Роль монарха, правящаго въ предѣлахъ, установленныхъ либеральной конституціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняющаго всѣ внѣшніе атрибуты королевской власти стараго порядка, эта роль вполнѣ соотвѣтствовала его наклонностямъ и его характеру. И онъ охотно взялъ ее на себя. Не имѣя никакихъ данныхъ для того, чтобы по собственной иниціативѣ принимать государственныя рѣшенія, самостоятельно вникать въ политическія дѣла и властно направлять ихъ, Людовикъ XVIII и не заявлялъ на это притязаній. Онъ возлагалъ бремя государственнаго труда на своихъ сподвижниковъ и помощниковъ и предоставлялъ имъ руководительство политическими дѣлами. «Въ моихъ первыхъ сношеніяхъ съ королемъ», разсказываетъ Витроль, «я старался выяснить, какимъ путемъ проявляется его воля въ государственныхъ дѣлахъ, но мнѣ пришлось очень скоро съ удивленіемъ убѣдиться, что онъ отказывался отъ всякаго прямого на нихъ воздѣйствія. Не въ немъ видѣлъ онъ задачу короля. Онъ думалъ, что главная его задача заключается въ томъ, чтобы при разногласіяхъ произносить рѣшительное слово. Отъ него никогда не исходило никакой иниціативы, развѣ только въ тѣхъ фантазіяхъ, отъ которыхъ не свободны даже лучшіе монархи»[1]). Эти особенности въ характерѣ Людовика XVIII дали поводъ сказать, близко знавшимъ его, что онъ по самой природѣ своей былъ предназначенъ быть конституціоннымъ королемъ. «Мы должны благодарить Провидѣніе», замѣтилъ какъ-то Беньо, «что оно смѣсило нашего короля изъ тончайшей конституціонной муки (de nous avoir pétri un Roi d'une pâte composée de la plus fine fleur de la farine constitutionnelle)»[2]).

Рядъ условій содѣйствовалъ такимъ образомъ тому, чтобы питать въ Людовикѣ XVIII готовность даровать Франціи либеральную конституцію и вполнѣ искренно и безъ задней мысли проводить ее въ жизнь.

Эту конституцію требовало отъ него общественное мнѣніе, она была поставлена союзными державами необходимымъ условіемъ его возвращенія на престолъ; она же обставляла его такими условіями правительственной дѣятельности, которыя, не затрогивая, какъ ему казалось, дорогихъ ему вѣрованій и традицій, всего болѣе соотвѣтствовали его характеру и его личнымъ наклонностямъ.

О томъ, что Людовикъ XVIII, давая либеральную конституцію, дѣйствовалъ совершенно лойально и былъ воодушевленъ искрен-

---

[1]) Vitrolles, Mémoires, t. II, p. 227.

[2]) Эти слова Беньо приводитъ въ своихъ мемуарахъ Витроль, Mémoires, t. II, p. 239.

нимъ намѣреніемъ примѣнить ее къ жизни, объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и Ферранъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ желаніи преувеличивать конституціонное настроеніе короля. «Трудъ по составленію хартіи, который былъ на меня возложенъ», разсказываетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, «каждый вечеръ приводилъ меня къ королю. Я сохранилъ эту привычку, и, когда была закончена хартія, я ежедневно встрѣчался у короля съ канцлеромъ Дамбре и аббатомъ Монтескіу. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ король сказалъ намъ, чтобы мы никогда не предлагали ему ничего, что могло бы противорѣчить хартіи; онъ показалъ намъ, что онъ всегда имѣлъ конституціонную хартію на своемъ столѣ и совѣтовалъ и намъ постоянно носить съ собою экземпляръ хартіи въ карманѣ... Онъ настаивалъ на томъ, чтобы мы никогда отъ нея не уклонялись и чтобы строго исполняли ее каждый въ своемъ вѣдомствѣ»[1]).

II.

Первоначальный проектъ Монтескіу и ближайшіе сотрудники Людовика XVIII.

Людовикъ XVIII, по прибытіи своемъ 3 мая 1814 г. въ Парижъ, не имѣлъ основанія медлить разработкой обѣщанной имъ конституціи: на ея скорѣйшемъ опубликованіи настаивало населеніе, утомленное слишкомъ долго длившимся политическимъ кризисомъ; ея провозглашенія ожидали съ нетерпѣніемъ палаты, тяготившіяся своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ; ея неотложнаго изданія настойчиво требовали иностранные государи, спѣшившіе вернуться въ свои владѣнія и не хотѣвшіе покинуть Парижа, пока Франція не получитъ конституціонной хартіи.

И вотъ уже 6-го мая Людовикъ XVIII разсылаетъ созывныя грамоты членамъ Сената и законодательнаго собранія и одновременно организуетъ совѣщаніе для составленія предварительнаго проекта конституціи.

Разработку этого проекта онъ поручаетъ канцлеру Дамбре, аббату Монтескіу и графу Феррану. Всѣ эти три лица были людьми, которые ни по своему прошлому, ни по своимъ убѣжденіямъ, ни по своей подготовкѣ не были приспособлены къ тому дѣлу, которое было на нихъ возложено. Всѣ они, люди стараго порядка, жили воззрѣніями и понятіями прошлаго: имъ было недоступно

---

[1]) Mémoires du comte de Ferrand (Publications de la société d'histoire contemporaine), p.p. 83, 84.

пониманіе новыхъ условій политической жизни и они относились отрицательно къ тому конституціонному строю, установленію котораго они должны были содѣйствовать[1]).

Они не скрывали, что порученное имъ дѣло было имъ не по сердцу и что они не ждутъ отъ него благихъ результатовъ. Если они тѣмъ не менѣе взялись за него, то сдѣлали они это, по ихъ словамъ, не въ разсчетѣ создать что-нибудь устойчивое и прочное. Они взяли на себя эту неблагодарную задачу во исполненіе желанія короля и съ цѣлью по возможности обезвредить помимо нихъ рѣшенное введеніе представительнаго строя.

«Разъ», говоритъ Витроль, «пошли по слѣдамъ англійскаго государственнаго строя, который восхвалялъ Монтескьё, передъ которымъ преклонялся Вольтеръ, который истолковалъ женевецъ Дедольмъ, и который безуспѣшно рекомендовали учредительному собранію Мунье, Лалли-Толлендаль и Малуэ, разъ вступили на этотъ путь, намъ (т.-е. ревнителямъ стараго порядка) во избѣжаніе большаго зла, ничего другого не оставалось, какъ наложить на этотъ новый актъ по возможности ярко выраженную печать догматовъ нашей древней монархіи»[2]).

А Ферранъ высказывается еще яснѣе. «Мы были увѣрены», говоритъ онъ, «что хартія, которую намъ предстояло выработать, не представляетъ собою того, что нужно народу, но разъ на насъ

---

[1]) «M. Ferrand était un vrai contre-révolutionnaire qui, si on l'eût laissé faire, aurait tout brisé, les hommes et les choses; l'abbé Montesquiou, au contraire, voulait beaucoup de ménagements pour les personnes, tout en pensant qu'il fallait se préparer avec soin les moyens de devenir de jour en jour plus monarchique, mais ne croyait pas qu'on ne put rétrograder jusqu'à l'ancien régime. (Pasquier, Mémoires, 1893, t. II, p. 416).

«Ferrand n'était au courant ni de la nouvelle législation, ni de ses principes, ni de l'état de l'opinion, ni de la société». Barante, Souvenirs, p. 52.

«Cet indispensable chancelier (Dambray) était un homme qui vivait depuis vingt ans dans ses terres en Normandie, ne connaissait pas les lois nouvelles, ne lisant pas un livre parmi ceux qui paraissaient, et pas beaucoup parmi les autres, ni même un journal, disait-on, passant son temps avec des voisins de campagne et les soirées à jouer au piquet avec son curé et sa tante. Il y avait là de quoi rouiller le plus grand esprit du monde, à supposer qu'il pût s'accomoder d'un tel régime. Or M. Dambray était incapable de comprendre toute idée opposée à ses habitudes et à son instinct. Les doctrines constitutionnelles étaient pour lui l'inconnu et l'absurde qu'il laissait se professer avec bonhomie sauf à s'en moquer devant le roi et dans sa famille avec la lourde gaucherie d'un homme de robe». Barante, Souvenirs, p. 44.

Не менѣе интересно свидѣтельство Паскье о Ферранѣ и Монтескіу: Parmi les rédacteurs que je viens de citer, il en est deux (Ferrand et Montesquiou), qui ne croyaient en aucune façon à la durée de l'œuvre qu'ils allaient mettre au jour, qui ne la regardaient que comme une concession à l'esprit du moment comme une transition pour revenir au système monarchique, beaucoup plus simple, le seul, croyaient-ils, praticable en France». Pasquier, Mémoires, t. II, p. 416.

[2]) Vitrolles, Mémoires, t. II, p. 239.

былъ возложенъ этотъ опасный трудъ, мы сочли себя обязанными сдѣлать его, если не возможно лучшимъ, то, по крайней мѣрѣ, наименѣе плохимъ (sinon le mieux, du moins le moins mal possible), сообразуясь съ указаніями, данными намъ королемъ»[1]).

Проектъ конституціи, составленный съ такой цѣлью и въ такомъ настроеніи, не могъ дать благихъ результатовъ. И дѣйствительно, въ итогѣ работъ сотрудниковъ короля получилось произведеніе, никого не удовлетворившее и менѣе всего его авторовъ. Витроль отнесся къ нему весьма сурово и, характеризуя его, пренебрежительно назвалъ его «une oeuvre informe, sortie du laboratoire d'un législateur obscur»[2]).

Проектъ Монтескіу въ большей своей части представляетъ собою нечто иное, какъ очень близкую къ своему оригиналу, механическую переработку сенатской конституціи: онъ беретъ статьи этой конституціи одну за другой и воспроизводитъ ихъ въ той же самой послѣдовательности, въ какой онѣ были размѣщены въ актѣ 6-го апрѣля, при чемъ онъ или повторяетъ ихъ буквально[3]), или перерабатываетъ ихъ только въ редакціонномъ отношеніи[4]), или, наконецъ, измѣняетъ ихъ и по существу[5]).

Проектъ Монтескіу съ внѣшней стороны ничѣмъ поэтому не отличается отъ сенатской конституціи; онъ страдаетъ всѣми ея недостатками, т.-е. крайней безсистемностью, несоразмѣренностью своихъ частей, недоговоренностью отдѣльныхъ опредѣленій.

Неудовлетворителенъ онъ и съ внутренней стороны. Онъ представляетъ собою съ этой точки зрѣнія не самостоятельную и органическую переработку сенатской конституціи, а является лишь приспособленіемъ акта 6-го апрѣля къ той особой задачѣ, которая стояла передъ королемъ и которая заключалась въ томъ, чтобы вставить въ рамки конституціоннаго строя, провозглашеннаго Сентъ-Уанской декларацією 3-го мая, монархическія начала, дорогія возстановленной династіи.

Всмотримся же ближе въ измѣненія, сдѣланныя проектомъ въ сенатской конституціи[6]).

---

[1]) Ferrand, Mémoires, p. 73.

[2]) Vitrolles, Mémoires II, 243.

[3]) Остались безъ измѣненія и представляютъ собою буквальное воспроизведеніе статей сенатской конституціи: §§ 10, 20 (19), 25, 26.

[4]) Статьи, измѣненныя лишь въ редакціонномъ отношеніи §§ 1, 4, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 23.

[5]) Статьи, измѣненныя по существу: §§ 2, 5, 6, 12, 21.

[6]) Для того, чтобы сдѣлать читателю эти измѣненія болѣе наглядными, мы печатаемъ здѣсь проектъ Монтескіу, хранящійся въ государственныхъ архивахъ (Archives nationales B. B^{30} dossier 1) рядомъ съ конституціей сената, помѣщая статьи конституціи противъ соотвѣтствующихъ имъ статей проекта. Такое сопоставленіе очень убѣдительно показываетъ, какъ близко

Редакторы проекта, озабоченные тѣмъ, «чтобы наложить на хартію печать старой монархіи», должны были прежде всего внести въ выра-

---

авторы проекта придерживались сенатской конституціи и въ какой они стояли отъ нея зависимости.

Первоначальный проектъ Монтескіу.	Конституція Сената 6 апрѣля 1814 г.
1. Le Gouvernement français est monarchique et la Couronne héréditaire de mâle en mâle dans la Maison de France par ordre de primogéniture à l'exclusion perpétuelle des femmes et de leur descendances.	1. Le gouvernement français est monarchique et héréditaire de mâle en mâle par ordre de primogéniture.
2. Le légitime Roi de France et de Navarre est en conséquence Louis XVIII, et le trône appartient après lui aux autres princes membres de la maison de Bourbon, dans l'ordre immuable anciennement établi.	2. Le peuple français appelle librement au trône de France Louis-Stanislas-Xavier de France, frère du dernier Roi, et après lui les autres membres de la maison de Bourbon dans l'ordre ancien.
3. Les dinstinctions héréditaires étant de l'essence de toute monarchie, la noblesse ancienne reprend ses titres. Le Roi confirme ceux de la nouvelle et la déclare héréditaire de mâle en mâle. La légion d'honneur est maintenue avec ses prérogatives. Le Roi en déterminera la décoration.	3. La noblesse ancienne reprend ses titres; la nouvelle conserve les siens héréditairement. La légion d'honneur est maintenue avec ses prérogatives; le Roi déterminera la décoration.
4a. Le Roi est le chef suprême de l'État. Le soin de veiller à la défense du royaume, au maintien de l'ordre public et celui de faire exécuter la loi, lui appartient.	4. Le pouvoir exécutif appartient au Roi.
4b. Il appartient au Roi d'arrêter et de signer avec les puissances étrangères tous les traités de paix, d'alliance de commerce, qu'il jugera nécessaire, sauf la ratification du Sénat et de la Chambre des Députés des départements.	
5. La Chambre des Pairs et la Chambre des Députés concourent à la formation de la loi. La loi est proposée par le Roi et ne peut l'être que par lui, elle peut l'être également ou dans la Chambre des Pairs, ou dans celle des Députés des départements, excepté les projets relatifs aux contributions, qui doivent être proposés d'abord dans la seconde chambre. Il n'y a de loi que lorsqu' elle est votée librement par les deux chambres. Au Roi seul en appartient la promulgation Le Roi peut également inviter les deux chambres à s'occuper des objets qu'il juge convenables.	5. Le Roi, le Sénat et le Corps législatif concourent à la formation des lois. Les projets de loi peuvent être également proposés dans le Sénat et dans le Corps législatif. Ceux relatifs aux contributions ne peuvent l'être que dans la Corps législatif. Le Roi peut inviter également les deux corps à s'occuper des objets qu'il juge convenables. La sanction du Roi est nécessaire pour le complément de la loi.
Art. Omis. La Chambre des Députés des départements sera composée du même nombre des Députés que chacun des départements faisant par-	9. Chaque département nommera au Corps législatif le même nombre des députés qu'il y envoyait. Les députés qui siégeaient au Corps lé-

батываемую ими конституцію основной догматъ этой монархіи, а именно тотъ, которымъ особенно дорожилъ король и по которому

---

tie du Royaume y envoyait. Les Députés qui siégeaient au Corps législatif lors du dernier ajournement continueront à y siéger jusqu'en 1816 — au premier Janvier 1817. Leur remplacement aura lieu par cinquième dans l'ordre accoutumé. Tous conserveront leurs traitements. A l'avenir ils continueront d'être élus par le Sénat sur une liste double présentée par les collèges électoraux qui sont conservés, sauf les changements qui pourraient être faits par une loi à leur organisation, aux conditions d'éligibilité et aux formes des élections. Les Députés à élire ne recevront aucune autre indemnité que celle des frais de route.

6. La Chambre des Pairs est composée de cent cinquante Sénateurs au moins. Le Roi peut en élever le nombre à sa volonté. Cent cinquante seulement participent à la dotation du Sénat. A dater de la mort de tous les Sénateurs existant à la fin de la présente année, cette dotation sera réunie définitivement à la Couronne et les Sénateurs ne recevront plus aucun traitement. Les Sénateurs seront Ducs et Pairs, ou Comtes et Pairs. Les uns sont héréditaires, les autres à vie. C'est le Roi qui nomme et institue les uns et les autres. Quatre vingt dix au moins des Sénateurs actuels seront Comtes et Pairs. Les uns jouiront de cette dignité héréditairement, lorsqu'elle leur sera conférée par le Roi, les autres seront Comtes et Pairs à vie, sans que cette dignité puisse être transmissible que par une disposition particulière du Roi.

7. Les Sénateurs actuels que le Roi ne jugerait pas à propos de créer Pairs dans ce moment, conserveront le titre d'honoraires sans aucune entrée à la chambre des Pairs ni à la cour, jusqu'à ce qu'il plaise au Roi de les y appeler. Ils conserveront aussi pendant leur vie, et sur leur demande, un traitement annuel de vingt mille francs sur la dotation appartenant au Sénat.

8. La dotation actuelle du Sénat et celle des sénatoreries est réunie au domaine de la Couronne, elle y demeurera incorporée quoique distincte après distraction faite des

gislatif lors du dernier ajournement continueront à y siéger jusqu'a leur remplacement. Tous conservent leur traitement. A l'avenir ils seront choisis immédiatement par les collèges électoraux, lesquels sont conservés, sauf les changements qui pourraient être faits par une loi à leur organisation. La durée des fonctions des députés au corps législatif est fixée à cinq années. Les nouvelles élections auront lieu pour la session de 1816.

6. Il y a cent cinquante Sénateurs au moins et deux cent au plus. Leur dignité est inamovible et héréditaire de mâle en mâle par primogéniture. Ils sont nommés par le Roi. Les Sénateurs actuels, à l'exception de ceux qui renonceraient à la qualité de citoyens français, sont maintenus et font partie de ce nombre. La dotation actuelle du Sénat et des Sénatoreries leur appartient. Les revenus en sont partagés également entre eux et passent à leur successeurs. Le cas échéant de la mort d'un Sénateur sans postérité masculine directe, sa portion retourne au trésor public. Les Sénateurs qui seront nommés à l'avenir ne peuvent avoir part à cette dotation.

власть принадлежитъ монарху въ силу рожденія, а не въ силу народнаго избранія. Они поэтому вычеркнули изъ сенатской кон-

---

propriétés acquises par droit de confiscation, lesquelles seront rendues aux anciens propriétaires sans cependant aucune restitution de fruits et dans l'état où se trouveront les choses.

9. Sur les fonds de la dotation du Sénat il sera fait distraction d'une somme égale à celle composant le traitement des Sénateurs actuels, soit héréditaires, soit à vie, pour être repartie entre eux également et pour fournir aux pensions des Sénateurs honoraires. Le surplus du revenu de la dotation et l'excédent résultant des extinctions, sera pendant trente ans affecté par le Roi, soit aux officiers du Sénat et à sa dépense, soit aux Ducs et Comtes nommés par lui, auxquels leurs facultés personnelles ne permettraient pas de soutenir leur dignité.

10. La Chambre des Députés s'assemble de droit le 1 Octobre de chaque année. Le Roi peut la convoquer extraordinairement, l'ajourner, et même la dissoudre; mais dans ce cas une autre Chambre doit être formée dans les trois mois au plus tard par les collèges électoraux.

11. La Chambre des Députés des départements a le droit de discuter les projets qui lui sont présentés et de proposer des amendements. Ses séances sont publiques, sauf le cas ou elle juge à propos de se former en comité général; elle s'y forme nécessairement sur l'ordre du Président, ou sur la demande écrite de trois membres, dès que les tribunes se permettent quelques signes d'approbation ou d'improbation.

12. Le Sénat est présidé par le chancelier de France ou par le garde des sceaux et en leur absence par un Sénateur nommé par le Roi. Le Roi nomme également le chancelier et les autres officiers du Sénat, le Président de la chambre des Députés sur une liste de cinq membres présentés tous les ans par la Chambre et ceux des assemblées électorales et de canton dans le sein des corps.

13. Aucun membre de la Chambre des Pairs et de celle des Députés ne peut être arrêté sans une autorisation préalable du corps auquel il appartient. Le jugement d'un

10. Le Corps législatif s'assemble de droit chaque année le 1 Octobre. Le Roi peut le convoquer extraordinairement. Il peut l'ajourner; il peut aussi le dissoudre; mais, dans ce dernier cas, un autre Corps législatif doit être formé au plus tard dans les trois mois par les collèges électoraux.

11. Le Corps législatif a le droit de discussion. Les séances sont publiques, sauf le cas où il juge à propos de se former en comité général.

12. Le Sénat, le Corps législatif, les collèges électoraux et les assemblées de canton élisent leur président dans leur sein.

13. Aucun membre du Sénat ou du Corps législatif ne peut être arrêté sans une autorisation préalable du corps auquel il appartient. Le jugement d'un membre du Sénat ou du

ституціи статью вторую, говорившую о призывѣ народомъ на престолъ Людовика XVIII и замѣнили ее постановленіемъ, въ силу

Sénateur ou d'un Député accusé appartient exclusivement à la Chambre des Pairs. L'instruction est dirigée par le Procureur général du Roi à la Cour royale de Paris. Il doit être entendu dans ses conclusions.

14. Les Ministres peuvent être membres soit du Sénat, soit de la Chambre des Députés. Le chancelier de France est nécessairement membre du Sénat. Mais ne devient héréditaire comme Sénateur qu'autant qu'il est créé tel par le Roi.

15. L'égalité de proposition dans l'impôt est de droit, aucun impôt ne peut être établi ni perçu s'il n'a été librement consenti par les deux Chambres sur la proposition formelle du roi. L'impôt foncier ne peut être établi que pour un an et les contributions indirectes que pour trois ou six années. Le budget de l'année suivante et les comtes de l'année précédente sont présentés dans les premiers jours d'Octobre à la Chambre des Députés et à celle des Pairs.

16. La conscription est abolie. La loi détermine le mode et la quotité du recrutement de l'armée.

17. La justice est une dette de la Royauté, elle s'administre au nom du Roi par des juges qu'il nomme et qu'il institue. Ces juges sont inamovibles, mais l'inamovibilité pour les juges actuels ne commencera qu'après la confirmation qu'ils doivent obtenir du Roi dans le délai d'un an. Les cours et tribunaux ordinaires actuellement existants sont maintenus. Il n'y sera rien changé qu'en vertu d'une loi. L'institution actuelle des juges de paix et de commerce est conservée, les commissions et tribunaux extraordinaires sont supprimés, sans qu'on puisse comprendre sous cette dénomination les juridiction prévotales, si leur rétablissement est jugé nécessaire. Nul ne doit être distrait de ses juges naturels.

18. Les débats sont publics en matière criminelle, à moins que cette publicité ne soit dangereuse pour l'ordre public et les mœurs; mais il faut que le tribunal le déclare par un jugement. L'institution des jurés est conservée; les changements

Corps législatif accusé appartient exclusivement au Sénat.

14. Les Ministres peuvent être membres soit du Sénat, soit du Corps législatif.

15. L'égalité de proportion dans l'impôt est de droit. Aucun impôt ne peut être établi ni perçu s'il n'a été librement consenti par le Corps législatif et par le Sénat. L'impôt foncier ne peut être établi que pour un an. Le budget de l'année suivante et les comptes de l'année précédente sont présentés chaque année au Corps législatif et au Sénat à l'ouverture de la session du Corps législatif.

16. La loi déterminera le mode et la quotité du recrutement de l'armée.

17. L'indépendance du pouvoir judiciaire est garantie. Nul ne peut être distrait de ses juges naturels. L'institution des jurés est conservée, ainsi que la publicité des débats en matière criminelle. La peine de la confiscation des biens est abolie. Le Roi a le droit de faire grâce.

18. Les cours et tribunaux ordinaires actuellement existants sont maintenus; leur nombre ne pourra être diminué ou augmenté qu'en vertu d'une loi. Les juges sont à vie et inamovibles, à l'exception des juges de paix et des juges de commerce.

котораго «законный монархъ Франціи» — Людовикъ XVIII, а послѣ него «престолъ переходитъ къ остальнымъ членамъ династіи Бурбоновъ по неизмѣнному старому порядку» (ст. 2).

---

qu'une plus longue expérience ferait juger nécessaire ne peuvent être effectués que par une loi. La peine de la confiscation est abolie. Le Roi a droit de faire grâce.

19. Les militaires en activité, les officiers et soldats en retraite, les veuves et les officiers et les soldats pensionnés conservent leurs grades, honneurs et pensions.

20. La personne du Roi est inviolable et sacrée. Les actes du gouvernement sont signés par un ministre. Les ministres sont responsables de tout ce que les actes contiendraient d'attentatoire aux lois.

21. La liberté des consciences et la liberté des cultes sont garanties. La religion catholique, apostolique et romaine n'en est pas moins la religion de l'Etat. Il ne salarie que ses ministres et protège tous les autres.

22. La liberté de la presse est maintenue. La loi prévient et réprime les abus qui pourraient résulter de cette liberté. Cette liberté ne s'applique aux journaux et papiers publics qu'en se conformant par les éditeurs aux règlements de police.

Art. Omis. La liberté individuelle est assurée, sauf les cas qui peuvent intéresser la sûreté de l'Etat et sauf les cas de flagrant délit, ou de mesure de police correctionnelle, dont il sera rendu compte aux Procureurs généraux dans la huitaine.

23. La dette publique est garantie. Les ventes des domaines nationaux sont irrévocablement maintenus. Le sont également toutes transactions de gré à gré entre les acquéreurs et les anciens propriétaires.

24. L'oubli du passé ne permet de rechercher aucun Français pour les opinions ou votes qu'il aurait pu émettre.

Les commissions et les tribunaux extraordinaires sont supprimés et ne pourront être rétablis.

19. La cour de cassation, les cours d'appel et les tribunaux de première instance proposent au Roi trois candidats pour chaque place de juge vacante dans leur sein: le Roi choisit l'un des trois. Le Roi nomme les premiers présidents et le ministère public des cours et des tribunaux.

20. Les militaires en activité, les soldats et officiers en retraite, les veuves, et les officiers pensionnés conservent leurs grades, honneurs et pensions.

21. La personne du Roi est inviolable et sacrée. Tous les actes du Gouvernement sont signés par un ministre. Les ministres sont responsables de tout ce que ces actes contiendraient d'attentatoire aux lois, à la liberté publique et individuelle et aux droits des citoyens.

22. La liberté des cultes et des consciences est garantie. Les ministres des cultes sont également traités et protégés.

23. La liberté de la presse est entière, sauf la répression légale des délits qui pourraient résulter de l'abus de cette liberté. Les commissions sénatoriales de la liberté de la presse et de la liberté individuelle sont conservées.

Соотвѣтственной статьи въ сенатской конституціи нѣтъ.

24. La dette publique est garantie. Les ventes des domaines nationaux sont irrévocablement maintenues.

25. Aucun Français ne peut être recherché pour les opinions ou les votes qu'il a pu émettre.

Какое бы важное принципіальное значеніе этой поправкѣ мы ни придавали, она однако непосредственныхъ практическихъ послѣдствій имѣть не могла, нося чисто декларативный характеръ. Не то нужно сказать про другую поправку, которая касалась круга полномочій короля и которая установляла организацію права законодательной инициативы. Сенатская конституція говорила объ этомъ правѣ въ пятой статьѣ, но весьма неопредѣленно и неясно; въ отличіе отъ конституціи 1791 г., которая право инициативы предоставляла исключительно народному представительству, сенатская конституція въ крайне неясныхъ выраженіяхъ постановляла, что въ образованіи законовъ участвуютъ король, сенатъ и законодательный корпусъ, и что король можетъ приглашать обѣ палаты заняться предметами, которые онъ сочтетъ подходящими. Эти неясныя постановленія, которыя не отрицали за королемъ права инициативы, но вмѣстѣ съ тѣмъ прямо его за нимъ и не признавали, эти неясныя постановленія проектъ замѣняетъ категорическимъ опредѣленіемъ, въ силу котораго законодательная инициатива принадлежитъ королю и только ему. Это постановленіе значительно смягчается однако опредѣленіемъ (ст. 11), которое признаетъ за палатою депутатовъ право вносить поправки въ обсуждаемые проекты, при чемъ это право никакими ограниченіями не обставляется. Это право, о которомъ сенатская конституція умалчивала, но которое въ проектѣ Монтескіу было особо оговорено, давало возможность законодательному корпусу, и не обладая правомъ инициативы, вліять на направленіе законодательной дѣятельности и до извѣстной степени замѣняло собою право почина.

Указывая на тѣ измѣненія, которыя проектъ вноситъ въ сенатскую конституцію съ цѣлью расширить и точнѣе опредѣлить полномочія

---

25. Tous les Français sont également admissibles à tous les emplois civils et militaires.

26. Toutes les lois actuellement existantes qui ne sont pas contraires aux présentes restent en vigueur jusqu'a ce qu'il y soit légalement dérogé. Le Code des lois civiles sera intitulé «Code civil des Français.

27. Le Roi et ses successeurs jureront dans la solennité de leur sacre d'observer fidèlement la présente charte constitutionnelle.

27. Tous les Français sont également admissibles à tous les emplois civils et militaires.

28. Toutes les lois actuellement existantes restent en vigueur jusqu'à ce qu'il y soit légalement dérogé. Le Code des lois civiles sera intitulé «Code civil des Français».

29. La présente Constitution sera soumise à l'acceptation du peuple français dans la forme qui sera réglée. Louis-Stanislas-Xavier sera proclamé Roi des Français, aussitôt qu'il aura juré et signé par un acte portant: J'accepte la Constitution; je jure de l'observer et de la faire observer. Ce serment sera réitéré dans la solennité ou il recevra le serment de fidélité des Français.

короля, мы должны подчеркнуть и параграфъ 4-й, который толкуетъ о монархѣ, какъ о главѣ правительственной власти. Сенатская конституція въ соотвѣтствующей статьѣ очень лаконически опредѣляла, что «исполнительная власть принадлежитъ королю», проектъ же расширяетъ это опредѣленіе, расчленяя понятіе исполнительной власти на тѣ отдѣльныя полномочія, изъ которыхъ она слагается: она постановляетъ, что король — верховный глава государства, на немъ лежитъ охрана внѣшней безопасности, поддержаніе общественнаго порядка и забота объ исполненіи законовъ.

Другія измѣненія, внесенныя проектомъ въ актъ 6-го апрѣля, имѣютъ сравнительно второстепенное значеніе. Одни изъ нихъ касаются устройства сената и палаты депутатовъ, другія — организаціи судебной власти. Что касается до первыхъ, то они сводятся къ слѣдующему: Сенатская конституція ограничивала короля въ дѣлѣ назначенія перовъ. Ихъ число было опредѣлено закономъ: ихъ должно было быть не меньше 150 и не больше 200. Проектъ упраздняетъ это ограниченіе и постановляетъ, что король можетъ увеличивать число сенаторовъ по своему усмотрѣнію (ст. 6). — По акту 6-го апрѣля (ст. 6) члены второй палаты избираются непосредственно населеніемъ въ избирательныхъ коллегіяхъ. Проектъ возстановляетъ существовавшій при Наполеонѣ порядокъ: члены законодательнаго корпуса избираются Сенатомъ по двойному списку, представленному избирательными коллегіями (Article omis). Наконецъ по сенатской конституціи предсѣдатели Сената и палаты избирались этими учрежденіями изъ своей среды, по проекту же они назначаются королемъ (ст. 12).

Въ дѣлѣ организаціи судебной власти проектъ, оставляя въ силѣ всѣ основныя черты этой организаціи, какъ она была установлена сенатской конституціей, вноситъ въ эту конституцію лишь двѣ поправки: одна устанавливаетъ исключеніе изъ правила, по которому упраздняются чрезвычайные суды и постановляетъ, что подъ чрезвычайными судами не понимаются превотальные суды, могущіе, въ случаѣ необходимости, быть возстановленными (ст. 17); вторая же поправка ослабляетъ принципъ несмѣняемости судей и опредѣляетъ, что эта несмѣняемость для судей, нынѣ состоящихъ на службѣ, вступаетъ въ силу лишь съ ихъ новаго утвержденія королемъ (та же статья).

Обращаясь, наконецъ, къ поправкамъ, внесеннымъ въ постановленія сенатской конституціи, касающимся индивидуальныхъ правъ гражданъ, мы должны указать на ст. 22, опредѣляющую свободу вѣроисповѣданія. Сенатская конституція въ этой статьѣ довольно глухо и неопредѣленно постановляла, что свобода вѣро-

исповѣданія гарантирована и что духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій пользуется одинаковой защитой и покровительствомъ. Проектъ (ст. 21) замѣняетъ это постановленіе опредѣленіемъ, которое, повторяя тотъ же принципъ, ослабляетъ его однако оговоркой, гласящей, что католическое вѣроисповѣданіе признается господствующимъ вѣроисповѣданіемъ и что только его служителямъ обезпечено содержаніе изъ казны, между тѣмъ какъ духовенство другихъ вѣроисповѣданій такого содержанія не получаетъ, а пользуется лишь покровительствомъ со стороны государства.

Сдѣланный нами обзоръ поправокъ, внесенныхъ Монтескіу, Дамбре и Ферраномъ въ сенатскую конституцію, показываетъ, что редакторы проекта остались въ предѣлахъ даннаго имъ порученія. Хотя сдѣланныя ими измѣненія и проникнуты одной, очень ярко выраженной тенденціей — усилить власть короля въ ущербъ авторитету народнаго представительства, — они, тѣмъ не менѣе, не коснулись тѣхъ основъ акта 6-го апрѣля, которыя король признадъ «хорошими» и не поколебали ихъ. Всѣ коренныя черты либеральной конституціи, подчеркнутыя Людовикомъ XVIII въ Сенъ-Уанской декларацiи, сохраняютъ свою силу, и остовъ конституціоннаго строя, начертанный въ этой декларацiи, остается неприкосновеннымъ. Сохранился и весь рядъ принципіально важныхъ въ конституціонномъ отношеніи постановленій акта 6-го апрѣля, обусловливавшихъ тѣ ея черты, которыя сближали ее съ англійскимъ политическимъ строемъ. Постановленіе, опредѣлявшее, что ни одинъ правительственный актъ безъ контрасигновки отвѣтственнаго передъ палатами министра, не можетъ получать силы, воспроизводится проектомъ въ полномъ согласіи съ соотвѣтствующимъ постановленіемъ сенатской конституціи[1]). Ст. 14 сенатской конституціи, которая устанавливаетъ, что министры могутъ быть членами и Сената и Палаты депутатовъ, — эта статья первостепенной важности, порывающая съ принципомъ строгаго отдѣленія законодательной власти отъ исполнительной, послѣдовательно проведеннымъ въ конституціяхъ революціонной эпохи, — эта статья сохраняется и въ проектѣ. Безъ измѣненія воспринимаетъ проектъ и ту статью сенатской конституціи, которая заключаетъ въ себѣ существенную гарантію независимости парламента, а именно ст. 10, поста-

---

[1]) Статья 20-я проекта, какъ и 21-я статья сенатской конституціи, опредѣляетъ, что особа короля священна и неприкосновенна, что акты правительства контрассигнуются однимъ изъ министровъ, что министры отвѣтственны за все, что могло бы въ ихъ актахъ заключаться противузаконнаго (que ces actes contiendraient d'attentoires aux lois). Въ сенатской конституціи къ этому было еще прибавлено à la liberté publique et individuelle et aux droits des citoyens.

новлявшую, что законодательный корпусъ собирается ежегодно 1-го октября, въ силу закона, а не по особому предписанію короля, и что въ случаѣ роспуска второй палаты, король обязанъ созвать ее не позднѣе какъ черезъ три мѣсяца со дня ея роспуска.

Какъ бы мы не отнеслись къ перемѣнамъ, внесеннымъ ревнителями стараго порядка въ сенатскую конституцію, мы во всякомъ случаѣ должны признать, что они никакихъ радикальныхъ измѣненій въ проектированный Людовикомъ XVIII планъ государственной реформы не внесли, а ограничились частными поправками, которыя, не касаясь общаго характера политическаго переустройства, лишь ослабили дѣйствіе нѣкоторыхъ изъ его опредѣленій, пытаясь обезпечить за католическимъ вѣроисповѣданіемъ господствующее положеніе въ странѣ и стремясь гарантировать королю рѣшительное преобладаніе во всѣхъ областяхъ государственной жизни.

Проектъ Монтескіу былъ представленъ его редакторами на благоусмотрѣніе короля. Людовикъ XVIII передалъ его на просмотръ своимъ ближайшимъ совѣтникамъ и въ свою очередь снабдилъ его своими замѣчаніями.

Въ бумагахъ Беньо, хранящихся въ государственномъ архивѣ[1]), сохранился тотъ экземпляръ проекта Монтескіу, на которомъ король сдѣлалъ свои замѣчанія. Они очень немногочисленны, но они характерны и мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ ними читателя[2]).

---

[1]) BB. 30/91, dossier I.

[2]) Мы приводимъ здѣсь эти поправки цѣликомъ, дабы читатель могъ составить себѣ о нихъ вполнѣ точное представленіе. Подъ статьей 4а мы находимъ слѣдующее замѣчаніе короля: «Je crois indispensable d'ajouter qu'au Roi seul appartient le droit de faire la guerre et celui de conclure avec les puissances étrangères tous les traités de paix, d'alliance, ou de commerce, qu'il jugera à propos.

Le double droit n'importe pas seulement à la majesté du trône, il importe encore au bien de l'Etat. Que la question de la guerre soit discutée dans une Assemblée, plus de secret, plus de célérité dans les 1-ères opérations. Que celle de la paix le soit, les étrangers ne pouvant plus avoir de confiance dans le Gouvernement et que d'inconvénients n'en résulterait-il pas? Que craindre d'ailleurs de ces droits (que possède le Roi d'Angleterre). Le Roi commencera-t-il une guerre insensée, qu'on peut lui refuser les moyens de continuer? Un ministre responsable, proposera-t-il un traité honteux, ou ruineux pour la France? Non, certes, donc avantage sans danger au double droit».

Второе замѣчаніе, касающееся порядка выборовъ и помѣщающееся на поляхъ рукописи противъ статьи (article omis) гласитъ: «Ne serait-il pas possible (mais c'est chose à négocier) d'attribuer au Roi ce choix qui jusqu'ici l'était au Sénat? Une liste seulement double restreint déjà beaucoup le droit de choisir. Le Roi d'Angleterre a de bien autres moyens d'influence sur la Chambre des communes».

«Un roi qui n'a pas assez de pouvoir, fait plus de mal que de bien». (Testament de Louis XVI).

Къ послѣднему абзацу статьи 18-й проекта: «Le Roi a le droit de faire grâce» король прибавляетъ «et celui de commuer la peine». Послѣдняя строка

Первое изъ нихъ коснулось той статьи проекта (4a), которая опредѣляетъ права монарха въ области управленія. Эта статья вызвала замѣчаніе одного изъ приближенныхъ короля. «Это постановленіе», пишетъ онъ, «нуждается въ дополненіи, которое говорило бы о правѣ короля издавать въ своемъ совѣтѣ распоряженія въ согласіи съ закономъ»[1]).

Король одобряетъ это замѣчаніе и ст. 4a проекта получаетъ слѣдующее дополненіе: «Король — верховный глава государства и сухопутныхъ и морскихъ силъ, онъ стоитъ на стражѣ порядка и общественнаго спокойствія и можетъ, для ихъ охраны, издавать административныя распоряженія, которыя онъ признаетъ нужными». Замѣчаніе, вызвавшее это дополненіе, интересно въ томъ отношеніи, что проливаетъ свѣтъ на тѣ мотивы, которыми было внушено закрѣпленіе за королемъ права издавать административныя распоряженія и которое было затѣмъ формулировано въ ст. 14 хартіи, сыгравшей такую роковую роль въ правленіе Карла X и послужившей оправданіемъ для іюльскихъ ордонансовъ. Это замѣчаніе показываетъ, что редакторы проекта, предлагая упомянуть о правѣ короля издавать распоряженія согласно законамъ, ни о какой диктаторской внѣзаконной власти короля не помышляли, а имѣли въ виду лишь ту нормальную подзаконную власть издавать распоряженія, безъ которой никакая исполнительная власть обойтись не можетъ.

Людовикъ XVIII, одобривъ дополненіе, касавшееся права короля издавать распоряженія въ согласіи съ законами, присоединяетъ къ нему еще другое замѣчаніе, требующее, чтобы право объявлять войну и заключать международные договоры принадлежало только королю. Въ согласіи съ нимъ ст. 4b проекта получаетъ слѣдующую редакцію: «Il appartient au Roi de déclarer la guerre, de signer avec les puissances étrangères tous les traités de paix, d'alliance et de commerce qu'il jugera nécessaire. Le Roi surveille les recettes et dirige les dépenses, conformément à la loi annuelle, qui détermine le mode et la quotité des unes et des autres».

21-й статьи (Il ne salarie que ses ministres et protège tous les autres) вызываетъ со стороны короля слѣдующее замѣчаніе: «Je voudrais une autre expression que celle de salarier, elle me semble peu d'accord avec le respect dû aux ministres des autels». По поводу редакціи статьи 26-й, въ заключеніи которой говорится, что: Le Code des lois civiles sera intitulé «Code civil des Français», король замѣчаетъ: J'aimerais mieux «de France».

[1]) L'article aura peut être besoin de développement pour la faculté que devra avoir le Roi de rendre ses arrets du conseil, conformément aux lois. Si la charte constitutionnelle n'exprime pas cette faculté les corps élèveront des difficultés.

Другое измѣненіе, внесенное въ проектъ Монтескіу, по иниціативѣ короля, касалось порядка выборовъ въ палату депутатовъ. По сенатской конституціи, какъ мы знаемъ, депутаты избирались непосредственно населеніемъ въ избирательныхъ коллегіяхъ департаментовъ. Проектъ Монтескіу отмѣнилъ этотъ порядокъ и замѣнилъ его тѣмъ, который существовалъ при Наполеонѣ и по которому депутаты назначались Сенатомъ изъ двойного списка кандидатовъ, представляемыхъ избирательными коллегіями. Людовикъ XVIII предложилъ замѣнить Сенатъ королемъ. Это предложеніе не встрѣтило возраженія со стороны его ближайшихъ совѣтниковъ, у которыхъ Сенатъ не пользовался никакимъ довѣріемъ, и соотвѣтствующая статья проекта была замѣнена постановленіемъ, въ силу котораго король впредь будетъ избирать депутатовъ изъ двойного списка кандидатовъ, представленныхъ департаментами[1]). Этому постановленію не суждено было однако найти себѣ примѣненія въ жизни. Оно встрѣтило въ комиссіи, на ея первомъ же засѣданіи 22-го мая, такой рѣшительный отпоръ, что правительство сочло себя вынужденнымъ взять его обратно[2]) и замѣнить постановленіемъ, возстановлявшимъ порядокъ выборовъ, установленный сенатской конституціей въ ея 9 ст.[3]).

Эти двѣ поправки, которыя внесъ король въ проектъ Монтескіу, имѣютъ, какъ видитъ читатель, неодинаковое значеніе. Первая изъ нихъ, которая точнѣе опредѣлила власть короля въ области управленія, и которая вошла въ хартію, восполнила несомнѣнно важный пробѣлъ сенатской конституціи: послѣдняя объ указной власти короля совсѣмъ не упоминала и оставляла неурегулированнымъ такой важный вопросъ, какъ вопросъ о томъ, кому принадлежитъ право объявлять войну и заключать мирные и другіе трактаты. Вторая же поправка, которая касалась измѣненія порядка выборовъ, никакихъ практическихъ послѣдствій не имѣла: она, какъ мы уже сказали, была отклонена парламентской комиссіей и была замѣнена опредѣленіемъ сенатской конституціи, въ силу котораго депутаты избираются непосредственно населеніемъ въ избирательныхъ округахъ.

Но если эти двѣ поправки не имѣли одинаковыхъ практическихъ послѣдствій, то онѣ, по своимъ тенденціямъ, были очень сходны.

---

[1]) «Le Roi choisira les députés sur la liste double présentée par les départements». Ст. 11-я проекта Монтескіу. Archives nationales AB XIX, p. 10.

[2]) Simon, L'élaboration de la charte constitutionelle de 1814. Paris, 1906, p. 81.

[3]) Остальныя поправки, внесенныя королемъ въ нѣкоторыя статьи проекта, касались лишь редакціи этихъ статей, а не ихъ существа; онѣ имѣли совершенно второстепенное значеніе и мы здѣсь на нихъ не останавливаемся.

Онѣ клонились къ расширенію и болѣе точному опредѣленію правъ короля. Было бы, однако, неправильно, руководствуясь ими, заключить, какъ это дѣлаютъ новѣйшіе историки[1]), будто бы Людовикъ XVIII, внося ихъ, обнаружилъ абсолютистическія наклонности. Людовикъ XVIII, дѣлая свои замѣчанія на проектъ Монтескіу, остается вѣрнымъ тому образу мыслей, который нашелъ себѣ выраженіе 3-го мая въ Сентъ-Уанской декларации. Тѣ мотивы, которыми онъ оправдываетъ свое воззрѣніе на необходимость для короля обладать рѣшающимъ голосомъ въ вопросахъ внѣшней политики, показываютъ, что въ эту эпоху его способъ разсужденія ничѣмъ не напоминаетъ абсолютнаго монарха и гораздо болѣе соотвѣтствуетъ взглядамъ конституціоннаго правителя. Ссылаясь на примѣръ Англіи и доказывая, что сосредоточеніе международной политики въ рукахъ короля не грозитъ никакой опасностью государству, ибо соотвѣтствіе его рѣшеній въ этой области съ интересами страны обезпечивается отвѣтственностью министровъ и правомъ парламента отпускать средства на военные расходы или въ нихъ отказывать, приводя такіе доводы, Людовикъ XVIII говоритъ не языкомъ автократа, а разсуждаетъ аргументами конституціоннаго правителя, взявшаго себѣ за образецъ представительный строй Англіи того времени.

Доводы, которыми Людовикъ XVIII обосновываетъ другую свою поправку, касающуюся порядка назначенія депутатовъ, носятъ тотъ же характеръ. И ее онъ мотивируетъ ссылкой на Англію и необходимостью для монарха, по примѣру этой страны, вліять на составъ второй палаты. Эта поправка, впрочемъ, въ той редакціи, въ которой она была формулирована королемъ, не была выраженіемъ принятаго имъ окончательнаго рѣшенія, а была скорѣе условнымъ предложеніемъ, нуждающимся еще въ обсужденіи (mais c'est une chose à négocier). Не удивительно поэтому, что король отступилъ отъ него, какъ только оно встрѣтило отпоръ въ комиссіи, и безъ затрудненія взялъ его назадъ, согласившись замѣнить рекомендованную имъ систему назначенія членовъ законодательнаго собранія порядкомъ выборовъ, предложеннымъ сенатской конституціей[2]).

---

[1]) Simon, p. 9.

[2]) La Chambre des députés, élus par les collèges électoraux dont l'organisation sera déterminée par des lois (соотвѣтствуетъ слѣдующему постановленію сенатской конституціи): A l'avenir ils (les députés) seront choisis immédiatement par les collèges électoraux, lesquels sont conservés, sauf les changements qui pourraient être faits par une loi à leur organisation. (Ст. 9).

III.

Разсмотрѣніе хартіи въ комиссіи, образованной изъ членовъ Сената и законодательнаго корпуса.

Проектъ Монтескіу, до поступленія его на детальное обсужденіе парламентской комиссіи, подвергся еще новымъ измѣненіямъ. Эти измѣненія были сдѣланы частью ближайшими совѣтниками короля, помимо комиссіи, частью, по ихъ иниціативѣ, самой комиссіей на первомъ ея общемъ собраніи 22-го мая.

Еще до того какъ собралась комиссія, была изъята изъ проекта 2-я его статья, установлявшая, что легитимный король Франціи — Людовикъ XVIII [1]). На первомъ же засѣданіи комиссіи Монтескіу предложилъ изъять изъ хартіи и первую статью, опредѣлявшую форму правленія и порядокъ престолонаслѣдія. Монтескіу мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что хартія, даруемая властью монарха, не призвана опредѣлять эту власть; что точно формулировать принципы, на которыхъ зиждется авторитетъ монарха, значитъ не закрѣплять этотъ авторитетъ, а скорѣе расшатывать его: власть монарха имѣетъ-де основаніе въ самой себѣ и не нуждается въ томъ, чтобы люди и сочиняемые ими законы подводили подъ нее фундаментъ [2]).

На этомъ же первомъ засѣданіи было рѣшено изъять изъ хартіи и тѣ статьи, которыя касаются дотацій и вознагражденія нынѣшнихъ сенаторовъ. Комиссія нашла, что этимъ статьямъ, имѣющимъ временный характеръ, не мѣсто въ государственномъ актѣ, устанавливающемъ основныя начала государственнаго строя [3]).

---

[1]) Объ этомъ изъятіи свидѣтельствуетъ тотъ списокъ проекта, который хранится въ національныхъ архивахъ и въ которомъ мы уже не находимъ 2-й статьи первоначальнаго проекта.

[2]) Beugnot (Mémoires, p. 487) приводитъ аргументы Монтескіу въ слѣдующей формѣ: Il faut bien se pénétrer de l'esprit dans lequel le Roi est rentré dans ses Etats et a donné la Déclaration de Saint-Ouen; il y rentre en vertu du principe fondamental qui établit une monarchie héréditaire de mâle en mâle, par ordre de primogéniture. C'est de la puissance royale inhérente à sa personne qu'il a parlé dans la Déclaration de Saint-Ouen et qu'il s'expliquera plus explicitement par l'acte que va être discuté. Il serait inconséquent, de remettre en discussion le pouvoir même à qui appartient le gouvernement et qui a réuni l'assemblée présente; ensuite il y aurait du danger, car, quelle que fût la forme de déclaration qui sortirait de la discussion, elle diminuerait plutôt qu'elle ne fortifierait un principe qui a sa racine dans les siècles, à l'abri duquel la France s'est élevée si haut entre les peuples, et dont l'oubli momentané a causé tous les malheurs». А Витроль (Memoires, p. 249) передаетъ ихъ въ слѣдующей редакціи: «Le Roi, rentré dans son autorité par son droit incontestable, n'avait rien à exprimer sur les lois anciennes et immuables qui étaient l'essence même de la monarchie. Le droit d'accorder à ses peuples de nouvelles libertés ne pouvait se fonder que sur une autorité antérieure et incontestable et il aurait été hors de sens que le même acte portât une nouvelle énonciation de ce droit».

[3]) Simon, 80.

Такимъ образомъ на первомъ же засѣданіи комиссіи былъ вычеркнутъ изъ хартіи цѣлый рядъ статей (ст. ст. 1, 2, 6, 7, 8, 9). Такое радикальное измѣненіе текста хартіи потребовало ея общаго пересмотра: онъ былъ порученъ секретарю комиссіи Беньо, который очень энергично и взялся за него. Онъ началъ съ того, что внесъ извѣстный порядокъ и систему въ расположеніе статей хартіи. Онъ распредѣлилъ ихъ по отдѣльнымъ рубрикамъ, которыя получили слѣдующія заглавія: 1. Публичное право французовъ (отдѣлъ, къ которому были отнесены всѣ постановленія, касавшіяся основныхъ правъ гражданъ). 2. Формы, въ которыхъ осуществляется правленіе короля (глава, которая опредѣляла права короля какъ верховнаго главы государства и говорила объ участіи монарха и палатъ въ законодательствѣ). 3. Палата перовъ (ея организація и кругъ вѣдомства). 4. Палата депутатовъ (ея устройство и компетенція). 5. Министры (ихъ отношеніе къ палатамъ). 6. Судебная власть. 7. Особыя права, гарантированныя конституціей. 8. Переходныя постановленія (Articles transitoires) [1]).

Беньо не только распредѣляетъ матеріалъ проекта по извѣстному плану, но измѣняетъ и редакцію его отдѣльныхъ постановленій. Пересматривая слишкомъ длинныя и пестрыя по содержанію статьи проекта, разбивая ихъ на болѣе сжатые и однородные по содержанію параграфы, онъ придаетъ имъ болѣе ясности и точности.

Беньо измѣняетъ такимъ образомъ весьма существенно внѣшній обликъ проекта и измѣняетъ его, несомнѣнно къ лучшему: набросокъ безформенный и безсистемный, наскоро и небрежно редактированный, замѣненъ проектомъ, составленнымъ по продуманному плану, тщательно и внимательно редактированнымъ рукою опытнаго и образованнаго юриста [2]).

---

[1]) M. le comte Beugnot était appelé par ses fonctions non seulement à tenir les procès verbaux des débats de la commission, mais encore à présenter à la discussion les articles du projet constitutionnel. Il parait qu'il s'était entendu avec les autres commissaires du Roi pour remanier les articles et les classer dans un ordre plus méthodique. Il les avait placé sous différents titres. Vitrolles, Mémoires, t. II, p. 250.

[2]) На этой переработкѣ Беньо внѣшняго вида проекта сказались несомнѣнно его выдающіяся качества какъ редактора. Эти качества признаютъ за нимъ всѣ его современники, не исключая и тѣхъ, которые были невысокаго мнѣнія объ его нравственныхъ свойствахъ и видѣли въ немъ человѣка безпринципнаго, лишеннаго всякихъ устойчивыхъ убѣжденій.

Barante, Souvenirs, p. 46. «M. Beugnot était un homme de beaucoup d'esprit, de capacité et d'instruction».

«Commissaire avec M. l'abbé de Montesquiou et M. Ferrand auprès de la commission chargée de préparer la charte M. Beugnot en fut le rédacteur sans prendre pourtant un vif intérêt à l'esprit plus ou moins libéral de ses dispositions. On le trouvait toujours prêt à faire et surtout à écrire tout ce qui dans ce moment de précipitation, demandait un peu d'éclat et d'effet, mais sa rédaction, excellente, méthodique et lucide, lorsqu'il traitait d'affaires, n'était pas toujours heureuse lorsqu'elle prétendait à lesprit ou à l'éloquence. Son style, comme son caractère, manquait de gravité» (p. 49).

Въ такомъ исправленномъ видѣ конституціонный проектъ и дѣлается предметомъ обсужденія въ комиссіи, образованной королемъ подъ предсѣдательствомъ Дамбре изъ членовъ Сената и законодательнаго корпуса. Эта комиссія имѣла всего шесть засѣданій (22, 23, 24, 25, 26 и 27-го мая) и въ этотъ сравнительно короткій срокъ выработала окончательный текстъ хартіи.

Быстрота, съ которой комиссія справилась съ своею задачею и отсутствіе въ теченіе ея работъ оживленныхъ и интересныхъ преній, подчеркивается историками и отмѣчается современниками. Симонъ, давшій наиболѣе полную исторію составленія хартіи, подводя итогъ общему ходу работъ комиссіи, говоритъ, что происходившія въ ней пренія рѣдко носили принципіальный характеръ и касались больше редакціи статей хартіи, чѣмъ ихъ существа [1]). Паскье въ своихъ мемуарахъ отмѣчаетъ, что обсужденіе хартіи въ комиссіи представляло мало интереса и что самые важные вопросы принимались безъ преній [2]). Беньо, который даетъ такое обстоятельное описаніе работъ комиссіи и старается представить ихъ въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, вынужденъ однако сознаться, что время, посвященное обсужденію хартіи, было слишкомъ коротко [3]).

Главную причину отмѣченнаго явленія слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, искать въ самомъ характерѣ той задачи, которая выпала на долю комиссіи. Ей не пришлось создавать новаго плана государственнаго переустройства, а лишь формулировать готовые принципы, частью уже провозглашенные въ прежнихъ декларацiяхъ короля, частью настолько общепризнанные, что они, для того чтобы стать элементами дѣйствующаго права, нуждались только въ юридическомъ выраженіи и въ закрѣпленіи законодательнымъ актомъ.

Сравнительная легкость и быстрота, съ которой комиссія окончила свою работу, объясняется и тѣмъ, что въ ея задачу не входило составить детальный проектъ конституціоннаго устройства, а намѣтить лишь его общіе принципы, ожидая отъ практики ихъ

---

[1]) «En parcourant les variantes du texte de la Charte on est presque partout surpris de leur peu d'intérêt. Les discussions dont elles sont la trace ne semblent pas avoir porter sur les principes mais sur des questions de forme. En un mot la lecture des variantes donne aux débats l'allure d'une simple discussion phraseologique». Simon, p. 125.

[2]) Si jamais ces pièces sont données au public, on sera sans doute étonné que des dispositions qu'on a cru être le résultat des débats les plus profonds ont passé en quelque sorte inaperçus. Les articles sur la liberté des cultes, sur la liberté de la presse, sur le droit électoral ont été à peine discutés. Que de fois cependant on a dit depuis: «L'intention du législateur est évidente, sa profonde sagesse a certainement voulu que»... Pasquier, Mémoires, t. II, p. 415.

[3]) Beugnot, Mémoires, 486.

дальнѣйшаго развитія и разработки. Беньо свидѣтельствуетъ, что планъ, одобренный королемъ для составленія конституціи, заключался въ томъ, чтобы хартія ни въ какія подробности и детальныя постановленія не входила, а опредѣляла общія начала, предоставляя времени и опыту выводить изъ нихъ послѣдствія.

Успѣшному и быстрому ходу работъ содѣйствовалъ и составъ комиссіи, большинство членовъ которой были политическими единомышленниками. Она состояла изъ убѣжденныхъ конституціоналистовъ, которые не скрывали своей солидарности съ основными началами сенатской конституціи. Если правительственные комиссары въ лицѣ Дамбре, Монтескіу и Феррана не раздѣляли этихъ воззрѣній, то они образовали меньшинство и, слѣдуя инструкціи короля, требовавшаго согласованности ихъ точки зрѣнія съ началами, провозглашенными въ Сентъ-Уанской декларації, по всѣмъ существеннымъ пунктамъ, должны были силою вещей уступать и приноравливаться къ принципамъ, преобладавшимъ среди членовъ комиссіи. «Большинство членовъ комиссіи, говоритъ Ферранъ [1]), хотѣли добра, но они понимали это добро въ духѣ либеральныхъ идей, мы же не могли и не должны были съ ними бороться, — самое большое, что мы могли сдѣлать, это ихъ видоизмѣнять, и то не забывая, что эти либеральныя идеи служатъ основой Сентъ-Уанской декларації, которой мы должны были придерживаться». Составъ комиссіи и данные ей Сентъ-Уанской декларацією директивы служили такимъ образомъ ручательствомъ тому, что крайнія проявленія роялистическихъ тенденцій не найдутъ себѣ въ ней поддержки, а скорѣе встрѣтятъ серьезный отпоръ. И дѣйствительно мы уже не находимъ въ окончательномъ текстѣ хартіи, какъ онъ вышелъ изъ совѣщаній комиссіи, тѣхъ постановленій, которыя мы подчеркнули въ проектѣ Монтескіу, отмѣчая его реакціонныя тенденціи. Не вошли въ этотъ текстъ статьи, постановлявшія, что члены законодательнаго корпуса будутъ назначаться королемъ: эти статьи были замѣнены опредѣленіями, построенными на противоположномъ началѣ — началѣ выборовъ [2]).

Вполнѣ опредѣленный отпоръ встрѣтила въ комиссіи и та статья проекта Монтескіу, которая гласила, что законодательная инициатива принадлежитъ королю и только ему. Противъ этого опредѣленія высказалось большинство комиссіи и опять же настолько рѣшительно, что правительству пришлось пойти на уступки. И послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ преній, занявшихъ почти два засѣданія, комиссія приняла постановленія, въ силу

[1]) Ferrand, Mémoires, p. 74.
[2]) Beugnot, Mémoires, p. 522.

которыхъ за палатами было признано право ходатайствовать передъ королемъ о внесеніи имъ законопроекта по любому вопросу съ указаніемъ на желательное содержаніе проекта.

Настояла комиссія и на измѣненіи постановленія, касавшагося свободы вѣроисповѣданія. Если сенатская конституція въ § 22 гарантировала свободу совѣсти и вѣроисповѣданія и обезпечивала содержаніе изъ казны духовенству всѣхъ вѣроисповѣданій, то проектъ Монтескіу объявлялъ католицизмъ государственной религіей и лишь католическое духовенство обезпечивалъ жалованьемъ изъ государственныхъ суммъ. Это постановленіе проекта вызвало горячіе протесты со стороны либеральной партіи. Возникшія по этому вопросу разногласія были наконецъ улажены компромисснымъ рѣшеніемъ. Правительственные комиссары настояли на сохраненіи принципа, который провозглашалъ католическую вѣру господствующей религіей, но взамѣнъ этой уступки согласились возстановить то опредѣленіе сенатской конституціи, которое гарантировало содержаніе изъ казны духовенству всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій безразлично.

На преобладаніе въ комиссіи либеральныхъ идей и на уступчивость правительственныхъ комиссаровъ имѣло несомнѣнно вліяніе и присутствіе въ Парижѣ союзниковъ и въ особенности императора Александра. Они зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы при обсужденіи хартіи не одержало верхъ реакціонное направленіе и чтобы либеральные принципы, возвѣщенные королемъ, нашли себѣ осуществленіе.

«Изучая событія этой эпохи», говоритъ Паскье[1]), «никогда не должно терять изъ вида, что въ умахъ всѣхъ государей господствовала глубокая увѣренность въ томъ, что Франція можетъ остаться спокойной лишь подъ этимъ условіемъ. Королю и его просвѣщенному взгляду на вещи довѣряли, но внушала подозрѣніе партія роялистовъ, тенденціи которыхъ, отличныя отъ намѣреній короля, достаточно ярко обнаружились въ бытность графа д'Артуа генеральнымъ намѣстникомъ короля». И вотъ почему императоръ Александръ не хотѣлъ покинуть Парижа, пока не получитъ увѣренности въ томъ, что хартія будетъ редактирована въ желательномъ духѣ и что ничто не помѣшаетъ ея промульгаціи [2]).

---

[1]) Pasquier, Mémoires II, p. 414.

[2]) Тамъ же, т. II, p. 439. Интересное показаніе Витроля: «Le travail de la commission se ressentait de la précipitation qui lui était imposée. Les souverains alliés pensaient que leur glorieuse tâche ne serait accomplie qu'au moment ou le Roi aurait fixé par la loi fondamentale les destinées politiques de la France et serré les nœuds qui devaient l'unir plus intimement à ses peuples par la conciliation des devoirs et des droits. En même temps chacun des princes était sous l'impérieuse nécessité qui le rappelait dans ses Etats». Vitrolles, Mémoires, t. II, p. 273.

Вмѣшательствомъ союзниковъ въ занятія комиссіи и объясняется то, что она должна была закончить свои работы ранѣе предположеннаго срока, не исчерпавъ всей намѣченной программы и не успѣвъ внести въ хартію всѣхъ предположенныхъ ею по первоначальному плану постановленій. 26-го мая комиссія собралась на шестое собраніе, и ея секретарь Беньо разсчитывалъ имѣть еще нѣсколько засѣданій, на которыхъ должна была быть обсуждена послѣдняя глава хартіи (Droits particuliers garantis par l'Etat) и выработанный имъ планъ выборовъ въ законодательный корпусъ. Но въ этотъ день прусскій министръ Бюловъ заявилъ Беньо, что необходимо, чтобы, въ виду предстоящаго 5-го іюня отъѣзда союзныхъ государей, комиссія завтра же закончила свои работы надъ конституціей. Беньо передалъ это категорическое требованіе союзниковъ правительственнымъ комиссарамъ. Послѣдніе безропотно ему подчинились. Они въ тотъ же день объявили членамъ комиссіи, что завтрашнее засѣданіе будетъ послѣднимъ и что на немъ комиссія должна подвести окончательный итогъ своимъ занятіямъ [1]). И дѣйствительно 26-го мая состоялось заключительное засѣданіе комиссіи, на которомъ наскоро была обсуждена послѣдняя глава хартіи и принята безъ преній. Отъ обсужденія порядка выборовъ, плановъ которыхъ былъ заготовленъ Беньо, пришлось совершенно отказаться. Не удосужилась комиссія на этомъ заключительномъ засѣданіи и прочесть выработанный ею проектъ въ цѣломъ и ограничилась тѣмъ, что въ заключеніе выслушала рѣчь Дамбре. Въ этой рѣчи канцлеръ благодарилъ членовъ комиссіи за ихъ отношеніе къ порученному имъ дѣлу и заявилъ, что они краткость отведеннаго имъ времени возмѣстили сторицей своимъ усердіемъ и своимъ исключительнымъ рвеніемъ...

---

[1]) Объ этомъ вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ, поведшемъ къ преждевременному закрытію комиссіи Беньо передаетъ слѣдующія подробности: «Il (le baron Bulow) m'apprit qu'il venait de dîner avec les Souverains, dont le départ dans trois jours était définitivement arrêté. Je me recriai, parce que je savais, qu'il avait été convenu qu'ils ne sortiraient pas de Paris avant que la Constitution y eut été publiée, et je protestai que nous ne serions pas prêts avant cinq jours». «Il faut, me répondit froidement Bulow, que vous ayez fini demain, que la Constitution soit proclamée le 4». — Je me le tiens pour dit, et au départ de M. de Bulow, j'accours tout effaré chez M. Ferrand; je lui raconte notre mésaventure. «Eh bien, me répondit-il froidement, il faut tout finir demain; vous devez être prêts. — Non pour ce qui tient aux élections, je ne suis pas sûr de quelques articles qui ne sont que projetés et qui demandent encore des vérifications. J'aurais ensuite à en faire le rapport à M. l'abbé de Montesquiou pour que vous les soumettiez, si vous les adoptez, à l'approbation du Roi avant qu'ils puissent être présentés à la Commission. De plus il reste à discuter le chapitre intitulé: Droits particuliers garantis par l'Etat; à relire le travail entier. — Il ne faut plus, reprit M. Ferrand songer à rien ajouter au chapitre des élections. Demain à l'entrée de la séance nous préviendrons M. l'abbé de Montesquiou et nous nous arrangerons pour tout finir». Beugnot, Mémoires, p. 540, 541.

IV.

Государственные акты, внушенные началомъ легитимизма, и официальныя заявленія, провозглашающія доктрину монархическаго принципа. Предисловіе къ хартіи и исторія его происхожденія. Промульгація хартіи 4-го іюня. Адресы палатъ.

Мы прослѣдили исторію конституціоннаго акта 1814 г. вплоть до заключительнаго засѣданія комиссіи, изготовившей его окончательный текстъ. Хотя въ разработкѣ хартіи принимали самое близкое участіе рядъ сторонниковъ старой монархіи, мы, однако, не могли на этомъ длинномъ пути отмѣтить ни одного публичнаго заявленія, которое открыто провозглашало бы доктрину монархическаго принципа. Если либеральныя конституціонныя начала нашли себѣ выраженіе и въ рѣчи графа д'Артуа 14-го марта, и въ Сентъ-Уанской декларацiи 3-го мая, то принципы старой монархіи пока ни въ одномъ официальномъ актѣ возвѣщены не были.

Не нашли они себѣ мѣста и въ выработанномъ комиссіей текстѣ конституціи.

Хотя тенденція, клонившаяся къ усиленію королевской власти въ ущербъ авторитету народнаго представительства, и проявилась въ текстѣ конституціи съ достаточной отчетливостью, тѣмъ не менѣе принципы легитимизма и начала монархическаго самодержавія въ немъ прямого признанія не получили. Тѣ статьи проекта Монтескіу, которыя замѣнили 1 и 2 статьи сенатской конституціи и которыя опредѣляли установленный во Франціи монархическій образъ правленія и существующій въ ней порядокъ престолонаслѣдія, были, какъ мы видѣли, вычеркнуты на первомъ же засѣданіи комиссіи. Онѣ были замѣнены постановленіями, опредѣлявшими основныя права гражданъ, и озаглавлены — «Публичное право французовъ». Помѣщая эти постановленія до статей, опредѣлявшихъ формы правленія короля, редакторы хартіи, очевидно, признавали первостепенное значеніе гарантированныхъ ими правъ и независимость этихъ правъ отъ установленныхъ властей. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ Беньо отведенное имъ въ хартіи мѣсто. «Было найдено», говоритъ онъ, «соотвѣтствующимъ идеямъ, положеннымъ въ основаніе хартіи, начать съ опредѣленія основныхъ правъ французовъ и помѣстить ихъ до статей, установляющихъ формы правленія, ибо эти права признавались независимыми отъ этихъ формъ[1]).

[1]) Beugnot, Mémoires, p. 500. Ср. совершенно правильныя замѣчанія по этому вопросу у Heinrich Meisner: «Die Lehre vom monarchischen Prinzip im Zeitalter der Restauration und des deutschen Bundes». Breslau, 1913. SS. 49 und 50.

Какъ бы то ни было, изъ хартіи были вычеркнуты статьи, провозглашающія легитимистическій принципъ и ихъ мѣсто заняли опредѣленія, закрѣпившія неотъемлемыя и независимыя отъ произвола законодателя права гражданъ.

Сторонники доктрины монархическаго начала, очевидно, не спѣшили выступать съ открытымъ провозглашеніемъ своихъ принциповъ. Они предпочитали молчать, пока не получатъ увѣренности въ безопасности такого провозглашенія. Они рѣшили отложить свои выступленія до того времени, когда общественное мнѣніе успокоится подъ впечатлѣніемъ дарованной конституціи, и когда отъѣздъ союзныхъ государей изъ Парижа гарантируетъ имъ больше независимости и самостоятельности.

Они, однако, не бездѣйствовали и въ мѣру своихъ силъ и своего разумѣнія принялись за подготовленіе задуманныхъ ими актовъ.

Обсужденіемъ этихъ актовъ занялось особое совѣщаніе, которое было составлено изъ ближайшихъ совѣтниковъ Людовика XVIII и собиралось въ кабинетѣ короля подъ его личнымъ предсѣдательствомъ. Имѣвшія здѣсь мѣсто пренія происходили въ глубокой тайнѣ. Въ нихъ, между прочимъ, принялъ участіе Беньо, который и даетъ намъ о нихъ довольно обстоятельный отчетъ.

Мы на нихъ подробнѣе остановимся, ибо они знакомятъ насъ съ главными положеніями доктрины монархическаго принципа въ томъ фазисѣ ея развитія, какой она въ это время достигла въ умахъ роялистовъ, окружавшихъ Людовика XVIII.

Прежде всего былъ разсмотрѣнъ вопросъ о наименованіи хартіи. Дамбре настаивалъ на томъ, чтобы выработанный актъ былъ названъ «Ordonnance de réformation»; разъ мы, разсуждалъ онъ, признаемъ въ хартіи односторонній актъ самодержавнаго короля, мы и должны отмѣтить его соотвѣтствующимъ именемъ и назвать его королевскимъ указомъ. Ферравъ же предлагалъ присвоить ему наименованіе конституціоннаго акта. Беньо возражалъ какъ противъ того, такъ и противъ другого мнѣнія. Отвѣчая на аргументы Дамбре, онъ доказывалъ, что, если въ древней французской юриспруденціи терминъ «указъ» и употребляется, то примѣнялся онъ лишь къ законамъ, имѣвшимъ въ виду то или другое, частное злоупотребленіе, но никакъ не къ актамъ, имѣвшимъ цѣлью коренное преобразованіе государства, каковымъ присвоивалось особое наименованіе хартіи. Это наименованіе и приличествуетъ поэтому болѣе всего выработанному комиссіей основному закону. Нельзя присоединиться и къ мнѣнію Феррана, продолжалъ Беньо, и назвать его конституціей, нельзя этого сдѣлать потому, что этимъ терминомъ

именуются лишь тѣ акты, которые или предполагаютъ соглашеніе между монархомъ и народными представителями для совмѣстнаго установленія новаго порядка вещей или представляютъ собою самостоятельное рѣшеніе народа, или его представительства». Актъ же, о которомъ идетъ рѣчь, не является результатомъ соглашенія между королемъ и кѣмъ бы то ни было, а вытекаетъ непосредственно изъ королевскаго авторитета, свободно и добровольно дарующаго народу тѣ вольности, которыя онъ признаетъ умѣстными и своевременными[1]).

Это мнѣніе Беньо одержало верхъ и совѣщаніе рѣшило назвать выработанный актъ конституціонной хартіей, другими словами, сохранить то наименованіе, которое было по иниціативѣ Таллейрана присвоено сенатской конституціи [2]).

Большое значеніе придало совѣщаніе и вопросу о томъ, какимъ годомъ должна быть помѣчена даруемая королемъ хартія. Разъ признается возстановленной древняя французская монархія, разсуждало совѣщаніе, необходимо признать и тотъ ея основной принципъ преемства престола, по которому власть переходитъ въ нисходящемъ мужскомъ поколѣніи безъ перерыва. Le mort saisit le vif. Le Roi est mort, vive le Roi. Необходимо поэтому вести лѣтосчисленіе царствованія Людовика XVIII не съ его фактическаго вступленія на престолъ, а съ момента смерти Людовика XVII. Если же король будетъ исчислять годы своего царствованія лишь съ того момента, когда онъ началъ фактически осуществлять свою власть, т.-е. съ момента его призванія, то получится представленіе, будто онъ эту власть черпаетъ не въ присущемъ ему въ силу происхожденія правѣ, а въ авторитетѣ призвавшаго его на престолъ народа [3]).

Гораздо болѣе серьезное значеніе имѣлъ вопросъ о порядкѣ утвержденія и промульгаціи хартіи. Взглядъ на хартію, какъ на свободный и односторонній актъ короля, требовалъ ея публикаціи въ формѣ королевскаго указа, издаваемаго помимо народнаго голосованія и безъ согласія парламента. Заявленія же, сдѣланныя королемъ въ Сентъ-Уанской декларації, связали его обѣщаніемъ — представить на благоусмотрѣніе палатъ конституціонный проектъ, выработанный имъ при содѣйствіи комиссіи, образованной изъ сенаторовъ и депутатовъ.

Съ этимъ требованіемъ правительство находило тѣмъ болѣе необходимымъ считаться, что среди членовъ законодательнаго корпуса

---

[1]) Beugnot, Mémoires, p. p. 543 et suiv.
[2]) Pasquier, Mémoires, t. II, p. 319.
[3]) Beugnot, Mémoires, p. 545.

назначеніе королемъ членовъ комиссіи помимо палатъ и келейный способъ обсужденія хартіи вызвали громкое неудовольствіе[1]): было поэтому признано необходимымъ дать въ той или другой формѣ удовлетвореніе общественному мнѣнію, выразившемуся въ настроеніи второй палаты, и успокоить поднявшійся въ законодательномъ корпусѣ ропотъ.

Въ виду этихъ соображеній совѣщаніе рѣшило хартію пока вовсе не публиковать ни въ формѣ королевскаго указа, ни въ формѣ соглашенія, состоявшагося между королемъ и палатами, а держать ее на степени предложенія, дѣлаемаго королемъ палатамъ. Въ качествѣ такого предложенія хартія должна была быть напечатана въ двухъ экземплярахъ и послана Сенату и законодательному корпусу съ предложеніемъ о ней высказаться. Палаты, разсуждало далѣе совѣщаніе несомнѣнно одобрятъ конституцію и это свое одобреніе выскажутъ въ формѣ адреса на имя короля. Получится, такимъ образомъ, формальный актъ, въ которомъ палаты выразятъ свое согласіе на хартію. Этотъ планъ утвержденія и публикаціи хартіи имѣлъ въ глазахъ совѣщанія лишь то неудобство, что онъ не исключалъ возможности обсужденія хартіи въ палатахъ, но эта возможность представлялась мало вѣроятной въ виду послѣднихъ донесеній о настроеніи въ законодательномъ корпусѣ, значительно измѣнившемся къ лучшему. Беньо считалъ даже возможнымъ рѣшительно заявить совѣщанію, что нѣтъ болѣе никакого основанія ожидать какихъ-нибудь оппозиціонныхъ выступленій, и увѣрилъ короля, что торжественное засѣданіе 4-го іюня пройдетъ несомнѣнно совершенно гладко, безъ всякихъ инцидентовъ[2]).

---

[1]) Dans le bulletin de police des 27 et 28 Mai (Simon, p. p. 103 et 104) on signalait déjà des réunions quotidiennes de députés dans la bibliothèque du Corps législatif: «On y manifeste de l'humeur de ce que le Corps législatif n'a pas été appelé à nommer la commission chargée de l'examen de la constitution. Ce n'est point une commission, dit-on, c'est un comité, puisque c'est le Roi qui l'a formé et non le Corps législatif»... Cette opposition d'abord sans importance prenait assez vite de l'extension. On parlait de combattre certains articles de la constitution le jour même de la séance royale, de réclamer dans l'adresse du Corps législatif au Roi l'envoi de la constitution à l'acceptation de l'assemblée.

[2]) On a tout à fait abandonné l'idée de réunir las collèges électoraux, mais on espère une adresse des deux Chambres, et on la désire avant de publier et même d'imprimer l'ordonance en lui donnant les formes définitives. (Lettre de Dambray à Beugnot, citée chez Simon p. 109). Vous penserez comme moi que cette forme réduit en quelque sorte l'ordonnance, dont la rédaction était tout à fait royale, à l'état informe d'un simple projet, sur lequel on n'invite ni la Chambre des pairs, ni celle des députés à delibérer, mais qu'elles pourront soumettre à leur délibération. C'est là sans doute un inconvient grave, mais on est décidé à le braver. On ne doute pas au reste que n'arrivent tout de suite des adhésions des deux corps, qu'on si propose ensuite de relater dans l'ordonnance en l'achevant par l'addition des formes qu'on supprime pour le moment

Указанный планъ и получилъ одобреніе на совѣщаніи и соотвѣтственно ему послѣдній абзацъ хартіи былъ редактированъ слѣдующимъ образомъ: «Мы предписываемъ, чтобы настоящая конституціонная хартія, представленная на воззрѣніе (mise sous les yeux) Сенату и законодательному корпусу, согласно нашей декларації отъ 2-го мая, безъ замедленія была бы отослана Палатѣ перовъ и Палатѣ депутатовъ [1]).

Послѣ того, какъ былъ установленъ порядокъ утвержденія и промульгаціи конституціоннаго акта, предстояло изготовить для него предисловіе, т.-е. манифестъ, въ которомъ король объяснилъ мотивы и цѣли, руководившіе имъ при дарованіи своему народу хартіи вольностей. Въ немъ доктрина монархическаго принципа и должна была получить наиболѣе яркое выраженіе.

Совѣщаніе поручило это важное дѣло Беньо. Послѣдній, однако, уклонился отъ него и, не довѣряя своимъ силамъ, попросилъ Фонтана взять его на себя. Каково же было его огорченіе и разочарованіе, когда Фонтанъ не только запоздалъ вручить ему предисловіе, доставивъ его ему лишь 3-го іюня поздно вечеромъ, но когда и оказалось, что оно совершенно непригодно для той цѣли, для которой оно предназначалось. «Предисловіе, по словамъ Беньо, заключало въ себѣ возвышенныя идеи, облеченныя въ краснорѣчивыя формы, но эти мысли были слишкомъ общи, а эти формы страдали излишней пышностью». Беньо долженъ былъ убѣдиться, что въ такомъ видѣ предисловіе не произведетъ должнаго впечатлѣнія, его нужно было основательно переработать. Несмотря на поздній часъ Беньо принялся за этотъ нелегкій трудъ и, просидѣвъ за нимъ всю ночь,

---

et auxquelles on est bien décidé à revenir. Il résulte de cette forme qu'il n'y aura rien d'imprimé avant la séance et qu'il ne sera fait que deux copies, l'une pour la Chambre des pairs, l'autre pour celle des députés.

Въ помѣщенныхъ донесеніяхъ 1-го, 2-го и 3-го іюня мы между прочимъ читаемъ: «Il y a eu hier beaucoup de bavardage au Corps legislatif; il y en aura encore beaucoup aujourd'hui; il n'y aura pas autre chose. Tout se passera demain comme on le désire. Après la séance le Roi recevra une adresse, il se peut seulement que, lorsqu'il s'agira de voter cette adresse, ou après l'avoir votée il s'élève quelques voix pour demander que le Roi soit supplié d'envoyer la Charte constitutionnelle à l'acceptation, mais il n'est pas probable qu'une telle motion ait la majorité». (Цит. у Simon, p. 109).

[1]) Въ первоначальномъ текстѣ за этими словами слѣдовали еще слѣдующія строки: адресовать всѣмъ нашимъ судамъ, административнымъ учрежденіямъ, муниципалитетамъ и другимъ властямъ королевства... Заключающееся въ этихъ строкахъ распоряженіе было затѣмъ, послѣ принятія хартіи палатами, замѣнено особыми ордонансами; на это мы находимъ указаніе у Duvergier «Lois et Decrets», t. XIX, p. 88, прим. 4, въ которомъ говорится, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сохранился ордонансъ отъ 7 іюня 1814 года, въ силу котораго хартія должна быть разослана во всѣ муниципалитеты королевства pour y être lue et enrégistrée.

къ утру изготовилъ новое предисловіе[1]), имѣвшее очень мало общаго съ первоначальнымъ текстомъ Фонтана. Беньо разсудилъ,

[1]) Приведемъ здѣсь en regard оба текста.

Первоначальный текстъ Фонтана.

La Providence, en nous rétablissant sur le trône de nos pères, nous imposa de grandes obligations. La paix avec l'Europe était le premier besoin de nos sujets: nous l'avons signée. Une Charte constitutionnelle était attendue: nous l'avons promise: nous la publions.

Окончательный текстъ Беньо.

La divine Providence, en nous rappelant dans nos Etats après une longue absence, nous a imposé de grandes obligations. La paix était le premier besoin de nos sujets: nous nous en sommes occupés sans relâche; et cette paix si nécessaire à la France comme au reste de l'Europe est signée. Une Charte constitutionnelle était sollicitée par l'état actuel du royaume; nous l'avons promise, et nous la publions.

Nous avons considéré que, bien que l'autorité toute entière résidât en France dans la personne du Roi, nos prédécesseurs n'avaient point hésité à en modifier l'exercice, suivant la différence des temps; que c'est ainsi que les communes ont dû leur affranchissement à Louis le Gros, la confirmation et l'extension de leurs droits à Saint-Louis et à Philippe le Bel; que l'ordre judiciaire a été établi et dévelóppé par les lois de Louis XI, de Henri II et de Charles IX; enfin que Louis XIV a réglé presque toutes les parties de l'administration publique par différentes ordonnances dont rien encore n'avait surpassé la sagesse. Nous avons dû à l'exemple des Rois nos prédecesseurs apprécier les effets des progrès toujours croissants des lumières, les rapports nouveaux que ces progrès ont introduits dans la société, la direction imprimée aux esprits depuis un demi-siècle, et les graves altérations qui en sont résultées: nous avons reconnu que le vœu de nos sujets pour une Charte constitutionnelle était l'expression d'un besoin réel; mais en cedant à ce vœu, nous avons pris toutes les précautions pour que cette Charte fût digne de nous et du peuple auquel nous sommes fiers de commander. Des hommes sages, pris dans les premiers corps de l'Etat, se sont réunis à des commissaires de notre Conseil pour travailler à cet important ouvrage. En même temps que nous reconnaissions qu'une constitution libre et monarchique devait remplir l'attente de l'Europe éclairée, nous avons dû nous souvenir aussi que notre premier

Des hommes sages, pris dans les premiers corps de l'Etat, se sont réunis à ceux de notre Conseil pour terminer ce grand ouvrage. Nous n'avons point oublié qu'une constitution à la fois libre et monarchique devait remplir les vœux d'un siècle éclairé; mais nous avons dû nous souvenir aussi que notre premier devoir envers nos peuples était de

что въ редакціи Фонтана доктрина монархическаго принципа не нашла себѣ достаточно яркаго выраженія и что она заслонена

conserver, pour leur propre intérêt, toutes les prérogatives de notre couronne.

En effet l'histoire atteste que la royauté d'âge en âge, et même aux temps les plus barbares, aida puissamment les français à recouvrir leurs franchises et leurs droits. Sans remonter au delà du règne de nos ayeux, Philippe le Bel affranchit les communes en achevant ce qu'avait commencé Louis le Gros. Cette heureuse innovation en produisit de plus heureuses encore. Elle mit dès lors dans la masse de la nation plus de lumière, avec plus de propriété et d'industrie.

Ce premier exemple d'une politique vraiment royale fut imité par tous les rois qui nous précédèrent et c'est à leurs efforts que la civilisation toujours perfectionnée doit les développements et l'éclat dont le siècle est si fier aujourd'hui.

Quand la sagesse des Rois s'accorde librement avec les vœux des peuples, leur ouvrage mutuel est de longue durée, mais quand l'anarchie en tumulte arrache à la faiblesse du gouvernement des concessions trop populaires, la liberté publique est aussi menacée que le trône même.

L'autorité suprême peut seule donner aux institutions qu'elle adopte et qu'elle établit la force, la permanence et la majesté dont elle est revêtue.

Un pouvoir supérieur à celui des peuples et des monarques fit les sociétés et jetta sur la face du monde des gouvernements divers; il faut plutôt en diriger la marche qu'en expliquer les principes. Plus leurs bases sont anciennes et plus elles sont vénérables; qui veut trop les chercher s'égare; qui les touche de trop près devient imprudent et peut tout ébranler. Le sage les respecte et baisse la vue devant cette auguste obscurité qui doit couvrir le mystère social comme les mystères religieux.

Mais s'il est des voiles que la prudence humaine ne doit pas lever, il est pour tous les citoyens des droits incontestables qui se manifestent à tous les yeux.

Ces droits sacrés sont clairement énoncés dans la présente Charte constitutionnelle.

devoir envers nos peuples était de conserver, pour leur propre intérêt, les droits et les prérogatives de notre couronne. Nous avons espéré qu'instruits par l'expérience ils seraient convaincus que l'autorité suprême peut seule donner aux institutions qu'elle établit la force et la permanence et la majesté dont elle est elle-même revêtue;

qu'ainsi, lorsque la sagesse des Rois s'accorde librement avec le vœu des peuples, une charte constitutionnelle peut être de longue durée; mais que, quand la violence arrache des concessions à la faiblesse du Gouvernement, la liberté publique n'est pas moins en danger que le trône même.

въ ней туманными разсужденіями на общія политическія темы, не имѣющія къ ней прямого отношенія. Онъ поэтому вычеркнулъ

Ainsi la loi est égale pour tous. Chacun doit contribuer aux charges publiques sans distinctions de rang et dans la proportion de sa fortune. La liberté individuelle et la liberté des consciences sont assurées. Toutes les carrières doivent être ouvertes à tous les talents et à toutes les vertus.

L'impôt est consenti librement par les députés du peuple, seule et vraie garantie contre les abus de l'autorité. Deux corps puissants dont le pouvoir se divise et se balance autour du trône qui les domine, sont institués pour défendre ces privilèges communs à tous et que proclament à haute voix la nature et la raison.

Nous avons vu dans le renouvellement de la pairie une institution déjà toute française et qui doit plaire à tous les souvenirs en réunissant pour ainsi dire les temps anciens et les temps modernes. Les principes des bonnes constitutions sont ceux qu'on retrouve dans le caractère et les usages nationaux. A ces lois fondamentales, faites pour l'avenir comme pour le présent, nous avons cru nécessaire d'ajouter quelques dispositions passagères, les circonstances l'exigeaient.

Quand les signaux de la patrie ont disparu, nul ne peut être sûr de sa route au milieu des tempêtes politiques; notre cœur paternel veut répondre á l'amour dont nous recevons tant de témoignages en ne prononçant que des paroles de paix et de consolation. Que le passé disparait qu'aucun souvenir amer ne trouble la sécurité qui doit suivre l'acte de restauration.

Sûrs de nos intentions, forts de notre conscience, nous promettons d'être fidèles a cette Charte constitutionnelle devant l'assemblée qui nous écoute nous réservant d'en jurer le

Nous avons enfin cherché les principes de la charte constitutionnelle dans le caractère français et dans les monuments vénérables des siècles passés. Ainsi nous avons vu dans le renouvellement de la pairie une institution vraiment nationale, et qui doit lier tous les souvenirs à toutes les espérances, en réunissant les temps anciens et les temps modernes.— Nous avons remplacés par la Chambres des députés ces anciennes assemblées des Champs de Mars et de Mai, et ces Chambres du tiers-état, qui ont si souvent donné tout à la fois des preuves de zèle pour les intérêts du peuple, de fidélité et de respect pour l'autorité des Rois. En cherchant ainsi à renouer la chaîne des des temps, que de funestes écarts avaient interrompue, nous avons effacé de notre souvenir, comme nous voudrions qu'on pût les effacer de l'histoire, tous les maux qui ont affligé la patrie durant notre absence.

Heureux de nous rertouver au sein de la grande famille, nous n'avons su répondre à l'amour dont nous recevons tant de témoignages, qu'en prononçant des paroles de paix et de consolation. Le vœu le plus cher à notre cœur, c'est que tous les Français vivent en frères et que jamais aucun souvenir amer ne trouble la sécurité qui doit suivre l'acte solennel que nous leur accordons aujourd'hui.

Sûrs de nos intentions, forts de notre conscience, nous nous engageons devant l'assemblée qui nous écoute à être fidèle à cette Charte constitutionnelle, nous réservant d'en jurer

изъ проекта Фонтана всю эту, какъ онъ выражался, «политическую метафизику».

Беньо призналъ также лишнимъ и изложеніе въ предисловіи конституціонныхъ началъ, находя, что эти начала были уже съ достаточной ясностью провозглашены отъ имени короля въ рѣчи графа д'Артуа 14-го марта и въ особенности въ королевской декларации 3-го мая. Сокративъ въ этихъ частяхъ разсужденія Фонтана, онъ въ другихъ мѣстахъ распространилъ ихъ. Онъ, между прочимъ, развилъ тѣ мысли Фонтана, которыя доказывали, что сильная верховная власть является наиболѣе надежной опорой государственнаго порядка, что этотъ порядокъ тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ онъ безспорнѣе покоится на взаимномъ довѣріи короля и народа и чѣмъ болѣе онъ соотвѣтствуетъ національнымъ особенностямъ страны и ея историческимъ традиціямъ. Заимствуя у Фонтана эти мысли, онъ, однако, значительно ихъ заостряетъ и выражаетъ въ болѣе яркихъ и выпуклыхъ формулахъ. Къ такимъ формуламъ принадлежатъ и тѣ строки предисловія, въ которыхъ онъ проводитъ различіе между государственной властью, принадлежащей полностью и неизмѣнно королю, и между ея временными полномочіями, довѣряемыми имъ учрежденіямъ, полномочіями, мѣняющимися согласно условіямъ времени [1]). Беньо же принадлежитъ и знаменательная заключительная формула, въ которой находитъ себѣ наиболѣе полное и ясное выраженіе принципъ октроированнаго порядка, формула, гласящая: «по всѣмъ этимъ причинамъ мы добровольно и свободнымъ осуществленіемъ своей королевской власти даровали и даруемъ, уступаемъ и жалуемъ нашимъ подданнымъ, какъ за себя, такъ и за наслѣдниковъ нашихъ и навсегда конституціонную хартію, которая слѣдуетъ».

Послѣ того, какъ Беньо провелъ всю ночь за составленіемъ предисловія, онъ на слѣдующее утро отправился къ королю. «Я представилъ ему», разсказываетъ Беньо, «три экземпляра хартіи, я держалъ въ рукахъ четвертый и обратился къ Его Величеству

---

maintient avec une nouvelle solennité devant l'Autel Celui qui peut seul confirmer le pacte social et qui jugera un jour les nations et les rois.

le maintien, avec une nouvelle solennité devant les auteles d Celui qui pèse dans la même balance les rois et les nations.

A ces causes nous avons volontairement et par le libre exercice de notre autorité royale accordé et accordons, fait concession et octroi à nos sujets, tant pour nous que pour nos successeurs, et à toujours, de la Charte constitutionnelle qui suit.

[1]) Bien que l'autorité tout entière résidat en France dans la personne du Roi, nos prédecesseurs n'avaient point hésité à en modifier l'exercice suivant la différence des temps.

съ вопросомъ, не позволитъ ли онъ мнѣ приступить къ его чтенію. Здѣсь же присутствовали и министры. Король взглянулъ на часы и сказалъ: — Въ нашемъ распоряженіи слишкомъ мало времени. — «Но введеніе въ хартію»,—позволилъ я себѣ замѣтить,—представляетъ собою нѣчто новое и нуждается въ утвержденіи короля».— Да,—отвѣтилъ Людовикъ XVIII,— но мы вамъ довѣряемъ и я знаю, что вы знатокъ въ этомъ дѣлѣ (Oui, nous avons confiance en vous, et je sais que vous êtes passé maître en ce point).— Я поклонился въ знакъ признательности... Расшитые мундиры нахлынули въ кабинетъ и скоро заполонили его: государственныя дѣла почтительно (humblement) уступили мѣсто придворному церемоніалу» [1]).

Людовикъ XVIII не полюбопытствовалъ узнать, въ чемъ содержаніе предисловія: онъ даже не взглянулъ на него. Королевскій манифестъ сталъ государственнымъ актомъ безъ утвержденія монарха и былъ возвѣщенъ палатамъ прежде чѣмъ Людовикъ XVIII успѣлъ съ нимъ познакомиться.

Довѣривъ составленіе Préambule умному и опытному чиновнику [2]), Людовикъ XVIII отнесся довольно равнодушно къ его редакціи и мало интересовался ея формулами [3]). Онъ, очевидно, не подозрѣвалъ, что этимъ формуламъ будетъ придано такое исключительное значеніе, что они явятся исходной точкой для истолкованія юридической природы хартіи и послужатъ главной основой для построенія особой теоріи октроированнаго порядка.

Исторія выработки хартіи, подробно нами выше изложенная, и исторія вступленія въ хартію, только что нами указанная, показываютъ, что эти два совершенно разнородныхъ акта, разнородны по своимъ источникамъ, по положеннымъ въ ихъ основаніе началамъ, по своей юридической силѣ и по своему политическому значенію.

Хартія представляетъ собою въ своихъ основныхъ опредѣленіяхъ выраженіе политическихъ требованій умѣренно-либеральнаго большинства французскаго общества и лишь въ сравнительно второстепенныхъ постановленіяхъ своихъ испытала на себѣ вліяніе монархическихъ тенденцій ближайшихъ совѣтниковъ Людовика XVIII.

---

[1]) Beugnot, Mémoires, pp. 551, 552.

[2]) Беньо не только былъ опытный редакторъ, но человѣкъ, умѣвшій приноравливаться къ образу мыслей сильныхъ людей, которымъ онъ служилъ. Устойчивостью и стойкостью убѣжденіи онъ не отличался.

«Je n'ai jamais vu un homme de cette portée aussi dénué d'opinions arrêtées aussi flottant dans ses convictions. Chez lui le caractère n'était pas au niveau de l'esprit. Sans jamais sortir de la sphère des honnêtes gens, il manquait de courage politique et avait même assez de cynisme dans ses variations». Pasquier, p. 47.

[3]) «Sa Majesté n'attachait pas une grande importance à la rédaction des formules constitutionnelles. Vitrolles, Mémoires», t. II, pp. 241, 242.

Введеніе же есть манифестъ роялистовъ, въ которомъ они истолковываютъ представительный строй съ точки зрѣнія доктрины монархическаго принципа и въ который они, въ угоду общественному мнѣнію, вплетаютъ лишь нѣсколько либеральныхъ нотъ. Хартія восприняла принципы обновленной Франціи и въ своихъ юридическихъ формулахъ закрѣпила осадокъ политическаго опыта, вынесеннаго изъ революціи. Введеніе же воспроизводитъ политическое міросозерцаніе людей стараго режима и даетъ идеализацію того государственнаго порядка, который былъ разрушенъ этой революціей.

Не похожи другъ на друга эти два акта и по способу своего происхожденія. Хартія сложилась путемъ длительнаго процесса, первымъ звеномъ котораго была сенатская конституція, а заключительнымъ актомъ ея разсмотрѣніе въ парламентской комиссіи. Въ ея составленіи принимали участіе представители разнородныхъ политическихъ теченій, начиная съ членовъ сената, «цареубійцъ», Гарата и Грегуара и кончая правительственными комиссарами Дамбре и Ферраномъ. Введеніе же было произведеніемъ двухъ слугъ короля, призванныхъ формулировать офиціальную доктрину Бурбоновъ, и получила свою окончательную редакцію отъ чиновника, который ее скомпановалъ въ одну ночь, наканунѣ ея торжественнаго провозглашенія.

Хартія и введеніе не органическія части одного цѣлаго, а два во всѣхъ отношеніяхъ разнохарактерныхъ акта, лишь искусственно между собою спаянныхъ.

Существующее между ними глубокое противорѣчіе и было раскрыто различіемъ того пріема, который былъ оказанъ имъ на первомъ же торжественномъ засѣданіи палатъ въ присутствіи короля, которое состоялось 4-го іюня.

Хотя это засѣданіе, какъ предсказывалъ Беньо, и прошло вполнѣ благополучно и въ полномъ согласіи съ выработанной заранѣе программой, оно тѣмъ не менѣе было омрачено холоднымъ пріемомъ, которымъ отвѣтило большинство присутствующихъ на рѣчь Дамбре и на предисловіе къ хартіи.

Первымъ на этомъ засѣданіи говорилъ король, его краткое, но съ чувствомъ произнесенное привѣтственное слово вызвало единодушное одобреніе[1]). Послѣдовавшая же за нимъ длинная и витіеватая рѣчь канцлера Дамбре была выслушана въ молчаніи и возбудила всеобщее недоумѣнье, если не неудовольствіе[2]). «Прошло», читаемъ мы въ этой рѣчи, «много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Божественное

[1]) Simon, p. 113.
[2]) Archives parlementaires, II série, t. XII, p. 32 et 33.

Провидѣніе призвало нашего монарха на престолъ его предковъ. Въ эпоху его воцаренія Франція, сбитая съ пути ложными теоріями, раздробленная на партіи духомъ интриги, ослѣпленная призраками свободы, пала жертвой фракцій и стала поприщемъ крайностей и самыхъ ужасныхъ проявленій анархіи. Она послѣдовательно испробовала одну за другой всевозможныя формы правленія, пока тяжесть разразившихся надъ ней несчастій не вернула ее подъ покровъ того отеческаго правленія, которое въ теченіе четырнадцати вѣковъ покрывало ее славой и обезпечивало ей счастье. Божественное дуновеніе ниспровергло того колосса, который тяготѣлъ своимъ исполинскимъ могуществомъ надъ всей Европой; но подъ развалинами этого гигантскаго зданія, которое было еще скорѣе разрушено, чѣмъ оно было воздвигнуто, Франція обрѣла вновь незыблемыя основы древней монархіи. И на этихъ-то священныхъ основахъ и должно быть теперь воздвигнуто прочное зданіе, которое не могли бы сокрушить ни время, ни люди. И краеугольнымъ камнемъ этого зданія долженъ стать король, вокругъ котораго сплотятся всѣ французы. Онъ въ полномъ обладаніи своихъ наслѣдственныхъ на это прекрасное королевство правъ хочетъ проявлять свой авторитетъ, Богомъ ему врученный лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые онъ самъ ставитъ своей власти». Крайне неблагопріятное впечатлѣніе произвело на слушателей и введеніе въ хартію, въ которомъ слышались отзвуки тѣхъ же пережившихъ себя принциповъ и идей, которые только что были развиты Дамбре.

Но аудиторія воспрянула духомъ, когда было приступлено къ чтенію самаго текста хартіи [1]). «Хартія», говоритъ Дюверже-де-Горанъ, «сгладила до извѣстной степени въ глазахъ конституціонной партіи изъяны предисловія. Въ ней можно было, конечно отмѣтить рядъ недочетовъ, но въ цѣломъ она заключала всѣ существенные элементы парламентскаго строя и почти полностью осуществляла общественныя требованія 1789 г».[2]).

Это различное отношеніе палатъ къ рѣчи Дамбре и къ Préambule, съ одной стороны, и къ постановленіямъ хартіи, съ другой стороны, нашло себѣ очень яркое выраженіе и въ тѣхъ адресахъ, которыми Сенатъ и законодательный корпусъ отвѣтили на промульгацію хартіи и въ тѣхъ преніяхъ, которыя предшествовали составленію этихъ адресовъ.

Если адресъ Сената и вышелъ довольно безцвѣтнымъ, то обращеніе къ королю палаты депутатовъ и обсужденіе его настолько характерны, что стоитъ на нихъ остановиться.

[1]) Beugnot, Mémoires, p. 555. Simon, p. 115.
[2]) Duvergier de Hauranne, t. II, p. 182.

Недовольство «предисловіемъ» было вызвано всего болѣе тѣми мѣстами этого акта, въ которыхъ находила себѣ выраженіе доктрина, по которой учредительная власть принадлежитъ исключительно и неотъемлемо монарху и только ему. Одинъ изъ депутатовъ, Дюрбахъ, хотѣлъ воспользоваться преніями по поводу адреса, чтобы протестовать противъ принципа октроированной хартіи, и собирался произнести рѣчь, которая должна была подробно мотивировать эту его точку зрѣнія. Въ этой рѣчи Дюрбахъ доказывалъ, что октроированная хартія не представляетъ гарантіи прочности конституціоннаго порядка и что она, какъ дарованная королемъ, можетъ всегда быть взята имъ обратно: только та конституція можетъ обезпечить народу завоеванныя имъ права, которая представляетъ собою и по формѣ и по существу общественный договоръ, связывающій обѣ стороны — и народъ и монарха. Большинство законодательнаго корпуса въ принципѣ раздѣляло точку зрѣнія Дюрбаха, но находило нецѣлесообразнымъ въ такой рѣзкой формѣ выразить протестъ по поводу отдѣльныхъ выраженій государственнаго акта, представлявшаго собою лишь придатокъ къ конституціи, основныя постановленія которой вполнѣ удовлетворили общественное мнѣніе. Дюрбахъ уступилъ доводамъ своихъ товарищей и отказался отъ произнесенія задуманной рѣчи, въ особенности послѣ того, какъ въ комиссію по составленію адреса явился министръ внутреннихъ дѣлъ Монтескіу и категорически заявилъ, что авторы предисловія, употребляя выраженіе «октроированная хартія», вовсе не хотѣли вкладывать въ него столь смутившій депутатовъ смыслъ и просто воспользовались старинной юридической формулой [1]), не придавая ей никакого особаго значенія.

Но если недовольство предисловіемъ хартіи и не получило того рѣзкаго выраженія, которое хотѣлъ придать ему Дюрбахъ, то оно тѣмъ не менѣе отразилось достаточно ярко на содержаніи адреса законодательнаго корпуса, въ которомъ очень опредѣленно проглядываетъ отрицательное отношеніе къ принципу октроированной хартіи. Въ этомъ адресѣ подчеркиваются тѣ основныя положенія хартіи, которыя въ глазахъ законодательнаго собранія имѣли особую цѣнность и въ которыхъ оно видѣло отвѣтъ на выставленныя обществомъ требованія, а именно: свобода печати, право петицій [2]),

---

[1]) Il (c.-à-d. Durbach) fut appelé dans le sien de la commission, où se rendit aussi le ministre de l'intérieur, qui expliqua qu'en employant l'expression de Charte octroyée on avait fait usage d'une ancienne formule plutôt qu'on n'avait pensé à revendiquer un droit positif. Viel-Castel, t. I, p. 460.

[2]) La Charte ouvre aux accents de la vérité toutes les voies pour arriver jusqu'au trône, puisqu'elle consacre la liberté de la presse et le droit de pétition.

ответственность министровъ [1]), гражданская и политическая свободы, независимость суда, судъ присяжныхъ [2]), право пересмотра и улучшеніе законодательства [3]).

Взглядъ на хартію какъ на актъ, изданный въ отвѣтъ на требованія, заявленныя обществомъ, находитъ себѣ выраженіе въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ: «Ваше Величество чувствовало, что оно наложитъ на законы Франціи печать большей незыблемости, санкціонируя желанія французовъ и признавая основныя требованія, заявленныя различными учрежденіями и организаціями государства. Прислушиваясь къ желаніямъ всѣхъ, Ваше Величество составило эту конституціонную хартію, въ которой нашли себѣ выраженіе всѣ воли. И этимъ самымъ оно упрочило и устои престола и основы общественной свободы... И мы крѣпко вѣримъ, что это согласіе всѣхъ придастъ этой хартіи характеръ поистинѣ народный [4]).

Людовикъ XVIII даетъ такимъ образомъ конституціонную хартію своему народу во имя начала монархическаго самодержавія, палата же народныхъ представителей принимаетъ ее во имя начала общественнаго самоопредѣленія.

Борьба этихъ двухъ началъ и наполнитъ собою политическую жизнь Франціи въ эпоху реставраціи, и она же рѣшитъ вопросъ, какой принципъ одержитъ побѣду, тотъ ли, который провозгласили Бурбоны, или тотъ, который былъ написанъ на знамени, развернутомъ французскимъ обществомъ въ 1789 г.?

---

[1]) Entre les garanties qu'elle donne, la France remarquera la responsabilité des ministres qui trahiraient la confiance de Votre Majesté et les droits publics et privés que consacre la Charte constitutionnelle. Archives parlementares, Seconde série, t. XII, p. 40.

[2]) Les principes de la liberté civile se trouvent établis sur l'indépendaince du pouvoir judiciaire et la conservation du jury, précieuse garantie de tous les droits (тамъ же).

[3]) Enfin si les droits et les besoins publics faisaient désirer des améliorations, la Charte constitutionnelle, qui renferme en elle-même les moyens de les accorder, doit rassurer toutes les opinions et dissiper toutes les inquiétudes (тамъ же).

[4]) «Arch. parl.» Sec. série, t. XII. p. 40.

Доктрина монархическаго принципа во Франціи въ эпоху реставраціи.

I.

Отношеніе литературы русскаго государственнаго права къ нѣмецкой доктринѣ монархическаго принципа и задача настоящаго очерка.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ того плѣненія, въ которомъ нѣмецкая наука держала до послѣдняго времени русскую политическую мысль, можетъ служить то значеніе, которое придавали наши государствовѣды германской доктринѣ монархическаго принципа. Понятія и представленія, на которыхъ построена эта доктрина, нашли себѣ у насъ громкій откликъ и вошли въ обиходъ русской научной литературы. Рядъ ученыхъ положилъ ее въ основаніе своего истолкованія нашего новаго государственнаго строя, усмотрѣвъ въ ея главныхъ положеніяхъ юридическія предпосылки русскихъ основныхъ законовъ[1]).

Въ виду такого значенія нѣмецкой доктрины для пониманія русскаго положительнаго права, эта доктрина сдѣлалась предметомъ особаго вниманія со стороны русскаго ученаго міра[2]).

Появился рядъ работъ, посвященныхъ вопросу о возникновеніи доктрины монархическаго принципа, ея судьбѣ и ея значеніи въ политической жизни Франціи и Германіи. Эта народившаяся въ послѣдніе годы литература монархическаго принципа обнаружила, однако, принципіальное разногласіе по основнымъ вопросамъ,

---

[1]) С. А. Котляревскій, Юридическія предпосылки русскихъ основныхъ законовъ, стр. 200, 201. Паліенко. Основные законы и форма правленія въ Россіи. 1910 г., стр. 74, 75.

[2]) Характернымъ выраженіемъ этого вниманія можетъ служить, между прочимъ, засѣданіе Петроградскаго Юридическаго Общества, состоявшееся 19 октября 1911 г. На немъ былъ прочитанъ докладъ К. П. Зайцева, Монархическій принципъ и его возникновеніе въ Германіи. Онъ вызвалъ интересныя пренія, въ которыхъ приняли участіе В. М. Гессенъ, Н. И. Лазаревскій, гр. П. М. Толстой, К. Н. Соколовъ.

связанные съ содержаніемъ, значеніемъ и исторіей интересующаго насъ ученія[1]).

Если, по воззрѣнію однихъ, такъ-называемый монархическій принципъ есть «категорія вѣчная», выступающая вездѣ, гдѣ существуетъ абсолютное государство, то, по ученію другихъ, онъ имѣетъ свои корни въ національномъ складѣ и въ особыхъ условіяхъ той страны, которая дала ему жизнь. Если, по ученію однихъ, ученіе о суверенитетѣ монарха въ конституціонномъ государствѣ сводится къ одной весьма простой формулѣ: «монархъ — носитель всей государственной власти», то, по утвержденію другихъ, оно, напротивъ, представляетъ собою многогранную доктрину, которая сложилась изъ различныхъ элементовъ, имѣющихъ въ различныхъ государствахъ и въ различныя эпохи своей исторіи различный смыслъ и различное содержаніе. Наконецъ, если, по воззрѣнію однихъ, доктрина монархическаго принципа зародилась и сложилась во Франціи и отсюда распространилась на другія государства, то, по объясненію другихъ, ея родина — Германія, гдѣ она возникла совершенно самостоятельно и независимо отъ иноземныхъ воздѣйствій и гдѣ она сложилась въ законченную и вліятельную доктрину, которая не утратила своего значенія и по сіе время.

Разногласіе при объясненіи такихъ конкретныхъ явленій, какъ внѣшняя судьба и содержаніе опредѣленной политической доктрины (нашедшей себѣ, сверхъ того, точное выраженіе и ясное истолкованіе въ цѣломъ рядѣ офиціальныхъ актовъ и заявленій), такое разногласіе, говоримъ мы, нельзя объяснить различіемъ политическаго міросозерцанія или различіемъ теоретическихъ точекъ зрѣнія спорящихъ сторонъ; причину этого разногласія слѣдуетъ искать въ неразработанности того историческаго матеріала, который свидѣтельствуетъ о прошломъ доктрины. И, дѣйствительно, доктрина монархическаго принципа по настоящее время еще мало изучена въ тѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, въ которыхъ она нашла себѣ выраженіе въ различныхъ странахъ и въ различные фазисы своего существованія[2]).

---

[1]) Труды Петроградскаго Юридическаго Общества. Протоколъ засѣданія административнаго отдѣленія, 19 октября 1911 г., стр. 336—362.

[2]) Изъ новѣйшихъ работъ, посвященныхъ монархическому принципу, упомянемъ: Hiebrich, Deutsches Fürstentum und deutsches Verfassungswesen. 1905. Hoffman, Monarchisches Princip und Ministerverantwortlichkeit. 1911. Erich Kaufmann, Studien zur Staatslehre des monarchischen Principes. Leipzig. 1906. Hintze Das monarchische Princip und konstitutionelle Verfassung. Preuss. Jahrbuch 1911. Meisner, Die Lehre vom monarchischen Princip. Breslau. 1913.

Цѣль предлагаемой работы — по возможности пополнить этотъ пробѣлъ въ научной литературѣ; задача ея сводится къ тому, чтобы полнѣе и точнѣе, чѣмъ то было сдѣлано по сіе время, воспроизвести тѣ формулы, въ которыхъ вылилась доктрина монархическаго принципа во Франціи, и показать, какой пріемъ эти формулы встрѣтили со стороны общественнаго мнѣнія и какъ онѣ были восприняты офиціальными актами, знаменующими собою различные этапы въ развитіи конституціоннаго строя континентальной Европы.

II.

Опредѣленіе доктрины монархическаго принципа.

Прежде чѣмъ приступить, однако, къ выясненію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается интересующее насъ ученіе, необходимо прежде всего дать по возможности точное опредѣленіе самой доктрины монархическаго принципа и указать на тѣ признаки, которыми она отличается отъ родственныхъ ей доктринъ и прежде всего отъ ученія объ абсолютной власти монарха, съ которымъ нѣкоторые склонны ее смѣшивать.

Это послѣднее ученіе, несмотря на его отличіе отъ доктрины монархическаго принципа, имѣетъ съ ней то общее, что подобно ей остріе своихъ основныхъ положеній направляетъ противъ принципа народнаго суверенитета. Обѣ доктрины—ученіе абсолютистовъ и теорія конституціонныхъ монархистовъ—отвергаютъ демократическій принципъ и выставляютъ своимъ основнымъ догматомъ — божественное происхожденіе власти и ея независимость отъ воли народа.

Принципъ самодержавія монарха Божьей милостью лежитъ въ основаніи какъ абсолютистической доктрины, такъ и доктрины монархическаго принципа.

Но обѣ доктрины, сходясь въ этомъ основномъ пунктѣ, расходятся въ своемъ отношеніи къ принципу единства верховной власти. По ученію абсолютистической доктрины, государственная власть по самой природѣ своей едина и воплощается въ лицѣ монарха, обладающаго властью неограниченной[1]). Доктрина же монархическаго принципа въ конституціонномъ государствѣ отвергаетъ этотъ догматъ неограниченной власти монарха; она учитъ, что полномочія короля находятъ свой предѣлъ въ основныхъ правахъ гражданъ и въ нормахъ имъ свободно дарованной конституціи. Эта конституція кладетъ въ основаніе своихъ опредѣленій начало раздѣленія власти и установляетъ, что функціи власти, допускающія

---

[1]) Joseph Hitier, La doctrine de l'absolutisme. Paris. 1903.

делегаціи, т.-е. текущее законодательство, подчиненное управленіе и судъ, осуществляются самостоятельными учрежденіями въ точныхъ предѣлахъ предоставленной имъ компетенціи, подъ надзоромъ и непосредственнымъ руководствомъ короля.

Неограниченный монархъ абсолютистической доктрины превращается, такимъ образомъ, у послѣдователей доктрины монархическаго принципа, въ ограниченнаго носителя верховной власти: онъ становится главою государства, имѣющимъ лишь опредѣленныя функціи, хотя и функціи первостепенной важности.

Эти двѣ доктрины принадлежатъ къ двумъ разнымъ эпохамъ и порождены разнородными условіями политической жизни. Абсолютистическая доктрина выросла на почвѣ неограниченной монархіи и вызвана потребностью обосновать и оправдать этотъ образъ правленія[1]). Доктрина же монархическаго принципа слагается въ періодъ распада абсолютизма. Она вызвана потребностью охранить монархическую власть отъ натиска политическихъ идей и настроеній, созрѣвшихъ и провозглашенныхъ въ періодъ революціи. Она имѣетъ своимъ необходимымъ предположеніемъ зарождающійся конституціонализмъ и появляется лишь тамъ гдѣ стоятъ другъ противъ друга, съ одной стороны, народъ со своими требованіями общественнаго самоопредѣленія, а съ другой стороны, монархъ со своимъ стремленіемъ сохранить традиціи древняго королевства и главнѣйшія прерогативы исторической монархіи.

Въ такую именно переходную отъ абсолютизма къ конституціонализму эпоху и появилась впервые доктрина монархическаго принципа во Франціи.

Возвращеніе, съ одной стороны, Бурбоновъ, съ которымъ приверженцы стараго порядка связывали надежду на возстановленіе легитимной монархіи, съ другой же стороны, настоятельное требованіе новаго французскаго общества закрѣпить блага, отвоеванныя революціей, и узаконить начала либеральнаго конституціоннаго строя, эти два противорѣчивыхъ теченія возлагали на Людовика XVIII

---

[1]) Людовикъ XVIII въ первый періодъ своей политической карьеры является ревностнымъ сторонникомъ абсолютистической доктрины и относится безусловно отрицательно къ конституціонному строю. Въ 1795 г. въ прокламаціи, извѣщающей о смерти дофина и своемъ восшествіи на престолъ, онъ выражаетъ свое твердое намѣреніе возстановить абсолютную монархію во всей ея первоначальной силѣ и чистотѣ. А въ 1799 г., въ письмѣ къ графу С. При, выразившему сомнѣніе въ возможности возстановленія стараго порядка, заявляетъ, что для него этотъ порядокъ — святыня, которой онъ рѣшился никогда не измѣнять, что уклоняться отъ нея значитъ для него отклоняться отъ унаслѣдованной имъ отъ предковъ неограниченной власти и удовольствоваться той долей авторитета, которую благоугодно будетъ народу предоставить ему.

трудную задачу примирить пережившіе себя догматы старой монархіи съ новыми принципами представительнаго порядка. Это примиреніе нашло себѣ внѣшнее выраженіе въ одновременномъ изданіи 4 іюня 1814 г. двухъ актовъ, весьма различныхъ по своему содержанію: первымъ изъ нихъ была конституціонная хартія, заключавшая въ себѣ основы представительнаго строя и удовлетворившая наиболѣе настоятельнымъ требованіямъ обновленной Франціи; вторымъ же актомъ было предисловіе къ хартіи, составленное Беньо, оправдывавшее ее съ точки зрѣнія политическихъ догматовъ легитимной монархіи.

Въ этомъ предисловіи къ хартіи впервые излагаются основы доктрины монархическаго принципа, того ученія, которое пытается сочетать представительный строй, гарантирующій основныя права гражданъ, и участіе общества въ законодательствѣ съ принципами исторической монархіи, т.-е. съ началомъ самодержавія королевской власти и ея независимости отъ воли народа.

Свое изложеніе доктрины монархическаго принципа мы и должны начать съ анализа того акта, который является первымъ официальнымъ выраженіемъ интересующаго насъ ученія.

III.

Доктрина монархическаго принципа въ предисловіи къ хартіи 4 іюня 1914 г.

Начало божественнаго происхожденія королевской власти провозглашается въ первыхъ же строкахъ Préambule. Король, говорится тутъ, послѣ долгаго отсутствія вернулся въ свои владѣнія не по зову народа, а по волѣ божественнаго Провидѣнія[1]). Ему издавна принадлежала вся полнота власти, хотя порядокъ ея осуществленія мѣнялся въ различныя эпохи въ зависимости отъ нуждъ и условій времени[2]). Этимъ требованіямъ времени короли шли навстрѣчу своими реформами. Предпринимая свои преобразованія, монархи, однако, ни разу не измѣнили своей важнѣйшей по отношенію къ своимъ народамъ обязанности — обязанности охранять права и прерогативы короны[3]). Они знали, что только верховный авторитетъ можетъ дать высшимъ учрежденіямъ, которыя онъ уста-

[1]) La divine Providence en nous rappelant dans nos États après une longue absence, nous a imposé de grandes obligations.

[2]) Nous avons considéré que bien que l'autorité toute entière réside en France dans la personne du Roi, nos prédecesseurs n'avaient point hesité a en modifier l'exercice, suivant la différence des temps.

[3]) Nous avons du nous souvenir aussi que notre premier devoir envers nos peuples était de conserver pour leur propre intérêt, les droits et les prérogatives de notre couronne.

новляетъ, ту силу, устойчивость и величіе, которыми онъ самъ облеченъ; что только та конституціонная хартія можетъ быть долговѣчной, которая примиряетъ мудрость короля съ желаніемъ народовъ, но что, наоборотъ, уступки, вырванныя у слабаго правительства, грозятъ опасностью общественной свободѣ еще въ большей степени, чѣмъ самому правительству[1]). По всѣмъ этимъ причинамъ мы добровольно и свободнымъ осуществленіемъ своей королевской власти даровали и даруемъ, уступаемъ и жалуемъ нашимъ подданнымъ какъ за себя, такъ и за наслѣдниковъ нашихъ и навсегда слѣдующую конституціонную хартію.

Воззрѣніе на связанность власти короля, какъ на самоограниченіе суверена, остающагося самодержавнымъ и при конституціонномъ порядкѣ, находятъ себѣ яркое выраженіе и въ рѣчи Дамбре, произнесенной имъ въ присутствіи короля при открытіи палатъ на торжественномъ засѣданіи 4 іюня. Въ ней мы, между прочимъ, читаемъ: Франція съ возвращеніемъ Бурбоновъ обрѣла вновь незыблемыя основы древней монархіи. И на этихъ-то священныхъ основахъ и должно быть теперь воздвигнуто прочное зданіе, которое не могли бы сокрушить ни время, ни люди. И краеугольнымъ камнемъ этого зданія долженъ стать король, вокругъ котораго сплотятся всѣ французы. Онъ въ полномъ обладаніи своихъ наслѣдственныхъ правъ на это прекрасное королевство, хочетъ осуществлять свой авторитетъ, Богомъ ему врученный, лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые онъ самъ ставитъ своей власти.

Доктрина монархическаго принципа, какъ она выражена въ цитированныхъ актахъ, слагается, какъ видитъ читатель, изъ трехъ началъ, принадлежащихъ къ тремъ различнымъ историческимъ эпохамъ, разнородныхъ поэтому по своимъ мотивамъ.

Первое начало — начало самодержавія монарха Божьей милостью — принадлежитъ старому режиму и выражаетъ незыблемость основного догмата исторической монархіи.

Второе начало—начало правовой связанности монарха—представляетъ собою плодъ новаго времени и имѣетъ цѣлью примирить общество, вышедшее изъ революціи, съ возстановленіемъ старой династіи.

Третье начало — начало самоограниченія власти монарха — образуетъ собою принципъ новѣйшей формаціи и заро-

---

[1]) L'autorité suprême peut seule donner aux institutions qu'elle établit la force, la permanence et la majesté dont elle est elle-même revêtue, qu'ainsi lorsque la sagesse des Rois s'accorde librement avec le voeu des peuples, une charte constitutionnelle peut être de longue durée, mais que quand la violence arrache des concessions à la faiblesse du Gouvernement, la liberté publique n'est pas moins en danger que le trône même.

ждается лишь съ возникновеніемъ конституціоннаго строя. Оно было невѣдомо какъ старому порядку, такъ и эпохѣ революціи. Оно вызвано необходимостью перебросить мостъ между старой и новой Франціей и сочетать принципъ самодержавія монарха съ началомъ его связанности конституціей.

Эти принципы, провозглашенные Людовикомъ XVIII и его ближайшими сотрудниками, встрѣтили отрицательное отношеніе со стороны либеральныхъ сторонниковъ хартіи: люди новой Франціи признали въ этихъ принципахъ пережившія себя начала, не вяжущіяся съ правосознаніемъ современнаго культурнаго человѣчества и безповоротно осужденныя новѣйшимъ историческимъ опытомъ, закрѣпленнымъ конституціонной хартіей 4 іюня 1814 г.

Не у либеральныхъ дѣятелей эпохи реставраціи искать намъ поэтому истолкованія доктрины монархическаго принципа: такое истолкованіе мы можемъ найти лишь у ультрароялистовъ, признавшихъ хартію только нехотя и считавшихъ возможнымъ примириться съ ея постановленіями только въ томъ освѣщеніи и только съ тѣми оговорками, которыя выражены въ Préambule.

Къ парламентскимъ рѣчамъ ультрароялистовъ мы теперь и обратимся и по выраженнымъ въ этихъ рѣчахъ воззрѣніямъ постараемся воспроизвести доктрину монархическаго принципа, какъ она выступила въ первомъ фазисѣ своего существованія во Франціи, т.-е. въ царствованіе Людовика XVIII.

IV.

Доктрина монархическаго принципа въ парламентскихъ рѣчахъ ультрароялистовъ эпохи Людовика XVIII.

Людовикъ XVIII въ офиціальныхъ заявленіяхъ, сопровождавшихъ изданіе конституціонной хартіи 4 іюня 1814 г., провозгласилъ, какъ мы видѣли, основнымъ догматомъ своего политическаго символа вѣры начало самодержавія и это начало независимости монархической власти отъ людского произвола обосновалъ ея божественнымъ происхожденіемъ.

Роялисты положили въ основу своего ученія тотъ же принципъ, но обосновывали его не только религіозными доводами, но и аргументами, почерпнутыми изъ прошлаго королевской власти. «Власть монарха, учили они, самодержавна не только потому, что она исходитъ отъ Бога, она независима отъ людей и въ силу того историческаго процесса, плодомъ котораго является наслѣдственность монархіи во Франціи». Талейранъ, первый выдвинувшій начало легитимизма, объясняетъ эту перемѣну аргументаціи роялистовъ

слѣдующими соображеніями: «Когда, говоритъ онъ, религіозныя чувства были глубоко запечатлѣны въ сердцахъ людей и когда они единодержавно властвовали надъ умами, въ такое время люди могли вѣрить въ суверенную власть, какъ въ проявленіе божества; они могли думать, что династіи обязаны и своимъ возникновеніемъ и своимъ долголѣтнимъ существованіемъ покровительству небесъ. Но въ наши дни, когда религіозныя чувства остыли и почти не оставили по себѣ слѣдовъ, когда религіозная связь, объединявшая людей, если не порвалась окончательно, то по крайней мѣрѣ значительно ослабла, въ такую эпоху вѣра въ божественное происхожденіе власти потеряла подъ собою почву»[1]). Религіозные доводы не могутъ имѣть той убѣдительности, которой вооружены тѣ свѣтскіе аргументы, которыми обосновываютъ свою доктрину провозвѣстники легитимизма. Если въ наше время есть принципъ, который можетъ побѣдоносно соперничать съ началомъ народнаго суверенитета, то это принципъ легитимизма. И роялисты, противопоставляя другъ другу эти два начала, развиваютъ въ своихъ рѣчахъ цѣлый рядъ соображеній, долженствующихъ доказать безусловное превосходство принципа легитимизма надъ началомъ народнаго суверенитета. «Двѣ доктрины, говоритъ Конни, раздѣляютъ міръ: одна покоится въ началѣ легитимитета, на наслѣдственной передачѣ власти, другая выставляетъ догматъ народнаго суверенитета. Французская монархія обязана своимъ бытіемъ первому началу: ее образовали восемь вѣковъ исторіи»[2]). «Начало легитимитета, объясняетъ Лабурдоне, въ отличіе отъ демократической доктрины, не теоретическое измышленіе, не созданіе отвлеченной мысли, не плодъ политическихъ страстей, вызванныхъ временными обстоятельствами, это — памятникъ государственнаго опыта и политической мудрости нашихъ предковъ, воздвигнутый не столько въ интересахъ королей, сколько въ интересахъ народа. Его возникновеніе нельзя связать ни съ извѣстнымъ лицомъ, ни съ извѣстной эпохой; онъ теряется во мракѣ временъ и, прежде чѣмъ стать закономъ, онъ былъ уже освященъ нравами, вѣками сложившимися»[3]). Начало

[1]) Mémoires du Prince de Talleyrand, publiés avec une préface et des notes par le duc de Broglie. Paris. 1891, p. 467.

[2]) Deux doctrines divisent le monde: l'une consacre le principe de la legitimité et de la transmission héréditaire du pouvoir, l'autre établit le dogme de la souveraineté du peuple. La monarchie française, que huit siècles avaient formée, reposait toute entière sur le principe qui place le pouvoir dans les races royales et leur imprime un caractère sacré. Рѣчь de Conny 15 марта 1830 г. Arch. parlement. 2-ème Série. T. LXI, p. 572.

[3]) Monument de l'expérience et de la sagesse de nos pères, établie dans l'intérêt des peuples bien plus que dans l'intérêt des rois, la legitimité du trône parmi nous se perd dans la nuit des temps et fus pendant des siècles consacrée par les mœurs avant d'être promulguée par nos lois. Рѣчь Labourdonnaye 15 мая 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVII, p. 603.

легитимитета, по ученію роялистовъ, есть начало порядка и является наиболѣе надежнымъ оплотомъ противъ анархіи. Оно создало и упрочило государственный порядокъ во Франціи. Вмѣстѣ съ его закрѣпленіемъ наступилъ конецъ междуусобнымъ и кровавымъ войнамъ, которыми было ознаменовано средневѣковье; оно положило конецъ распрямъ и раздорамъ и создало то могущественное и славное своимъ единствомъ государство, которымъ была Франція при корольяхъ. Революція, поправшая начало легитимитета, снова ввергла Францію въ анархію. Реставрація возстановила это благотворное начало и этимъ вернула странѣ миръ и порядокъ. Хартія засвидѣтельствовала возвращеніе Франціи къ этому охранительному началу: она была имъ вызвана, она его закрѣпила[1]).

Хартія и принципы легитимизма такъ же тѣсно между собою связаны, какъ причина со слѣдствіемъ. Они служатъ гарантіей какъ противъ республиканскаго фанатизма, такъ и противъ военнаго деспотизма, и вотъ почему Франція ихъ такъ крѣпко держится: она знаетъ, что истинной свободой народы могутъ наслаждаться лишь подъ охраной законныхъ монарховъ, ибо только они умѣютъ править справедливостью и охранять свою власть умѣренностью.

Опредѣленіе роялистами власти монарха, какъ она сложилась во Франціи въ условіяхъ конституціоннаго строя, имѣетъ своимъ теоретическимъ предположеніемъ различеніе въ государственной власти двухъ элементовъ: во-первыхъ, государственнаго верховенства и, во-вторыхъ, отдѣльныхъ полномочій власти. Первый изъ этихъ элементовъ образуетъ собою суверенную власть, государственное верховенство. Она представляетъ собою ту творческую силу, которая организуетъ политическій союзъ, создаетъ государ-

[1]) Raison suprême d'intérêt public, principe de l'hérédité de la couronne qui, fixé par les lois, mit enfin un terme à ces guerres sanglantes qui masquèrent si longtemps chaque avènement au trône et assura pendant tant de siècles la grandeur et la prosperité de la France pour que le souvenir des déchirements politiques, dont nos pères avaient été victimes, s'éloignant peu à peu, ne finit par s'effacer enfin de notre mémoire. Oubli fatal qui permit aux sophistes du jour de reléguer la maxime fondamentale de l'Etat avec tant d'autres doctrines tutélaires au rang des préjugés. Doctrines que la force des choses ramène aujourd'hui et ramènera sans cesse après de longues erreurs, parce que conditions necéssaires de la société. Il faut s'y soumettre ou périr. Doctrines qui ne peuvent sembler des préjugés aux yeux inattentifs que par la raison que toujours réimposées par de grandes catastrophes aux peuples qui voulurent s'y soustraire, elles se gravent par le malheur dans tous les esprits et se transmettent longtemps de génération en génération comme des axiomes populaires que l'on ne peut plus contester. C'est ainsi que réimposée à la France par vingt cinq ans de troubles et de révolutions, qu'elle seule pouvait faire cesser, la légitimité veut enfin se rasseoir sur ce trône antique dont l'ébranlement fut le signal de nos calamités et la chute — l'époque la plus effroyable de notre histoire. Рѣчь Labourdonnaye 15 мая 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVII, p. 603.

ственныя учрежденія и надѣляетъ ихъ полномочіями, вооружающими ихъ жизнью и дѣеспособностью.

Второй элементъ образуетъ собою тѣ отдѣльныя полномочія, которыми надѣляются государственныя учрежденія для осуществленія ими различныхъ государственныхъ задачъ — задачъ управленія, суда и законодательства.

Первый изъ этихъ элементовъ, суверенная власть, съ изданіемъ хартіи не претерпѣлъ никакихъ измѣненій. Остались безъ перемѣны и содержаніе и носитель суверенитета; за монархомъ и по изданіи хартіи остались учредительная и высшая распорядительная власть безо всякаго сокращенія и измѣненія. Съ введеніемъ конституціоннаго строя измѣнился лишь второй элементъ государственной власти — измѣнились организація, компетенція и порядокъ дѣятельности государственныхъ учрежденій, которымъ делегированы судебная власть и нѣкоторыя функціи законодательной власти.

Суверенная власть по ученію роялистовъ и въ конституціонной Франціи осталась за монархомъ. Онъ творецъ всѣхъ государственныхъ учрежденій и источникъ всѣхъ ихъ полномочій. И октроированіе хартіи является однимъ изъ наиболѣе важныхъ и яркихъ проявленій этого суверенитета.

«Я какъ депутатъ Франціи, торжественно заявляетъ Марселюсъ, въ рѣчи, произнесенной имъ 11 января 1822 г., я, какъ депутатъ Франціи, заявляю, что во Франціи не существуетъ авторитета, который не вытекалъ бы изъ высшаго легитимнаго авторитета, — авторитета короля, что сама хартія существуетъ только въ силу этого авторитета, что, слѣдовательно, и наши полномочія, которыя вытекаютъ непосредственно изъ хартіи, въ дѣйствительности имѣютъ своимъ источникомъ авторитетъ короля, ибо онъ намъ ее пожаловалъ, онъ намъ ее октроировалъ» (T. XXXIV, стр. 26). «Король, говоритъ Пасторе, дарованіемъ хартіи делегировалъ рядъ существенныхъ полномочій, но къ этимъ делегированнымъ полномочіямъ и сводятся всѣ тѣ права, отъ осуществленія которыхъ онъ отказался. Все, что въ хартіи не было формально даровано имъ, все это имъ сохранено. Поэтому каждый разъ, когда въ хартіи нѣтъ достаточнаго опредѣленія по тому или другому вопросу, во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо за разрѣшеніемъ сомнѣнія обращаться къ престолу, т.-е. къ тому авторитету, который призванъ регулировать, рѣшать, предписывать. Эта неизбѣжная охраняющая власть можетъ принадлежать лишь тому, который является первоначальнымъ носителемъ и источникомъ всѣхъ властей»[1]).

[1]) Le Roi a fait par la Charte des délégations importantes, mais les pouvoirs

Вся верховная власть изначала принадлежала королю: октроированной имъ конституціей онъ осуществленіе нѣкоторыхъ изъ полномочій предоставилъ учрежденіямъ и прежде всего народному представительству. Права послѣдняго суть, такимъ образомъ, делегированныя полномочія, имѣющія свой источникъ въ королѣ. Король продолжаетъ отправлять всѣ тѣ права, которыя имъ не предоставлены палатамъ. Эти права монарха, такимъ образомъ, принципіально самородны, всеобъемлющи, права же парламента точно ограничены и представляютъ собою полномочія, делегированныя королемъ и въ его волѣ имѣющія свой предѣлъ и свои основанія.

Что верховная власть первоначально во всей своей полнотѣ принадлежала легитимному королю, это положеніе подчеркивается неоднократно роялистами въ ихъ парламентскихъ заявленіяхъ. Мы привели выше категорическое заявленіе Марселюса, сдѣланное имъ на засѣданіи палаты депутатовъ 22 января. Не менѣе рѣ-

---

délégués sont les seuls dont il ait abandonné l'exercice. Tout ce qui n'a pas été formellement donné par lui il l'a conservé. Ainsi toutes les fois que la Charte n'offre pas sur les questions qui se présentent une disposition précise, c'est au trône qu'il faut remonter pour trouver l'autorité qui doit régler, décider, prescrire. Ce pouvoir indispensable et protecteur ne peut être que dans celui qui est le dépositeur premier et la source de tous les pouvoirs. Arch. parl. 2-ème Série. T. XL, p. 47. Въ этихъ словахъ съ полной опредѣленностью формулируется положеніе, которое впослѣдствіи было усвоено нѣмецкимъ ученіемъ о суверенитетѣ короля и которое и до сего времени является основнымъ догматомъ германской конституціонной доктрины. «Ограничивающіе факторы говоритъ, напримѣръ, Аншютцъ, основаны quali et quanto на конституціи и только на ней, монархическая же власть конституціей не обосновывается, а ею лишь ограничивается. При возникновеніи спорныхъ вопросовъ объ объемѣ правъ короля и въ особенности въ спорахъ о компетенціи между короной и народнымъ представительствомъ этимъ принципомъ создается презумпція, которая говоритъ въ пользу неограниченной власти короны и противъ компетенціи всѣхъ организующихъ факторовъ и въ особенности противъ компетенціи народнаго представительства. Монархъ, такимъ образомъ, ни съ кѣмъ не раздѣляетъ государственной власти по праву (quo ad jus), а одинъ призванъ осуществлять эту власть, поскольку изъ этого общаго правила конституція не дѣлаетъ исключенія, т.-е. поскольку осуществленіе извѣстныхъ верховныхъ правъ не предоставлено конституціей другимъ органамъ (народному представительству, судамъ, министрамъ, государственному совѣту). Монархъ и по сіе время представляетъ государство и престолъ полностью, по скольку не можетъ быть указанъ ограничивающій его факторъ; между тѣмъ какъ народное представительство, наоборотъ, для обоснованія своей компетенціи должно каждый разъ ссылаться на особое постановленіе конституціи (Anschütz. Gegenwärtige Theorien über den Begriff der gesetzgebenden Gewalt und dem Umfang des königlichen Verordnungsrechts nach preussischem Staatsrecht. 1902. s. 4). Этими разсужденіями Аншютцъ формулируетъ воззрѣніе на отношеніе короля къ народному представительству, которое раздѣляется всѣми истолкователями нѣмецкаго конституціоннаго права. Ср. Seydel, Bayerisches Staatsrecht. T. II. S. 4. Zöpfl, Grundsätze des gemeinen deutschen Staatsrechtes, 5 Aus. II B. S. 247. Zachariae, Deutsches Staats-und Bundesrecht. I B., S. 83. G. Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts. 6 Aus., S. 245—246. Ronne-Zorn, Das Staatsrecht der preussischen Monarche». B. I, S. 206. Эти воззрѣнія нѣмецкихъ государствовѣдовъ приведены въ книгѣ проф. А. С. Алексѣева, Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ, стр. 21—22.

шительно высказался и Пардессюсъ въ томъ же засѣданіи 22 января. «Король, сказалъ онъ, далъ намъ хартію свободно: до хартіи онъ былъ полновластнымъ владыкой. Всѣ власти вытекли, такимъ образомъ, изъ власти короля; утверждать поэтому, что эти власти основываются на хартіи и въ ней имѣютъ свой источникъ, это значитъ кощунственно относиться къ самой хартіи»[1]).

Полномочія верховной власти по своему источнику сосредоточены въ лицѣ монарха; дарованіемъ хартіи онъ лишь видоизмѣнилъ порядокъ осуществленія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Какія же полномочія остались въ рукахъ монарха, т.-е. осуществляются имъ самостоятельно, безъ участія другихъ факторовъ, и какія предоставлены имъ учрежденіямъ, отправляющимъ ихъ подъ его руководствомъ и надзоромъ?

На этотъ вопросъ роялисты въ своихъ рѣчахъ даютъ вполнѣ точный отвѣтъ.

По отношенію къ законодательной власти, говоритъ, напр., Лучернъ, въ произнесенной имъ 14 января 1817 г. рѣчи, король отказался отъ своего права единолично предписывать законы[2]). Онъ добровольно опредѣлилъ, что эту власть будетъ осуществлять не иначе, какъ при содѣйствіи палатъ и съ ихъ согласія... Не возбуждаетъ сомнѣнія и порядокъ осуществленія судебной власти. Король отказался отъ права личнаго суда. Что касается исполнительной власти, то отъ нея король не отказался и не подѣлилъ ея съ палатами. Исполнительная власть принадлежитъ одному королю: она принадлежитъ ему всецѣло и нераздѣльно, и ни одно изъ ея полномочій никому другому, кромѣ короля, принадлежать не можетъ.

Но не является ли ограниченіе власти короля палатами въ области законодательства умаленіемъ его суверенитета? Не существуетъ ли внутренняго противорѣчія между догматомъ самоограниченія власти короля и между правомъ палатъ участвовать въ установленіи законовъ? Не является ли иллюзорной власть короля — самому установлять предѣлъ своей власти, разъ опредѣленіе этихъ предѣловъ зависитъ отъ закона, который можетъ состояться лишь при участіи палатъ? Это было бы такъ отвѣчаютъ роялисты, если бы подъ законодательной властью понималась бы и власть учредительная, но именно послѣдняя въ компетенцію парламента не входитъ. Власть учредительная, какъ непосредственное проявленіе

---

[1]) Arch. parl. 2-ème Série T. XXXIV, p. 27.

[2]) Par rapport au pouvoir législatif le Roi s'est ôté le droit de dicter seul les lois. Il s'est soumis volontairement à n'exercer ce pouvoir que conjointement avec les deux Chambres et avec leur assentiment. Arch. parl. т. XVIII, p. 33—34.

суверенитета, неотчуждаема и ни при какихъ условіяхъ делегирована быть не можетъ.

«Король, говоритъ де ла-Рошфуко въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ палатѣ перовъ 5 мая 1824 года, даруя намъ хартію, образующую нашу дѣйствительную конституцію, видоизмѣнилъ только свою законодательную власть. Онъ не предоставилъ этой законодательной власти, которую называютъ французскимъ парламентомъ, учредительной власти или права пересмотра конституціи, что собственно сводится къ одному и тому же, ибо это послѣднее право, хотя и представляетъ собою спеціальное полномочіе, является, однако частью учредительной власти, отъ которой король не думалъ отказываться. Даруя хартію, король не совершилъ акта законодательнаго, онъ совершилъ актъ суверенитета и учредительной власти, которая является проявленіемъ суверенитета»[1]). Власть суверенная по существу своему власть верховная, безусловно свободная, никѣмъ и ничѣмъ не могущая быть стѣсненной. Издавая хартію, король ничѣмъ не былъ стѣсненъ; и если онъ связанъ ея опредѣленіями, то онъ ихъ установилъ самъ и совершенно свободно. Оставшись сувереномъ, онъ сохранилъ за собою верховенство, а слѣдовательно и право такъ же свободно видоизмѣнять хартію, какъ свободно онъ ее издалъ. «Я думаю, говоритъ Кастельбайакъ, (22 января 1822 г.), что король былъ воленъ даровать намъ хартію или нѣтъ: никто не имѣлъ права отъ него ее потребовать. И я думаю, что съ той минуты, какъ онъ намъ ее октроировалъ, онъ самъ ограничилъ себя въ осуществленіи своей власти»[2]).

Если король и по дарованіи хартіи остался суверенным и главное проявленіе этого суверенитета, власть учредительная, осталась за нимъ, то, съ точки зрѣнія роялистовъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что право и пересмотра конституціи принадлежитъ всецѣло монарху. «Пересмотрѣть тотъ или другой параграфъ хартіи, говоритъ де ла-Рошфуко, это то же самое, что внести въ нее новую статью; это, другими словами, значитъ осуществлять ту же

[1]) Le Roi en nous donnant la Charte qui fait notre constitution actuelle, n'a modifié que son pouvoir législatif, il n'a point donné à ce qu'on veut appeler le parlement français, à ce pouvoir législatif le pouvoir constituant ou de révision de la Charte, ce qui est la même chose; car ce droit, quoique spécial, serait encore une partie du pouvoir constituant que le Roi n'a pas prétendu abandonner. Ce n'est point un acte législatif qu'a fait le Roi en fondant la Charte, il a fait acte de sa souveraineté et du pouvoir constituant qui en dérive. Arch. parl. Tome XL, p. 309.

[2]) Je crois que le Roi était maître de nous donner ou de ne pas nous donner la Charte: nul n'avait le droit de la lui demander. Je pense que, du moment où il nous l'a octroyée, il a limité lui-même l'exercice de son pouvoir, dans les attributions, qu'il s'est réservées par cette loi devenue par sa volonté et nos serments loi fondamentale. Рѣчь Castelbajac'a 22 января 1822 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXXIV, p. 131.

учредительную власть, въ силу которой король даровалъ саму хартію»[1]). Это право пересмотра конституціи королемъ вытекаетъ, съ точки зрѣнія роялистовъ, изъ слѣдующихъ соображеній. Пересмотръ конституціи, разсуждаютъ они, не предусмотрѣнъ хартіей, которая о немъ совершенно умалчиваетъ. Королю же принадлежатъ всѣ полномочія власти, которыя нарочито не предоставлены палатамъ особыми постановленіями и хартіей. Разъ поэтому хартія не опредѣляетъ особо порядокъ пересмотра конституціи, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что установленіе этого порядка зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія короля. «Король, говоритъ де ла-Рошфуко, сохранилъ за собою власть облекать правомъ участія въ пересмотрѣ конституціи ту совокупность людей, которая ему укажетъ его мудрость, подчинить осуществленіе этого важнаго права тѣмъ формальностямъ, которыя онъ сочтетъ нужными»[2]).

Участіе палатъ въ обыкновенномъ законодательствѣ есть ихъ право, безспорно закрѣпленное за ними хартіей, участіе же ихъ въ пересмотрѣ хартіи не образуетъ ихъ права, а какъ проявленіе учредительной, т.-е. суверенной власти, принадлежитъ принципіально королю. Если же мы видимъ, что палаты тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ случаяхъ привлекаются къ пересмотру конституціи и принимаютъ участіе въ обсужденіи поправокъ, вносимыхъ королемъ въ конституцію, то это участіе не входитъ въ ихъ нормальную

---

[1]) Réviser un article de la Charte c'est la même chose que d'y faire un article nouveau, c'est exercer un pouvoir semblable à celui qui a fait la Charte elle-même, c'est user du pouvoir constituant... Louis XVIII, agissant comme héritier légitime de soixante rois, seul possesseur du pouvoir suprême, et developpant dans toute sa plénitude l'autorité législative, qui résidait dans lui octroya la Charte à ses peuples... Ce qu'il fit pour la création de la Charte, il le fait avec plus de régularité et de solemnité encore pour la perfectionner. Est-il étonnant que dans une Charte composée de 76 articles, il se trouvât des choses imparfaites... Le Roi s'était-il donc engagé irrévocablement à n'y faire jamais aucun changement, lors même qu'il serait reclamé par l'intérêt de tous? Le Roi n'a-t-il pas le droit de faire à ce sujet une proposition? Les Chambres n'ont-elles pas le droit de l'écouter et de l'examiner, et le Roi n'a-t-il pas enfin le droit d'adopter ou de rejéter leur détermination? En faut-il davantage pour qu'il continue d'exercer ce qu'on appelle le pouvoir constituant...» T. XL, p. 309. Ср. Vaublanc, 8 іюня 1824 г.: Le pouvoir constituant n'étant pas exprimé dans la Charte, ne peut appartenir qu'au monarque. En vertu de ce pouvoir dans les circonstances graves, après une crise terrible, le monarque médite un changement à la Charte, il l'annonce, mais il déclare ensuite, qu'il redoute des innovations si promptes. Il détermine enfin à proposer, après dix années d'expérience, ce changement que nous discutons. Pouvez vous desirer une plus sage lenteur... Arch. parl. T. XLL. p. 310.

[2]) Le Roi s'est donc réservé le droit et la faculté d'investir de ce pouvoir telle association d'hommes que sa sagesse voudra choisir, de la soumettre pour l'exercice de ce grand pouvoir, à telle ou telle formalité qu'il croirait prudent de prescrire puisque encore une fois par la Charte même il n'en a pas envesti les Chambres et puisque la Charte n'indique aucun moyen de sa revison. Рѣчь, произнесенная въ палатѣ перовъ 5 мая 1824 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XL, p. 309.

компетенцію, не является ихъ правомъ, а представляетъ собою полномочіе, предоставленное королемъ какъ милость, предѣлы и степень которой зависятъ отъ него[1]).

«Хартія, заявляетъ Пасторе въ палатѣ перовъ 7 мая 1824 г., не есть законъ, который сдѣлали бы мы; хартія предшествуетъ нашему политическому бытію; насъ, какъ партіи перовъ, не существовало, когда хартія была задумана и составлена, не мы ее создали, а мы ею созданы: мы не можемъ, очевидно, истолковывать актъ, который не отъ насъ исходитъ. И если мы теперь участвуемъ въ обсужденіи проектированной поправки, то только потому, что король предложилъ намъ ее на обсужденіе... Король — верховный законодатель, существовавшій до палатъ, которыя онъ создалъ: онъ не хотѣлъ и не могъ хотѣть допустить обсужденія палатами закона, не имъ вызваннаго, и притомъ того закона, который является основнымъ закономъ государства и творцомъ котораго является онъ и только онъ. Иниціатива такого закона не можетъ принадлежать палатамъ. Она отнюдь конституціонной хартіей не разрѣшается, не допускается. 19 статья хартіи говоритъ лишь о правѣ палатъ ходатайствовать передъ королемъ о возбужденіи того или другого законодательнаго вопроса и указывать его желательное содержаніе».

Учредительная власть принадлежитъ всецѣло королю, но она проявляется не только въ томъ, что король является творцомъ конституціонныхъ законовъ и что только онъ имѣетъ право пересматривать ихъ и вносить въ нихъ поправки, но и въ томъ, что онъ властенъ привлекать къ предварительному обсужденію этихъ измѣненій и поправокъ тѣ учрежденія и ассоціаціи лицъ, голосъ которыхъ можетъ быть сочтенъ имъ полезнымъ. Такими учрежденіями и ассоціаціями могутъ быть, если будетъ на то воля короля, и палаты. Но ихъ участіе въ обсужденіи внесенныхъ королемъ поправокъ къ хартіи ничего общаго не имѣетъ съ учредительной властью, въ которой проявляется верховенство, суверенитетъ короля. Если право иниціативы обыкновенныхъ законовъ является прерогативой короля, и палаты имѣютъ лишь право ходатайства передъ королемъ о внесеніи имъ того или другого закона съ указа-

[1]) Pastoret, 22 апр. 1824 г.: «Dans un pays où la Constitution a été établie par le Roi seul qu'il appartient de proposer à cet égard les changements, qu'il peut croire utiles. Seul il le fit en 1815: mais lui-même annonce qu'il voulait qu'aucune modification à la Charte ne puisse devenir définitive qu'après que le pouvoir législatif dans son ensemble l'aurait adoptée. И дальше: en s'associant les Chambres pour ce noble travail... il a fait partager l'exercice de ce pouvoir primitif et créateur, qui n'avait résidé qu'en lui-même: il l'a fait partager aux Corps qui, d'après la Constitution qu'il avait donnée, doivent ordinairement s'unir à lui pour la confection ou la discussion des lois, et c'est lui-même qui s'est imposé cette obligation par plusieurs actes de sa volonté... Arch. parl. T. XL, p. 47.

ніемъ его желательнаго содержанія, то тѣмъ ограниченнѣе права палать въ области конституціоннаго законодательства. Право иниціативы основныхъ законовъ исходитъ исключительно отъ короля и только онъ можетъ указать на желательное ихъ содержаніе.

«Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ оберечь хартію, говоритъ Воблань въ своей рѣчи отъ 8-го іюня 1824 г., это — сохранить въ полной цѣлости и неприкосновенности тотъ основной принципъ, по которому ни одно измѣненіе не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ по предложенію монарха. Въ этомъ принципѣ выражается власть монарха во всей ея силѣ, во всемъ ея величіи»[1]).

V.

Политическія воззрѣнія либераловъ.

Переходя отъ доктрины роялистовъ къ политическимъ воззрѣніямъ либераловъ[2]), мы входимъ въ совершенно новый міръ идей и представленій, ничего общаго не имѣющій съ міросозерцаніемъ ревнителей стараго порядка.

Если для послѣднихъ государство отожествлялось съ государемъ, и верховная власть была личнымъ достояніемъ монарха, то для либераловъ государство представляло собою общественное достояніе, а государственная власть являлась выраженіемъ общественнаго самоопредѣленія. Политическіе дѣятели новой Франціи относились безусловно отрицательно къ политическимъ догматамъ, на которыхъ покоился старый порядокъ, и въ своихъ сужденіяхъ были свободны отъ тѣхъ предразсудковъ и предвзятыхъ мнѣній, которыми были проникнуты доктрины роялистовъ.

«Магическія формулы, которыя были въ ходу при старомъ порядкѣ, говоритъ Манюэль, потеряли въ наше время свою силу и должны

---

[1]) «Le moyen de conserver la Charte c'est de conserver dans son entier le principe fondamental, qui veut que nul changement ne puisse être fait que d'après la proposition du monarque. Là est la monarchie dans toute sa force dans toute sa grandeur». Arch. parl. T. XL, p. 310. «Le Roi peut empêcher la demande de naître, car elle ne peut naître que par lui. Discutée et adoptée par les deux Chambres, il peut encore l'empêcher d'acquérir ce haut caractère qui imprimera subitement l'obéissance à tous, car elle doit être sanctionnée par lui pour devenir loi. Ce sont les ancres salutaires, que la constitution oppose aux dangers d'un excès de pouvoir que les Chambres s'attribueraient ou à une extension donnée par leurs modifications aux mesures d'abord proposées au nom du Roi. Сравн. рѣчь Пасторе въ палатѣ перовъ 22 апрѣля 1824 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XL p. 47.

[2]) Подъ либералами мы понимаемъ тѣхъ политическихъ дѣятелей эпохи реставраціи, которые исповѣдывали государственно-правовые принципы, провозглашенные революціей и которые были объединены ненавистью къ политическому строю абсолютной монархіи.

замолкнуть передъ общественнымъ разумомъ, передъ сознаніемъ реальныхъ интересовъ общества. Если бы рѣчь шла о томъ, чтобы впервые установить основы общественности, тогда еще можно было бы прибѣгать къ этимъ магическимъ словамъ, но теперь, когда приподнята завѣса, покрывавшая дѣйствительность, теперь было бы нелѣпо и смѣшно снова за нею укрываться. Нужно искать новыя точки опоры. Божественное происхожденіе власти, ея всемогущество во всякомъ случаѣ такими точками опоры болѣе служить не могутъ»[1]). Не можетъ служить такой точкой опоры и пресловутое начало легитимизма. «Если подъ легитимизмомъ, говоритъ Ламетъ, понимать закономъ установленный порядокъ престолонаслѣдія, то легитимизмъ въ этомъ смыслѣ признается и либералами, но если съ этимъ словомъ связываютъ догматъ божественнаго происхожденія власти, по которому народы — собственность монарха, а его воля замѣняетъ собою законъ, то эту доктрину мы безусловно отвергаемъ, доктрину, исповѣдываніе которой не безъ основанія англичане признавали величайшимъ преступленіемъ, государственной измѣной»[2]).

«Хартія, поясняетъ Роде, есть дѣйствительный отказъ отъ мнимой абсолютной власти. Она представляетъ собою безповоротное отреченіе отъ пережившихъ себя воззрѣній феодализма, по которымъ въ лицѣ монарха сосредоточивалась власть и право произвольно располагать личностью и имуществомъ гражданъ»[3]).

Либералы противопоставляли началу самодержавія монарха принципъ общественнаго самоопредѣленія народа. «Народы, говоритъ Ройе Колларъ, суверенны въ томъ смыслѣ, что ими не владѣютъ какъ территоріями, а что они принадлежатъ

---

[1]) «Croyez-moi, Messieurs, les mots magiques ont perdu leur pouvoir devant la raison publique, devant la raison universelle, devant la conscience des besoins réels de la société. Si, pour la première fois il s'agissait d'établir les fondements de la société ces mots magiques pourraient être employés: mais une fois que le voile a été soulevé, il ne peut plus être déchiré: il serait absurde et ridicule de vouloir le replacer de nouveau: il faut chercherd'autres points d'appui. Le droit divin, sa toute puissance n'en sont plus. Entendez mieux les intérêts de la société, qui veut la liberté parce qu'elle veut l'ordre de la société, ou le peuple a peut-être plus besoin de l'ordre, parce qu'il lui est nécessaire pour travailler et pour vivre». Arch. parl. T. XXXIV, p. 225.

[2]) «Si par le mot de légitimité vous entendez l'hérédité, la succession au Trône de mâle en mâle par ordre de primogéniture à l'exclusion des femmes, nous professons tous sincèrement cette doctrine: mais si vous voulez la rattacher au dogme d'un droit divin, d'après lequel les peuples seraient la propriété du monarque et sa volonté mise à la place de la loi, nous le declarons, jamais nous n'adopterons une théorie que les Anglais ont qualifiée de crime de haute trahison». Рѣчь 11 января 1822 г. 2-ème Série. T. XXXIV, p. 26.

[3]) ... abdication réelle d'un prétendu pouvoir absolu, une renonciation définitive à ces antiques de maximes de la féodalité, qui supposait, dans la personne du monarque, le pouvoir et le droit de disposer arbitrairement des personnes, des propriétés des citoyens. Arch. parl. T. XXVII, p. 676.

самимъ себѣ, что они въ силу естественнаго права черпаютъ въ самихъ себѣ средства для охраненія своего существованія, для обезпеченія своего благосостоянія; народъ суверенень, далѣе, въ томъ смыслѣ, что общественное признаніе есть единственное прочное основаніе всякаго правительства, которое существуетъ только черезъ народъ и для народа».

Видя въ признаніи общества единственное прочное основаніе власти и уважая въ голосѣ народа авторитетъ, съ которымъ правительство должно безусловно считаться, либералы не видѣли, однако, въ этомъ авторитетѣ абсолютнаго начала. Они безусловно отвергали ученіе о неограниченности государственной власти и выставляли однимъ изъ важнѣйшихъ принциповъ своей доктрины начало правовой связанности государства.

Въ современномъ обществѣ, учили они, нѣтъ неограниченной власти и господствовавшій при старомъ режимѣ догматъ всемогущества государства долженъ быть безусловно отвергнутъ. Власть общественнаго союза находитъ свой необходимый предѣлъ въ естественныхъ неотъемлемыхъ правахъ членовъ этого союза.

«Существуютъ, восклицаетъ Лафайетъ, естественныя права, права, покоящіяся на всегда себѣ равной справедливости, права, которыя ни для какой власти недосягаемы, ни даже народу въ цѣломъ»[1]). «У насъ, говоритъ Ройе Колларъ, всегда существовали права, которыя признавались неприкосновенными и которыя были недосягаемы и суверенной законодательной власти»[2]).

Ихъ неприкосновенность гарантируется не только тѣмъ, что власть короля перестала быть абсолютной и что законодательныя полномочія распредѣляются между нѣсколькими другъ друга уравновѣшивающими областями, они обезпечиваются и тѣмъ, что отвергнута самая доктрина безпредѣльности власти, и что современный строй признаетъ лишь полномочія ограниченныя, находящія свой предѣлъ въ хартіи, ставящей во главу угла своихъ опредѣленій неприкосновенность основныхъ правъ гражданъ. «Недостаточно, говоритъ Ройе Колларъ, для политической свободы народа, чтобы государственная власть была распредѣлена между нѣсколькими властями, какова бы ни была ихъ природа и каково бы ни было ихъ происхожденіе. Распредѣленіе властей есть, конечно, фактъ первостепенной важности, онъ имѣетъ очень важныя послѣдствія для власти короля, которую онъ существенно мѣняетъ; но построенное на немъ правительство, хотя и раздѣленное между нѣсколькими элементами, въ отношеніи къ своему воздѣйствію все же остается

[1]) Рѣчь Лафайета, 27 мая 1820 года. Arch. parl. T. XXVIII, p. 152.
[2]) Рѣчь Ройе Коллара. Archives parlementaires. T. XXXIV, p. 132.

единымъ, и если оно не встрѣчаетъ извнѣ никакихъ преградъ, съ которыми оно должно считаться, то оно, какъ бы вы его ни называли, становится абсолютнымъ, народъ и его права поступаютъ въ его произвольное распоряженіе, низводятся на степень его частнаго достоянія. Указывая на эти опасныя послѣдствія, я вовсе не декламирую, а излагаю выводы раздѣляемой многими извѣстной доктрины парламентскаго всемогущества (omnipotence parlementaire), доктрину опасную, вышедшую изъ среды разлагающагося общества, истинную доктрину деспотизма и революціи, гибельную именно тѣмъ, что она отрицаетъ незыблемость основныхъ законовъ и не признаетъ неотъемлемости правъ народа» [1]).

Въ конституціонной Франціи, по ученію либераловъ, нѣтъ абсолютной власти и нѣтъ органа, который обладалъ бы неограниченными полномочіями; всѣ власти покоятся на хартіи, которая является послѣднимъ основаніемъ ихъ авторитета, и всѣ онѣ обладаютъ лишь той степенью власти, которая отмежевана имъ хартіей. И въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между монархомъ и парламентомъ. Его власть, какъ и власть обѣихъ палатъ, основана на законѣ и ограничена закономъ. И онъ, какъ и палаты, обладаетъ лишь тѣми правами, которыя закрѣплены за нимъ хартіей. Въ государствѣ стараго порядка господствовали люди, ихъ воля, ихъ капризы; въ современномъ же государствѣ должно воцариться право, регулирующее общественные интересы на началахъ справедливости.

«Въ обществѣ существуютъ два элемента, говоритъ Ройе Колларъ, одинъ матеріальный — это человѣкъ, его сила и его воля; другой духовный — это право, вытекающее изъ законныхъ интересовъ. Свободныя конституціи имѣютъ своею цѣлью положить конецъ господству силы и обезпечить господство справедливости» [2]).

Ставъ на эту точку зрѣнія, Ройе Колларъ вмѣстѣ со своими единомышленниками вооружается противъ доктрины народнаго верховенства въ смыслѣ абсолютнаго народовластія. «Суверенитетъ народа, по словамъ Ройе Коллара, это тотъ же суверенитетъ грубой силы, который мы осуждаемъ въ абсолютной монархіи — суверенитетъ безъ правилъ и безъ границъ, безъ обязанностей и безъ совѣсти, суверенитетъ, для котораго нѣтъ ни добра, ни зла, ни прошлаго, ни будущаго...» [3]) «Сила принуждаетъ, но не обязываетъ; способность обязывать есть свойство, присущее суверенитету

[1]) Рѣчь отъ 22 января 1822 года. Archives parlementaires. T. XXXIV, p. 132.

[2]) Barante. La vie politique de Royer-Collard. Ses discours et ses écrits. Troisième édition. Tome II, p. 33.

[3]) Тамъ же, стр. 463.

другого порядка. Воля одного, воля многихъ, воля всѣхъ — все это ни что иное, какъ физическая сила лишь различной степени; по отношенію къ нимъ никто не обязанъ чи повиновеніемъ, ни даже малѣйшимъ уваженіемъ. Общество, продолжаетъ Ройе Колларъ, не представляетъ собою сумму индивидовъ, сумму воль; оно объединено болѣе крѣпкой связью, и этой связью является право, привилегія человѣчества и тѣ законные интересы, которые въ правѣ находятъ свое покровительство и свою защиту (et les intérêts légitimes qui naissent du droit). Право не порождено силой, а вытекаетъ изъ справедливости, которая является верховнымъ судьей интересовъ. Подъ ауспиціями права слагается общество, чтобы развѣнчать силу и ея владычество замѣнить господствомъ справедливости». Отвергая абсолютную власть, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, ратуя какъ противъ суверенитета монарха, такъ и противъ суверенитета народа, либералы признавали верховнымъ принципомъ современнаго государства начало законности — господство права во всѣхъ сферахъ общественной жизни. «Истиннымъ сувереномъ въ государствѣ, говоритъ Манюэль, является законъ и этому суверену подчиненъ король въ такой же степени, какъ и остальные граждане»[1]). «Законность, говоритъ Ройе Колларъ, это — самая глубокая изъ идей, когда-либо проникшихъ въ общество: идея самая глубокая и самая плодотворная.

Въ образѣ, вызывающемъ чувство почтенія, она дѣлаетъ для всѣхъ ощутимымъ право на благородный удѣлъ, данный человѣческому роду — право, безъ котораго на землѣ есть лишь жизнь, лишенная достоинства, и смерть, лишенная надежды»[2]).

«Если законъ суверененъ, то суверенитетъ, учитъ Манюэль, находится въ рукахъ тѣхъ, отъ которыхъ исходитъ этотъ законъ»[3]).

Суверенитетъ въ смыслѣ верховнаго авторитета въ государствѣ принадлежитъ закону, какъ предписанію права; суверенитетъ же

---

[1]) ... que nos adversaires viennent nous dire s'il existe un autre souverain que celui, qui fait les lois, si la loi n'est pas le véritable souverain, si le Roi n'y est pas soumis comme les autres citoyens. Arch. parl. T. XXX, p. 409. Рѣчь Манюэля 20 марта 1821 г.

[2]) Elle rend sensible à tous dans une image reverée le droit ce noble apanage de l'espèce humaine, le droit sans lequel il n'a rien sur la terre qu'une vie sans dignité et une mort sans espérances. Arch. parl. 2-ème Série T. XXVIII, p. 659.

[3]) Aussi, il n'y a pas de la Charte, pas de gouvernement représentatif si la souveraineté réside seulement dans celui qui nous a donné la Charte... Si la loi est souveraine, c'est dans ceux qui font la loi que réside la souveraineté. Du reste, c'est une observation que je fais: elle est plus importante que vous ne sauriez le croire; car voyez où conduit le système contraire. Si la souveraineté continue à résider dans le Roi, il a donc le pouvoir de refaire ce qu'il a fait une fois: la Charte peut donc être révoquée. Contestez ces conséquences. Archives parlementaires. T. XXX. p. 402. Рѣчь, произнесенная Манюэлемъ 20 марта 1821 года.

въ смыслѣ высшей распорядительной власти, осуществляемой людьми, принадлежитъ тѣмъ органамъ, которые установляютъ эти законы. Этими органами въ современной Франціи, согласно конституціи, являются король и обѣ палаты.

Гастонъ де Рошфуко, въ рѣчи, произнесенной имъ 13 февраля 1828 г., задается вопросами: гдѣ же суверенитетъ и въ чемъ же выражается суверенитетъ короля и отвѣчаетъ на него слѣдующими разсужденіями: никто, конечно, не станетъ утверждать, что суверенитетъ проявляется въ исполнительной власти короля. Извѣстно, что исполнительная власть представляетъ собой ни что иное, какъ делегацію, и всѣ публицисты, какъ древности, такъ и новаго времени, согласны въ томъ, что эта исполнительная власть является делегаціей власти законодательной. Суверенитетъ короля можетъ поэтому выражаться только въ той долѣ законодательной власти, которую конституція государства ему отмежевала. Съ моей точки зрѣнія, продолжаетъ Рошфуко, законодательная власть со времени изданія хартіи была раздѣлена между тремя факторами, и никто не станетъ, конечно, утверждать, что законодательная власть, предоставленная палатѣ перовъ и палатѣ депутатовъ, имѣла бы другія свойства, чѣмъ та, которая отведена королю. Изъ этого съ несомнѣнностью вытекаетъ, что король суверененъ въ границахъ своихъ полномочій, а вы суверенны въ предѣлахъ своихъ.

Либералы, отвергая суверенитетъ короля и признавая высшимъ авторитетомъ въ государствѣ — законъ, должны были относиться безусловно отрицательно къ воззрѣнію роялистовъ на хартію, какъ на свободный даръ неограниченнаго монарха. Они открыто заявляли, что способъ происхожденія хартіи, какъ его изображали роялисты, не вяжется съ фактическими условіями, при которыхъ Бурбоны были водворены на престолъ и при которыхъ состоялось изданіе конституціи 4 іюня 1814 г. Объ этихъ условіяхъ подробно распространяется Манюэль въ своей рѣчи, произнесенной имъ 22 января 1822 г. «Съ 1792 года, говоритъ онъ, Франція жила при правительствахъ, которыя стояли въ явной оппозиціи къ династіи Бурбоновъ. Эта династія вернулась во Францію послѣ длиннаго перерыва, среди несчастій, постигшихъ отечество. Она была совершенно неизвѣстна новому поколѣнію, которое въ режимѣ, существовавшемъ до 1789 г., видѣло порядокъ, противорѣчащій интересамъ большинства народа. Неудивительно, что при такомъ настроеніи династія Бурбоновъ была встрѣчена народомъ болѣе, чѣмъ недружелюбно»[1]).

[1]) Depuis 1792 la France vivait sous d'autres gouvernements, qui étaient en opposition manifeste avec la famille des Bourbons. J'ai dit que la famille

И если общество потомъ примирилось съ династіей Бурбоновъ, то потому, что она пошла навстрѣчу его желаніямъ: Сентъ-Уанской декларацiей она учредила конституціонный строй и подчинилась ему. Лѣтосчисленіе свободнаго строя нужно вести поэтому не со дня дарованія хартіи, а съ момента обнародованія декларацiи въ Сентъ-Уанѣ. Эта декларація, по словамъ Манюэля, заключаетъ въ себѣ зародышъ тѣхъ принциповъ, которые были затѣмъ развиты въ хартіи: она лишь воспроизводитъ ту систему, которую содержитъ въ себѣ сенатская конституція 6-го апрѣля[1]).

Видя въ изображеніи роялистами возникновенія хартіи легенду, не оправдывающуюся историческимъ ходомъ событій, либералы не придавали, однако, способу происхожденія конституціи рѣшительнаго значенія; они держались того правильнаго взгляда, который утверждаетъ, что тотъ или другой способъ изданія хартіи не предрѣшаетъ характера конституціи и что степень власти какъ монарха, такъ и парламента не зависитъ отъ того, октроирована ли хартія монархомъ или отвоевана народомъ, а обусловливается соотношеніемъ политическихъ факторовъ, вызвавшихъ государственный переворотъ, и содержаніемъ конституціи, формально закрѣпляющей этотъ переворотъ и дающей ему юридическое выраженіе. «Я не буду, говоритъ Беранже, пускаться въ разсужденіе о томъ различіи, которое будто бы существуетъ между конституціей, обязанной своимъ происхожденіемъ демократическому вліянію, и хартіей, редактированной одной только монархической властью; я думаю, что это различіе скорѣе искусственное, чѣмъ правильное, ибо всякая конституція, какъ бы она издана ни была, есть отвѣтъ на потребность и кѣмъ и какъ бы она издана ни была, она, чтобы быть прочной, должна соотвѣтствовать этой потребности»[2]). «Октроирована ли хартія или только признана королемъ, говоритъ Роде, она во всякомъ случаѣ стала теперь достояніемъ Французскаго народа, который ее принялъ, для котораго она стала предметомъ привязанности, правиломъ поведенія, основаніемъ его надеждъ на будущее. Сложилось соглашеніе между монархомъ и народомъ;

---

des Bourbons se représantant en France après un long intervalle, au milieu des malheurs de la patrie, inconnue à une génération, habituée à considérer ce qui existait avant 1789 comme en opposition avec l'intérêt de la masse des citoyens: que dans cet état on avait vu arriver cette famille avec répugnance... Je n'ai pas à contester les droits de la famille royale. Que ces droits existassent depuis plus ou moins longtemps, ce qu'il y a de certain, c'est qu'ils n'étaient plus réconnus en France; c'est qu'il existait alors quelque répugnance contre une famille nouvelle. Arch. parl. T. XXXIV, p. 301.

[1]) La déclaration de Saint-Ouen contient le germe des principes, développés dans la Charte et reproduit tout le système des constitutions du Sénat-conservateur. Arch. Parl. T. XXXIV, p. 301, 30 января 1822 года.

[2]) Arch. parl. 2-ème Série, T. LXV, p. 270.

оно матеріально вытекало изъ совпаденія интересовъ, формально же оно было закрѣплено присягой сторонъ: присягою короля, принцевъ, гражданъ, депутатовъ и министровъ; всѣ они дали клятву соблюдать хартію»[1]). И по словамъ Ланжюне, хартія есть, въ сущности, ни что иное, какъ соглашеніе между монархомъ и народомъ: «она, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ ихъ взаимныя обязательства; въ ней прямо говорится, что она дана, какъ уступка желаніямъ подданныхъ, изъ необходимости итти навстрѣчу ихъ реальнымъ нуждамъ и считаться со вновь сложившимися условіями общественной жизни. Хартія была исторически необходима и въ этой исторической необходимости и въ обусловливаемой ею солидарности съ интересами общества и правовымъ сознаніемъ народа нужно видѣть ея главнѣйшее обоснованіе и надежнѣйшую опору». «Въ данную эпоху, говоритъ Ройе Колларъ, при данномъ состояніи общества, возможенъ лишь одинъ соотвѣтствующій этому состоянію образъ правленія. Для учрежденій народа существуютъ извѣстные неотразимые принципы, которые суть ни что иное, какъ необходимыя условія его существованія. Законная монархія и свобода суть абсолютныя требованія нашего образа правленія, потому что они являются абсолютными требованіями современной Франціи».

Хартія черпаетъ свою силу не въ авторитетѣ того, кто ее издалъ, а въ ея солидарности съ общественными требованіями. «Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано бытіе хартіи, спрашиваетъ Лафайетъ[2]), что возвело ее на степень общественнаго достоянія? Не религія же божественнаго права? Не начало же легитимитета? Нѣтъ, господа признаемъ, что если хартія, несмотря на свои антецеденты, несмотря на свои несовершенства, несмотря на свои истолкованія, какъ открытыя, такъ и конфеденціальныя, если хартія стала популярной среди насъ, то она этимъ обязана тому, что отвергла

[1]) Arch. parl. 2-ème Série. T. XXII, p. 676.

[2]) En effet, Messieurs, à quoi tient l'existence de la Charte? Qu'est-ce qui l'a élevée au rang de propriété nationale? Serait-ce la religion du droit divin? Mais plusieurs actes intérieurs étaient partis de la même source, avaient pendant dix-neuf ans invoqué le même talisman. Et cependant, sous la République ils n'avaient pas empêché qu'on ne jurât haine à la royauté; sous l'Empire, sans même parler d'un autre droit divin consacré par les puissances réligieuses et politiques d'alors, je ne sache pas que les appels à la légitimité parmi tant de ses zélateurs actuels, aient jamais déterminé personne à renvoyer au gouvernement de fait un porte-feuille d'homme d'Etat, un brevet militaire une place de magistrature, une croix épiscopale, un diplôme de comte, une clef de chambellan. Serait-ce la promulgation du 4 Juin? Mais quel Français ayant les sentiments de ses droits n'a pas ressenti la formule, par laquelle on traitait en affranchie la nation au moment où elle replacaitl'étendard royal à la tête de ses drapeaux chargés de lauriers? Serai-ce parce que cette Charte est arrivée à la suite des armées étrangères et a été depuis ramenée par elles. Mais il n'y a là, au contraire, que du désavantages. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVIII, p. 152. Рѣчь Лафайета 27 мая 1820 г.

много доктринъ, надеждъ и декларацій контръ-революціонныхъ, что она явилась гарантіей индивидуальной свободы, свободы печати, свободы вѣроисповѣданій, равенства правъ, независимости суда присяжныхъ, неприкосновенности всѣхъ видовъ собственности; что она представляетъ собою и залогъ представительной системы, которая сдѣлала дѣйствительнымъ признаніе нашихъ правъ и плодовъ революціи[1]). Хартія не произвольное произведеніе верховнаго законодателя, не свободное выраженіе воли того или другого политическаго фактора, а естественный плодъ предшествующаго развитія, юридическій фактъ, формулировавшій и закрѣпившій на бумагѣ результатъ длительнаго историческаго процесса, юридическій актъ, являющійся отраженіемъ правосознанія современнаго общества. «Хотя хартія, говоритъ Бенжаменъ Констанъ, и была написана, и притомъ написана на нашихъ глазахъ, она тѣмъ не менѣе не произвольный актъ, не систематическая концепція отвлеченной мысли: она представляетъ собою внушительную дѣйствительность, она правдиво выражаетъ собою интересы, нравы, состояніе того общества, которымъ она предназначена была управлять»[2]). «Хартія, говоритъ Ройе Колларъ, представляетъ собою всю нашу исторію, это единственный и верховный фактъ. Въ силу своего происхожденія она недосягаема тѣмъ властямъ, которыя ею созданы, и какъ соглашеніе и умиротвореніе она нерушима, она незыблемый основной законъ и не теоріи мѣряться съ ней силами»[3]). «Хартія, восклицаетъ Бенжаменъ Констанъ, это трактатъ единенія, это союзный договоръ между народомъ, разочарованнымъ и образумленнымъ безпорядками и утомленнымъ

---

[1]) Convenons donc, Messieurs, que si la Charte malgré ses antécédents, ses imperfections, ses commentaires tant avoués que confidentiels, s'est réellement popularisée parmi nous, c'est parce qu'elle avait retracté beaucoup de doctrines, d'espérances, de déclarations contrerévolutionnaires: parce qu'elle avait été présentée par son auguste auteur comme une garantie pour la liberté individuelle, la liberté de la presse, la liberté des cultes, l'égalité des droits, l'indépendance du jury, l'inviolabilité de toutes les propriétés, et comme le gage d'un système représentatif avec lequel on pouvait rendre efficace cette réconnaissance récente de nos droits et des fruits de la Révolution. Arch. parl. T. XXVIII, p. 152.

[2]) Quoique la Charte soit écrite, et même que nous l'ayons vu écrire, elle n'est point arbitraire comme les conceptions systématiques de l'ésprit; il lui était imposé d'être vraie, d'exprimer fidèlement les intérêts, les mœurs, l'état de la société qu'elle devait régir. Рѣчь, произнесенная 17 мая 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVII, p. 655.

[3]) La Charte est maintenant toute notre histoire, elle est le fait unique et suprême. Par la hauteur de son origine elle est, dans le cours ordinaire des choses, au dessus de l'atteinte des pouvoirs qui sont son ouvrage; comme transaction et pacification elle est inviolable, comme loi fondamentale, ce n'est pas à la théorie de se mesurer avec elle. Рѣчь, произнесенная 3 іюня 1824 г. Arch. parl. 3-ème Série. T. XLI, p. 193.

политическимъ гнетомъ, и монархомъ, объявившимъ себя врагомъ абсолютной власти»[1]).

Имѣетъ ли законодательная власть въ лицѣ короля и двухъ палатъ право вносить поправки въ конституцію? На этотъ вопросъ всѣ либеральные ораторы, безъ различія оттѣнковъ, отвѣчаютъ отрицательно. Всѣ они исходятъ изъ того положенія, что хартія не есть простой законъ, который могъ бы быть отмѣненъ или видоизмѣненъ обычнымъ порядкомъ, а представляетъ собою конституцію, освящающую незыблемый правовой порядокъ, неприкосновенный для тѣхъ факторовъ, которые этотъ порядокъ установили.

Неприкосновенность хартіи для законодательной власти — это одинъ изъ основныхъ догматовъ либераловъ и въ этой неприкосновенности они видятъ главный залогъ устойчивости и прочности того государственнаго строя, который признала Франція и охраненіе котораго послѣ пережитыхъ ею потрясеній является существенной потребностью страны [2]).

«Если бы, говоритъ Делоне въ своей рѣчи, произнесенной 12 іюня 1820 года, мы поставили хартію на одну доску съ простыми законами и если бы отъ законодательной власти каждой сессіи зависѣло мѣнять ее или вносить въ нее поправки, то у насъ не было бы дѣйствительнаго общественнаго договора; коренныя основы нашего образа управленія постоянно бы мѣнялись; въ зависимости отъ смѣны различныхъ теченій въ общественномъ мнѣніи всѣ права, признанныя хартіей, и всѣ учрежденія, ею освященныя, стояли бы постоянно подъ вопросомъ, мы бы находились въ состояніи постоянной революціи, вмѣсто того чтобы разъ навсегда себя отъ нея оградить» [3]).

«Я допускаю возможность наступленія условій, при которыхъ измѣненія конституціи будутъ признаны необходимыми, говоритъ Манюэль, но я отрицаю, чтобы эти измѣненія могли быть сдѣланы тѣми тремя властями, которыя установлены хартіей. Если бы эти власти имѣли право мѣнять конституцію, то абсолютная власть

---

[1]) La Charte a paru, la Charte traité d'union, pacte d'alliance entre un peuple désabusé du désordre et lassé de la servitude, et un monarque qui se déclarait l'ennemi du pouvoir absolu. Рѣчь 8 іюня 1824 г. Arch. parl. T. XLI, p. 300.

[2]) Характерны слова генерала Foy, сказанныя имъ 4 іюня 1824 г. «La fixité est le motif, le but, le système de la Charte, disons mieux, c'est la Charte toute entière. Et cette Charte majestueusement descendue du trône de Saint Louis, cette Charte accueillie naguère par la bénédiction du peuple, cette Charte si souvent proclamée, le palladium de nos libertés, voilà qu'aujourd'hui on la traite comme on traiterait un expédient de finances ou un réglement de circonscription territoriale». Arch. parl. T. XLI, p. 210, 211. Ср. также рѣчь Dony, Arch. parl. T. XXVIII, p. 420.

[3]) Рѣчь Делоне 12 іюня 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVIII, p. 421.

продолжала бы существовать попрежнему и лишь перемѣнила бы своего хозяина; вся перемѣна свелась бы къ тому, что эта абсолютная власть вмѣсто того, чтобы сосредоточиться въ одномъ монархѣ, находилась бы въ рукахъ короля и двухъ палатъ»[1]). Измѣненія въ конституціи, если они въ исключительныхъ случаяхъ и допустимы, могутъ исходить лишь отъ власти высшаго порядка и путемъ особеннымъ, соотвѣтствующимъ важности пересматриваемаго акта. «Конечно, говоритъ Ланжюне, необходимо признать высшую власть, высшій предѣлъ политической организаціи. Но при конституціонномъ режимѣ эта власть (если только хотятъ, чего, конечно, нужно хотѣть, мѣнять конституцію, не разрушая ея), эта власть должна быть отличена отъ другихъ; она должна имѣть различныя формы, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о второстепенномъ законѣ или о такомъ, который въ цѣломъ или въ части мѣняетъ конституцію»[2]).

И по мнѣнію Манюэля, должна существовать особая власть и особый порядокъ для пересмотра конституціи, отличный отъ законодательнаго порядка. «Необходимо, говоритъ онъ, въ такихъ случаяхъ признать другія начала, необходимо спеціальнымъ закономъ установить порядокъ пересмотра конституціи при помощи спеціальной власти, которая призвала бы народъ къ рѣшенію вопроса, нуждаются ли дѣйствительно данныя учрежденія въ предположенныхъ перемѣнахъ или нѣтъ»[3]).

Дальфонсъ и Делоне, первый въ рѣчи, произнесенной 24 мая 1820 года[4]), а второй въ рѣчи 12 іюня того же года[5]), не менѣе

[1]) Je conçois qu'il puisse arriver que des modifications à la Charte soient réconnues nécessaires, mais qu'elles puissent être faites par les trois pouvoirs établis par la Charte, c'est ce que je ne concéderai jamais... Alors, Messieurs, comme on nous l'a dit, le pouvoir absolu de faire et défaire n'aurait fait que changer de mains; il serait dans le Roi et les Chambres au lieu d'être dans le Roi lui seul. Рѣчь, произнесенная 30 января 1822 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXIV, p. 225. Ср. также рѣчь Лафайета 27 мая 1820 г. Тамъ же, т. XXVIII, p. 152.

[2]) Sans doute il faut reconnaître un pouvoir suprême, terme nécessaire de l'organisation politique. Mais dans le régime des constitutions, ce pouvoir, quand on veut, comme il faut le vouloir, changer la constitution sans la detruire, doit être diversifié dans les formes selon qu'il s'agit d'une loi sécondaire, ou d'une loi qui abroge en tout ou en partie cette constitution. Otez cette variété de formes, il n'y a plus de vrai partage, il n'y a plus de vraie divisions de pouvoir. Рѣчь, произнесенная 5 мая 1824 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XL, p. 319.

[3]) Il faut admettre d'autres bases, il faut établir par une loi spéciale un mode de révision par un pouvoir spécial, qui appelle la nation à juger si, en effet, ses institutions ont besoin d'être modifiées. Рѣчь, произнесенная 30 января 1822 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXXIV, p. 225. Ср. также рѣчь Dalphonse отъ 24 мая 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVIII, p. 83.

[4]) Il m'est donc impossible de me persuader que ceux qui n'ont reçu mission mandat que pour maintenir la Charte, qui se sont engagés par le serment à lui obéir, puissent s'arroger le droit de l'interpréter, de l'ameliorer même. Ce serait la plus téméraire et la plus dangereuse usurpation. Ce droit ne peut appartenir qu'a un autre pouvoir, à une assemblée de révision. La constitution

рѣшительно высказываются въ пользу необходимости особаго порядка для пересмотра конституціи. Они видятъ существенный пробѣлъ хартіи въ томъ, что она не предусматриваетъ пересмотра конституціи, подобно прежнимъ хартіямъ, конституціи 1791 г. и конституціи VIII г., и высказываются въ пользу необходимости пополнить этотъ пробѣлъ и обставить ревизію конституціи гарантіями, которыя обезпечили бы общественному мнѣнію соотвѣтствующее вліяніе на пересмотръ хартіи.

VI.

Отношеніе правительства къ вопросу объ измѣняемости хартіи въ первые годы царствованія Людовика XVIII.

Предшествующее изложеніе показало, что по вопросу объ измѣняемости хартіи встрѣтились въ парламентѣ Людовика XVIII два противоположныхъ воззрѣнія: представители новой Франціи видѣли въ хартіи незыблемый основной законъ, который обычнымъ законодательнымъ порядкомъ измѣненъ быть не можетъ, роялисты же учили, что хартія — свободный даръ суверена, который, въ зависимости отъ воли короля, подлежитъ измѣненію, дополненію и даже отмѣнѣ и притомъ тѣмъ же самымъ порядкомъ, которымъ онъ былъ данъ, т.-е. одностороннимъ актомъ монарха.

Правительство Людовика XVIII не присоединилось ни къ тому, ни къ другому воззрѣнію, а избрало средній путь, который, съ од-

---

de 1791 avait fixé le temps ou elle pourrait être révisée et la manière dont elle pourrait l'être. Si cette disposition eut été respectée, la première assemblée législative n'aurait pas suspendu le monarque, nous n'aurions pas eu la Convention et tous les malheurs qu'elle a produits. La constitution de l'an VIII avait institué un corps politique chargé de maintenir ou annuler les actes qui lui seraient déférés comme inconstitutionnels par le tribunal ou par le gouvernement, d'expliquer les articles de la constitution qui donnaient lieu à différentes interprétations. Il avait donc le pouvoir de réviser, d'interpréter. La Charte n'a pas eu cette prévoyance, mais il peut y être suppléé par une loi et cette loi est le domaine de la puissance législative ordinaire. Ce sera à MM. les Ministres et aux Chambres a en combiner les dispositions avec toute la circonspection et la sagesse que son importance devra commander. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVIII, p. 83.

[5]) On chercherait en vain dans la Charte un mode de révision: elle n'en contient pas; puisque cette lacune existe et que le projet d'y faire des changements a excité des inquiétudes sur tous les points de la France, il serait d'une haute sagesse, pour assurer de plus en plus la stabilité, de remplir cette lacune en determinant par une loi quelques changements, si l'expérience venait à les démontrer nécessaires. Ces changements ne pourraient avoir lieu que sur la proposition formelle du Roi, une seule législature ne pourrait les adopter; il serait nécessaire que le Roi persistât dans sa proposition pendant plusieurs sessions des Chambres, et qu'au moins deux législatures successives y donnassent assentiment. On pourrait même statuer que, pour opérer ces changements il faudrait qu'ils fussent consentis dans les Chambres par une majorité plus forte que la majorité ordinaire. Arch. parlementaires, 2-ème Série. T. XXVIII, p. 421.

ной стороны, признавалъ догматъ октроированнаго порядка, выставленный роялистами, а съ другой хотѣлъ обезпечить либераламъ неприкосновенность основныхъ принциповъ конституціоннаго режима. Эту умѣренную точку зрѣнія отстраивали въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ министры Паскье, де Серръ и Корьбіеръ при защитѣ ими законовъ о выборахъ 1817 и 1820 г.г. и закона 1824 года.

Но прежде, чѣмъ стать на эту точку зрѣнія, правительство Людовика XVIII въ своей политикѣ по отношенію къ измѣняемости хартіи пережило нѣсколько колебаній, наиболѣе яркими моментами которыхъ является указъ 13 іюля 1815 года и ордонансъ 5 сентября 1816 года.

Первый изъ этихъ указовъ предполагаетъ принципъ измѣняемости хартіи безъ всякихъ ограниченій. Онъ вноситъ въ хартію цѣлый рядъ поправокъ: онъ увеличиваетъ число депутатовъ отъ 262 до 402 и понижаетъ ихъ возрастный цензъ съ 40 до 25 лѣтъ; онъ, кромѣ того, опредѣляетъ, что въ слѣдующую сессію палатъ будутъ подвергнуты пересмотру статьи конституціи, касающіяся законодательной иниціативы, права поправокъ и еще нѣкоторыя другія статьи хартіи[1]).

---

[1]) А именно §§ 28; 35—46. Принципъ измѣняемости хартіи провозглашается первыми же строками этого указа, мотивирующими его постановленія. Вотъ онъ: «Nous avions annoncé que notre intention était de proposer aux Chambres une loi, qui réglât les élections des députés des départements. Notre projet était de modifier, conformement à la leçon de l'expérience et au voeu bien connu de la nation, plusieurs articles de la Charte touchant les conditions d'éligibilité, le nombre des députés et quelques autres dispositions relatives à la formation de la Chambre, à l'initiative des lois et au mode de ses délibérations. Le malheur des temps ayant interrompu la session des deux Chambres nous avons pensé que maintenant le nombre des députés des départements se trouvait par diverses causes beaucoup trop réduit pour que la nation fût suffisamment représentée; qu'il importait surtout, dans telles circonstances que la représentation nationale fût nombreuse; que ses pouvoirs fussent renouvelés; qu'ils émanassent plus directement des collèges électoraux; qu'enfin les élections servissent comme d'expression à l'opinion actuelle de nos peuples. — Nous nous sommes donc déterminé à dissoudre la Chambre des députés et à convoquer sans delai une nouvelle; mais le mode des élection n'ayant put être reglé par une loi, non plus que les modifications à faire à la Charte, nous avons pensé qu'il était de notre justice de faire jouir dès à présent la nation des avantages qu'elle doit recueillir d'une représentation plus nombreuse et moins restreinte dans les conditions d'éligibilité; mais voulant cependant que, dans aucun cas, aucune modification de la Charte ne puisse devenir définitive, que d'après les formes constitutionnelles, les dispositions de la présente ordonnance seront le premier objet des délibérations des Chambres. Le pouvoir législatif dans son ensemble statuera sur la loi des élections sur les changements à faire à la Charte dans cette partie, changements, dont nous ne prenons l'initiative que dans les cas les plus indispensables et les plus urgents, en nous imposant même l'obligation de nous rapprocher autant que possible de la Charte et des formes précédement en usage». Duvergier. Collection complête des lois, décrets, ordonnances, reglements et avis du conseil d'état. Tome XX, p. 5 et 6.

Второй указъ 5 сентября 1816 года установляетъ противоположное начало. Онъ исходитъ изъ положенія, что «рядомъ съ выгодой улучшенія существуетъ опасность нововведеній». «Мы убѣдились, говорится въ немъ далѣе, что потребность и пожеланіе нашихъ подданныхъ сходятся въ необходимости сохранить неприкосновенность конституціонной хартіи, которая является основой публичнаго права Франціи и гарантіей всеобщаго мира». Руководствуясь этими соображеніями, указъ установляетъ въ первомъ же своемъ параграфѣ правило, по которому впредь ни одна изъ статей хартіи не будетъ пересмотрѣна. Далѣе указъ возстановляетъ 36-ю статью хартіи и отмѣняетъ «всѣ постановленія указа 13 іюля 1815 года, стоящія въ противорѣчіи съ настоящимъ ордонансомъ»[1]).

Со времени изданія этого акта правительство Людовика XVIII придерживается взгляда, что хартія въ тѣхъ ея частяхъ, которыя опредѣляютъ основныя черты дѣйствующаго во Франціи конституціоннаго строя, является незыблемымъ законоположеніемъ, измѣненію безусловно не подлежащимъ[2]). Оно допускаетъ пересмотръ лишь тѣхъ статей хартіи, которыя регулируютъ отдѣльныя подробности порядка выборовъ, но при этомъ выставляютъ необходимымъ требованіемъ, чтобы такой пересмотръ могъ состояться не иначе,

---

[1]) «Depuis le retour dans nos Etats, chaque jour nous a démontré cette vérité, proclamée dans une occasion solenelle, qu'a côté de l'avantage d'améliorer est le danger d'innover. Nous nous sommes convaincu que les besoins et les voeux de nos sujets se réunissent pour conserver intacte cette Charte constitutionnelle, base du droit public en France et garantie du répos général. Nous avons en conséquence jugé nécéssaire de réduire la Chambre des députés au nombre déterminés par la Charte et de n'y appeler que des hommes de l'age quarante ans. Mais pour opérer légalement cette réduction il est indispensable de convoquer de nouveau les collèges électoraux afin de procéder a l'élection d'une nouvelle Chambre des députés. A ces causes... nous nous avons ordonné et ordonnons ce qui suit. Art. 1-er. Aucun des articles de la Charte constitutionnelle ne sera révisé... Art. 12. Les dispositions de l'ordonnance du 13 Juillet 1815 contraires à la présente sont revoquées. Duvergier. Tome XXI, pp. 39, 40.

[2]) Конституціонный строй былъ вновь подтвержденъ королемъ и его семьею при торжественномъ открытіи палатъ 9 октября 1815 года. Тронная рѣчь, произнесенная при этомъ королемъ, между прочимъ, гласила: «C'est donc avec une douce joie et une pleine confiance, que je vous vois rassemblés autour de moi certain que vous ne perdrez jamais de vue les bases fondamentales de la félicité de l'Etat: union franche et loyale des Chambres avec le Roi, et respect pour la Charte constitutionnelle. Cette Charte que j'ai médité avec soin avant de la donner, à laquelle la reflexion m'attache tous les jours davantage, que j'ai juré de maintenir et à laquelle vous tous, à commencer par ma famille, allez jurer d'obéir, est sans doute, comme toutes les institutions humaines, susceptible de perfectionnement, mais aucun de nous ne doit oublier qu'auprès de l'avantage d'améliorer est le danger d'innover...» Послѣ этой рѣчи короля, канцлеръ, выслушавъ приказаніе короля, объявилъ членамъ королевской семьи и принцамъ крови, что наступилъ моментъ принести клятву. Тогда поднялся графъ д'Артуа и сказалъ: «Я клянусь быть вѣрнымъ королю и соблюдать хартію и законы королевства». Такую же клятву принесли герцогъ Ангулемскій, герцогъ Беррійскій, герцогъ Орлеанскій и принцъ Конде.

какъ законодательнымъ путемъ, т.-е. не одностороннимъ распоряженіемъ короля, а совокупной дѣятельностью всѣхъ трехъ факторовъ законодательной власти: короля, палаты перовъ и палаты депутатовъ.

Въ полномъ согласіи съ этими принципами были изданы: избирательный законъ 5 февраля 1817 года; затѣмъ такъ называемый законъ о двойномъ голосованіи (loi du double vote) 29 іюня 1820 года и, наконецъ, законъ о септенатѣ 9 іюня 1824 года, установившій интегральное возстановленіе палаты депутатовъ каждыя семь лѣтъ.

Внося въ парламентъ проекты этихъ законовъ, министры Людовика XVIII мотивировали ихъ въ своихъ рѣчахъ разсужденіями, которыя даютъ намъ вполнѣ опредѣленное представленіе объ отношеніи правительства къ вопросу объ измѣняемости хартіи въ разсматриваемую эпоху. Съ этимъ отношеніемъ въ его болѣе характерныхъ чертахъ мы на слѣдующихъ страницахъ и познакомимъ читателя. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ развернетъ передъ нами и доктрину монархическаго принципа въ томъ ея фазисѣ, который характеризуетъ послѣдніе годы царствованія Людовика XVIII.

VII.

Правительственная доктрина объ юридической хартіи въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVIII (1816—1824 годы).

Правительственная доктрина объ измѣняемости хартіи въ разсматриваемую эпоху, какъ и за все время своего существованія, исходитъ изъ того положенія, что власть короля — власть первичная, самородная, имѣющая свою основу въ самой себѣ, въ своихъ историческихъ корняхъ и въ своихъ вѣковыхъ традиціяхъ.

«Для того, чтобы «сохранить хартію», говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Корбіеръ, необходимо, чтобы ея первоосновы были легитимны. Хартія же была октроирована королемъ; это фактъ безспорный. И это выраженіе «октроирована» должно имѣть такую же связывающую насъ силу, какъ и весь остальной текстъ хартіи. А разъ мы утверждаемъ, что король октроировалъ хартію, мы этимъ самымъ признаемъ, что онъ имѣлъ на это право, былъ, другими словами, облеченъ властью даровать ее. Король, насчитывающій 27 лѣтъ своему царствованію, былъ, очевидно, вооруженъ правомъ, предшествующимъ хартіи»[1]).

[1]) Рѣчь Корбіера въ палатѣ депутатовъ 24 января 1822 года. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXXIV, p. 168.

Сходясь съ роялистами въ воззрѣніина власть монарха, какъ на авторитетъ, имѣющій свой источникъ въ самомъ себѣ, и, раздѣляя ихъ взглядъ на хартію, какъ на односторонній актъ короля, правительство Людовика XVIII не дѣлало, однако, изъ этихъ предпосылокъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ приходили роялисты; оно не признавало за королемъ права свободно и по своему усмотрѣнію видоизмѣнять хартію. Власть короля, разсуждали министры Людовика XVIII, предшествуетъ хартіи, но не господствуетъ надъ ней. «Авторитетъ монарха, говоритъ тотъ же Корбіеръ, не можетъ стоять надъ хартіей. Король октроировалъ ее своимъ народамъ; она есть благо, принадлежащее тѣмъ, которые ее получили; король не можетъ поэтому обладать авторитетомъ, стоящимъ выше хартіи, ибо тогда его авторитетъ могъ бы взять ее обратно, и тогда хартія была бы ничѣмъ не обезпеченнымъ даромъ»[1]).

До изданія хартіи вся полнота власти находилась въ рукахъ короля, онъ былъ единственнымъ носителемъ суверенитета и осуществлялъ его единолично; издавъ же хартію, король привлекъ къ осуществленію своего суверенитета палаты, которыя этимъ самымъ стали соносителями государственнаго суверенитета. «Мы утверждаемъ, говоритъ министръ де Серръ, что король осуществляетъ всю полноту суверенитета закона совмѣстно съ палатами, и утверждаемъ это вмѣстѣ съ хартіей, которая опредѣляетъ, что палаты суть формы правленія короля (les formes du gouvernement du Roi»[2]).

Дарованіемъ хартіи король отказался отъ своей абсолютной власти. Онъ призвалъ палаты къ обсужденію всѣхъ законовъ, не исключая и законовъ основныхъ. Суверенитетъ, принадлежавшій одному монарху, пересталъ сосредоточиваться въ его рукахъ и сдѣлался достояніемъ сложнаго государственнаго органа — парламента, состоявшаго изъ короля, палаты перовъ и палаты депутатовъ[3]).

[1]) Non, Messieurs, l'autorite du Roi ne peut pas être supérieure à la Charte. Le Roi l'a octroyée à ses peuples elle est un bienfait qui appartient à ceux qui l'ont reçue; par conséquent le Roi ne peut avoir une autorité supérieure à la Charte car cette autorité pourrait la revoquer et alors il aurait donné sans assurer ce don (тамъ же, T. XXXIV, p. 167. 24 января 1822 года).

[2]) Рѣчь въ палатѣ депутатовъ 20 марта 1821 года. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXX, p. 403.

[3]) Рѣчь Фрейсину, сторонника правительства, въ палатѣ перовъ 7 мая 1824 года: «Sous toutes les formes de gouvernement, dans les républiques comme dans les monarchies, on est forcé de reconnaître quelque part une autorité soveraine à laquelle tout doit céder. C'est une des conditions nécessaires de l'existance et de la durée des sociétés. Or où la placerons nous cette autorité, sinon dans la réunion des trois pouvoirs? Oui, dans l'ordre civile et politique leur concert est la volonté suprême: la chercher ailleurs c'est chercher un remède pire que le mal, c'est faire un appel aux passions de la multitude. Arch parl. Tome XL, p. 385.

Но власть этого сложнаго органа, по ученію правительства Людовика XVIII, далеко не безгранична: во Франціи не приложимъ принципъ англійскаго права — принципъ всемогущества парламента. Высшій авторитетъ во Франціи принадлежитъ, безспорно, королю и палатамъ; но онъ не безграниченъ и находитъ свой предѣлъ въ тѣхъ основныхъ опредѣленіяхъ хартіи, которыя образуютъ собою безспорные принципы современнаго правового порядка. «Законы, говоритъ де Серръ, не имѣютъ тираническаго суверенитета: они не могутъ преступать незыблемыхъ правилъ справедливости и разума; они являются для охраненія благопріобрѣтенныхъ правъ и для обезпеченія общихъ интересовъ націи[1]). Начало ограниченности законодательной власти предѣлами основныхъ принциповъ конституціоннаго строя очень рѣшительно высказываетъ Корбіеръ въ рѣчи, произнесенной имъ 7 мая 1824 года. «Кто не чувствуетъ, кто не видитъ съ перваго же взгляда, восклицаетъ онъ, что существуютъ постановленія, которыхъ ни подъ какимъ предлогомъ касаться нельзя: это тѣ опредѣленія хартіи, которыя образуютъ необходимую основу нашей политической системы, а именно: раздѣленіе властей на три отрасли, существованіе палаты перовъ, назначенныхъ королемъ, но имъ не смѣняемыхъ, палаты депутатовъ, выбранныхъ избирателями, но могущихъ быть распущенными королемъ, вотированіе налоговъ и законовъ, несмѣняемость судей одинаковое съ этими опредѣленіями значеніе имѣютъ общія свободы, которыя хартія обезпечиваетъ французамъ, и тѣ частныя права, которыя она имъ гарантируетъ[2]).

Правительство Людовика XVIII различаетъ такимъ образомъ въ хартіи двѣ категоріи опредѣленій, рѣзко другъ отъ друга различающихся и по своему значенію и по своей юридической силѣ: одни касаются самыхъ принциповъ существующаго строя: они такъ же незыблемы, какъ этотъ строй, и пересмотру законодательной власти не подлежатъ; вторыя же имѣютъ второстепенное значеніе: они представляютъ собою лишь техническое приспособленіе основныхъ началъ, но никакихъ новыхъ принциповъ въ себѣ не заключаютъ. Они имѣютъ лишь регламентарный характеръ и могутъ быть измѣнены обыкновенной законодательной властью. «Было бы ложно утверждать, говоритъ де Серръ, будто сложный суверенитетъ, какъ онъ существуетъ у насъ, т.-е. авторитетъ короля и двухъ палатъ, обладалъ бы властью лишить французовъ тѣхъ правъ, кото-

[1]) Les lois n'ont pas une souveraineté tyrannique (que je n'admets nulle part); qu'elles ne peuvent s'élever au dessus des règles éternelles de la justice et de la raison, qu'elles doivent être faites pour le maintien des droits acquis et dans les intérêts généraux de la nation. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXX. p. 403.

[2]) Arch. parl. 2-ème Série. T. XL, p. 387.

рыя ими пріобрѣтены, правъ, покоящихся на разумѣ и на вѣчной справедливости; но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ измѣненіи статьи хартіи второстепеннаго значенія, и тамъ, гдѣ такое измѣненіе признано безусловно необходимымъ, тамъ пересмотръ соотвѣтствующей статьи обычнымъ законодательнымъ порядкомъ безспорно допустимъ»[1]).

Правительство Людовика XVIII рѣшительно отрицало за королемъ право собственной властью и одностороннимъ объявленіемъ своей воли видоизмѣнять конституцію. Оно послѣдовательно и неуклонно исповѣдывало принципъ неприкосновенности основныхъ началъ представительнаго строя, закрѣпленныхъ хартіей. Оно допускало пересмотръ акта 4-го іюня лишь въ тѣхъ его частяхъ, которыя не затрогиваютъ этихъ основныхъ опредѣленій, но при этомъ ставило необходимымъ условіемъ, чтобы эти измѣненія второстепеннаго значенія происходили не путемъ королевскихъ распоряженій, а не иначе, какъ въ формѣ закона.

Требованіе же либераловъ, чтобы эти измѣненія были недоступны обычной законодательной власти и чтобы вообще всякое измѣненіе въ хартіи, какихъ бы второстепенныхъ статей оно ни касалось, не могло бы состояться иначе, какъ особымъ усложненнымъ порядкомъ, это требованіе министры Людовика XVIII не только считали излишнимъ, но и признавали безусловно вреднымъ. Они видѣли въ установленіи такого особаго порядка признаніе учредительной власти, главенствующей надъ законодательной и ее себѣ подчиняющей. А признаніе такой власти, разсуждали они, предполагаетъ исповѣданіе начала народнаго суверенитета и неотра-

---

[1]) Arch. parl. T. XXXIV, p. 221. Ту же точку зрѣнія развиваетъ и Корбіеръ въ рѣчи, произнесенной имъ 7-го мая 1824 года. «Нельзя, замѣчаетъ онъ, согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые утверждаютъ, будто не существуетъ важнаго различія между тѣми постановленіями хартіи, которыя составляютъ ея сущность, и тѣми, которыя лишь акцессорны и регламентарны... Нельзя отрицать, что рядомъ со статьями первостепенной важности существуютъ другія опредѣленія, имѣющія первостепенное значеніе, предназначенныя только регулировать въ деталяхъ примѣненія этихъ великихъ принциповъ и вполнѣ доступныя улучшеніямъ, признаннымъ опытомъ необходимыми. Возражаютъ, что разъ допущено различіе между статьями принципіальной важности и опредѣленіями второстепенными, никто не помѣшаетъ министрамъ этому различію давать произвольное истолкованіе и подъ предлогомъ второстепеннаго значенія отмѣнять одну за другою всѣ статьи хартіи. Но, дѣлая это возраженіе, забываютъ, что въ этихъ вопросахъ не министры имѣютъ рѣшающій голосъ: они, правда, могутъ возбуждать подобные вопросы, но для того, чтобы ихъ предложеніе было принято, необходимо, чтобы они положительнымъ образомъ доказали, что предложенное ими измѣненіе дѣйствительно необходимо и что оно не колеблетъ ни одного изъ основныхъ и священныхъ принциповъ конституціоннаго договора, и необходимо чтобы они доказали это передъ палатами, являющимися ихъ непосредственными судьями, и передъ судомъ общественнаго мнѣнія». Рѣчь Корбіера 7 мая 1824 года, Arch. parl Tome XL, p. 387.

зимо ведетъ къ системѣ конвентовъ, столь въ своихъ послѣдствіяхъ, какъ показалъ опытъ, вредоносной[1]).

Правительственная доктрина объ измѣняемости хартіи за все время царствованія Людовика XVIII держалась неизмѣнно указанной умѣренной точки зрѣнія, такъ же далеко отстоявшей отъ принципа народнаго суверенитета, какъ и отъ начала неограниченной власти самодержавнаго короля. Эта доктрина учила, что со времени дарованія хартіи высшая законодательная власть во Франціи осуществляется не иначе, какъ совмѣстной дѣятельностью короля и обѣихъ палатъ.

Признавая палаты необходимыми соносителями суверенной власти, министры Людовика XVIII не хотѣли, однако, видѣть въ нихъ равноправныхъ королю государственныхъ факторовъ. Если, учили они, король не можетъ издать ни одного закона безъ согласія на него парламента, то, съ другой стороны, степень участія короля и палатъ въ законодательномъ творчествѣ далеко не одинакова. Преобладающая въ этомъ творчествѣ роль принадлежитъ королю, и въ этомъ отношеніи французскій государственный строй рѣзко отличается отъ другихъ политическихъ формъ, построенныхъ на началѣ народнаго суверенитета и видящихъ въ народѣ высшую инстанцію,

---

[1]) Arch. parl. Рѣчь Бенжамена Констана въ палатѣ депутатовъ 27 мая 1820 года. Tome XXVIII, p. 156. Въ этомъ же смыслѣ высказывается здѣсь Паскье: «Въ конституціонномъ правительствѣ, рѣшительно заявляетъ онъ, нѣтъ другого способа вносить измѣненія въ конституцію, кромѣ того, который установленъ самой конституціей для составленія законовъ: не будь его, надъ государствомъ висѣла бы постоянно угроза или революція, или ему угрожала бы опасность застоя. Этотъ принципъ я считаю возможнымъ смѣло выставить передъ всѣми людьми — друзьями свободы. Паскье подробно развиваетъ эти мысли въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ депутатовъ 27 іюня 1820 года. «Всякая конституція, не носящая въ себѣ легкаго и простого способа во всякое время вноситъ въ свои статьи улучшенія, въ которыхъ она нуждается, — была бы силою вещей осуждена на очень кратковременное существованіе. Я говорю, что эти способы должны быть простыми и легкими; я еще прибавлю, что они должны быть взяты изъ естественнаго и обычнаго хода законодательной власти. Я утверждаю, что если бы было иначе, если бы хотѣли избрать болѣе торжественныя формы, если бы прибѣгли къ средствамъ чрезвычайнымъ, то этимъ вызвали бы опасности, которыхъ породили бы именно тѣмъ, что о нихъ оповѣстили; силою вещей установили бы право высшаго порядка, главенствующее надъ правомъ обычной законодательной власти; неотразимой послѣдовательностью вы впали бы въ систему конвентовъ, въ то ужасное проявленіе суверенитета народа, дѣла котораго были бы всегда ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ разрушенія. И, дѣйствительно, мы видимъ, что вездѣ, гдѣ существуютъ люди, которые хотятъ разрушенія, они неистовыми криками взываютъ къ конвентамъ. Остерегайтесь же всего, что могло бы дать основаніе предполагать этотъ принципъ, и умѣйте понять, какъ то поняли англичане, что законодательная власть, состоящая изъ короля, палаты перовъ и палаты депутатовъ, фактически и юридически обладаетъ всѣми способностями, всѣми полномочіями, необходимыми для поддержанія, для сохраненія, для защиты для улучшенія, для усовершенствованія конституціоннаго порядка. Arch. parl., T. XXIX, p. 8.

во всѣхъ основныхъ вопросахъ государственнаго законодательства и управленія говорящую свое послѣднее слово. «Источникъ, изъ котораго наши палаты почерпнули свой авторитетъ, говоритъ Мартиньякъ, всегда мысленно передъ нами, и мы не можемъ ни забыть его, ни ложно истолковать. Полномочія, на которыхъ покоится нашъ авторитетъ, являются делегаціями суверенной власти; этотъ авторитетъ исходитъ отъ короля, онъ является результатомъ уступки, продуктомъ добровольнаго раздѣла. Исходя отъ короля, палаты безсильны принять рѣшеніе противъ короля и помимо него... У насъ король — творецъ властей, призванныхъ къ составленію законовъ. Онъ приводитъ ихъ въ движеніе, онъ же ихъ умѣряетъ. Отъ него исходитъ иниціатива законовъ, онъ же является ихъ исполнителемъ. Законодательный проектъ исходитъ отъ него, и законъ возвращается къ нему, чтобы получить свою суверенную власть и ту силу и то дополненіе, которыя предписываютъ исполненіе и повелѣваютъ повиновеніе».

Въ виду такого соотношенія власти короля къ компетенціи палатъ, установленнаго существующимъ строемъ во Франціи, по мнѣнію Мартиньяка, не можетъ быть и рѣчи о господствѣ начала народнаго суверенитета. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, тамъ, гдѣ починъ законовъ исходитъ отъ короля, гдѣ существуетъ наслѣдственная и аристократическая палата, созданная королемъ и члены которой назначаются имъ, гдѣ существуетъ палата, избранная народомъ, но учрежденная королемъ и имѣющая лишь ту долю авторитета, которая имъ ей предоставлена, тамъ, гдѣ санкція исходитъ отъ королевскаго авторитета и безъ этой санкціи нѣтъ ни исполненія, ни повиновенія, — въ такой странѣ, утверждаю я, нельзя распознать государственныхъ актовъ, которые хотя бы чѣмъ-нибудь напоминали акты народнаго суверенитета»[1]).

Приведенныя выдержки изъ парламентскихъ рѣчей министровъ Людовика XVIII, произнесенныхъ ими въ 1816 по 1824 годы, показываютъ, что правительственныя заявленія за этотъ періодъ времени значительно умѣряютъ доктрину монархическаго принципа, въ той формулировкѣ, въ которой она появилась въ 1814 году: король, сохраняя самородность своей власти, перестаетъ, однако, въ этотъ періодъ быть единственнымъ носителемъ суверенитета и становится лишь однимъ изъ факторовъ верховенства, хотя и высшимъ. Онъ, по ученію правительственной доктрины, является теперь тѣмъ центральнымъ органомъ государственной власти, который руководитъ всѣми остальными, направляя ихъ дѣятельность.

---

[1] Arch. parl., T. XLI, p. 294.

умѣряя ее и объединяя. И мы на основаніи изложеннаго можемъ съ полной опредѣленностью выставить положеніе, что въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVIII доктрина монархическаго принципа безусловно чужда тѣхъ острыхъ формулъ, которыми ее вооружили притязанія ультрароялистовъ [1]). Она за весь этотъ періодъ сохраняетъ свой сдержанный и умѣренный характеръ и приспособляетъ свои формулы къ рамкамъ представительнаго строя, никакой опасностью ему не угрожая и никакихъ принциповъ не установляя, которые могли бы пробить брешь въ устойчивости конституціоннаго уклада.

Лишь въ царствованіе Карла X, какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ этюдѣ, она пріобрѣтаетъ значеніе боевого клича, натравливающаго сторонниковъ стараго порядка на ревнителей политической свободы, боевого клича, ведущаго къ той катастрофѣ, которая имѣетъ своимъ послѣдствіемъ окончательное упраздненіе королевской власти Божіей милостью и вмѣстѣ съ нею безвозвратное крушеніе для Франціи доктрины монархическаго принципа.

Съ тѣхъ поръ эта доктрина становится злѣйшимъ врагомъ народной свободы и дѣлается излюбленной теоріей политической реакціи; она окончательно выходитъ изъ обихода государствъ западной культуры и находитъ себѣ пристанище лишь въ тѣхъ странахъ, которыя, подобно современной Германіи, отожествляютъ государство съ государемъ и въ остротѣ и силѣ его меча видятъ надежнѣйшій оплотъ общественнаго порядка и государственной мощи.

---

[1]) Французская доктрина монархическаго принципа въ этомъ фазисѣ своего развитія предвосхищаетъ то ученіе нѣмецкихъ ученыхъ о князѣ, которое является характернымъ для новѣйшей науки въ Германіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь сопоставить выдержки изъ рѣчи Мартиньяка съ слѣдующими словами Еллинека: «Существененъ для монарха тотъ признакъ, что онъ представляетъ высшую власть государства. Это — та власть, которая является двигательной силой всего государственнаго механизма. Если, такимъ образомъ, неправильно положеніе, что власть неизбѣжно сосредоточена въ лицѣ короля, то тѣмъ не менѣе справедливо для всѣхъ монархій....., что всѣ государственныя функціи исходятъ отъ монарха и въ немъ объединяются». Jellineck, Allgemeine Staatslehre», стр. 663, 664, 776. Ср. также другія цитаты, приведенныя у А. С. Алексѣева, Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ», Ярославль, 1910 г., стр. 79.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.